

Р е н а т Б е к к и н

Ислам

от монаха Багиры

Турбореалистический роман

Беккин
УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос = Рус) 6-44
Б 42

Б42 Ренат Беккин

Ислам от монаха Багиры / Ренат Беккин.
- Москва: Кислород, 2007. - 240 с.

Что делать, если Вы попали в один из шариатских судов? Как решить дело о разводе по шариату, не имея никакого представления о том, что это такое? Можно ли ужиться с тремя официальными женами в небольшой квартире в Санкт-Петербурге? Как «сходить налево» и, не потеряв денег по брачному договору, взять вторую жену?

Все, что Вы хотели узнать об исламе — в «Исламе от монаха Багиры» — романе-фьюжн молодого, талантливого писателя.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-901635-18-6

© Ренат Беккин. 2007
© ИД Кислород. 2007
© Дизайн обложки П. Папихин. 2007

Дорогой читатель! Спасибо, что ты согласился взять в руки эту книжку, не боясь прослыть кровожадным террористом и ваххабитом. В благодарность за это автор не смеет долее держать тебя в неведении и решается раскрыть все карты сразу.

Любезный читатель, спешу тебя разочаровать. То, что ты держишь в своих драгоценных руках, — не совсем детектив. Скорее, это учебник, который можно было бы назвать «Введение в мусульманское право» или «Некоторые особенности мусульманского права». Вдохновленный средневековыми мусульманскими юристами, чьи труды читаются столь же легко, как и искусно придуманный детектив, автор был осенен мыслью создать детектив, который бы читался с не меньшим интересом, чем учебник по шариату.

Итак, милый читатель, закрой глаза и представь, что, пробудившись как-то утром после блаженного сна, ты вдруг окажешься в стране, где введено шариатское судопроизводство...

Все герои вымышленные.
Любые совпадения случайны.

Посвящается памяти моего отца
Ирика Файзрахмановича Беккина

ДЕНЬ МАДИНЫ

По свидетельству Анаса бин Малика (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): «Помогайте вашему брату, будь он угнетатель или угнетаемый». Люди спросили: «О, Посланник Аллаха! Понятно, что нужно помогать тому, кто угнетает, но как можно помогать угнетателю?» Пророк ответил: «Путем удержания его от угнетения других».

Приведено у аль-Бухари

Было около шести вечера, когда Абдулла покинул старинное, ничем не примечательное, кроме своего возраста, здание шариатского суда на Невском. Едва не растянувшись на обледеневшем крыльце, он вознес хвалу Аллаху за удачное избавление, поправил слегка покосившуюся шапку и направился домой. К вечеру опять похолодало, — на этот раз до минус двадцати двух. Абдулла с благодарностью засунул свои небольшие костлявые ручки в варежки из добротной верблюжьей шерсти, присланные около года назад братом Сашей.

«Хорошо тебе сейчас, Саня, — фыркая навстречу морозу, подумал Абдулла. — Море, солнце, устрицы...»

Абдулла обожал устриц. Он мог съесть их сколько угодно и с чем угодно: с йогуртом, квасом, сметаной, фасолью, дыней и даже неуклюжими оладьями, которые каждое воскресенье ему готовила старшая жена Аня. Средняя жена Зайнаб, глядя на бессловесных тварей, бессмысленно плававших в кастрюльке, ворчала:

— Нечистые это существа, на них смотреть-то противно, не то, что есть.

«Глупенькая! — вспомнив о Зайнаб, сказал про себя Абдулла. — Какие же это нечистые животные? Покажи мне хоть одно, пусть даже самое отдаленное упоминание в Коране или достоверных хадисах Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) о том, что правоверному нельзя есть устриц. Выдумщица!»

В таких вопросах с Абдуллой лучше было не спорить. С тех пор, как два года назад вышла его книга «Аль-Халаль валь-харам фи-ль-ислам»*, он считался одним из самых уважаемых специалистов в области дозволенного и запретного в исламе. В свое время сам профессор Авдеенко обращался к нему за советом по поводу легитимности (с точки зрения шариата) договора контракта. Но разве Авдеенко указ для Зайнаб? У нее на все свой ответ и свои законы.

«Бедная Зайнаб, — продолжал размышлять Абдулла, немедленно раскаявшись в своей уже не в первый раз невысказанной грубости по отношению к средней жене, — что ты понимаешь в устрицах! Ты просто не умеешь их так же вкусно готовить, как это делает Мадина. Кстати! Сегодня же понедельник — день Мадины. Надеюсь, сегодня она не обманет мои ожидания, тем более, что я это, кажется, заслужил».

На улице было тяжело пройти от обезумевших искателей подарков и предпраздничных неожиданностей. Нерасторопные дворники, пару раз взмахнув большими деревянными лопатами с нелепой надписью «Made in Russia», делали

* «Дозволенное и запретное в исламе» (араб.).

очередной неспешный, как и их неосмысленная трудовая жизнь, перекур.

— Дворники?! — изумился Абдулла. — За несколько часов до Нового года?! Наверное, евреи.

Приятно пораженный ответственным подходом сограждан к своей работе, Абдулла умиленно улыбнулся и продолжил путь домой. Ноги неуклюже скользили по неровно сформировавшемуся льду. Лед встречался даже на дороге, отчего многочисленные машины, везшие своих обладателей к праздничному столу, вынуждены были ехать тише обычного. Благодаря неромантичным и суетливым пешеходам невесомый белый снежок, нежно и даже как-то по-приятельски падавший с неба, в мгновение превращался в неприятную на вид кремообразную жижу, заставлявшую человека, натыкавшегося на нее, уподобляться в своих движениях разным по-настоящему нечистым животным.

Весь Невский проспект, по которому шел Абдулла, был украшен установленными повсюду нарядными плакатами и вывесками на русском и арабском языках, извещавшими о грядущем празднике, светом от елочных огней в витринах магазинов и от самих витрин. По дороге Абдуллу задевали чьи-то локти, ладони, плечи. В такой толкучке о ритуальной чистоте можно было забыть.

Абдулла не очень любил Новый год. При мысли об этом, казавшемся ему архаичном празднике, в его все еще свежей памяти уныло и скоротечно перемещались черно-белые картинки из детства: суета на кухне, веселье, сменяемое руганью, шампанское вперемешку с водкой, не успевшие просолиться огурцы.

Абдулла ненавидел алкоголь. Наверное, поэтому, как с усмешкой говорили друзья, ему было не так сложно принять ислам. Недоброжелатели утверждали, что он сделал это из карьеристских соображений: мол, сейчас в России необрезанному сложно занять более или менее серьезный пост. Пусть думают, что хотят. По истине, только Аллаху ведомо, что в сердцах людских!

Как и все неофиты, Абдулла был немногочисленным фанатиком: молился не положенные пять, а шесть раз в день, постился не только в Рамадан, но и в течение двух других месяцев. Единственной его слабостью, известной окружающим, были уже упомянутые устрицы. Однако, будучи строгим к себе, он был более чем снисходителен к порокам и слабостям других людей — как правоверных, так и немусульман, забывая о своей доброте лишь в минуты величайшего гнева.

Однажды, только заняв должность председателя Н-ского шариатского суда г. Санкт-Петербурга, он из любопытства зашел в специальное помещение при суде, где осуществлялись телесные наказания по свежавынесенным приговорам.

То, что Абдулла увидел, вынудило его вскрикнуть от ужаса. На безмерном деревянном столе, покрытом изорванной в клочья клеенкой, лежало чье-то синюшное полуобнаженное тело, над которым, не покладая рук, обливался потом палач-трудолик. Увидев незаметно вошедшего в комнату Абдулла, исполнитель наказаний в соответствии с шариатом Саид Касумов на миг остановился и с каким-то ожесточенным задором поздоровался, а потом,

будто вспомнив о своем главном предназначении, широко замахнулся на осужденного тонкой деревянной палкой, ужасно похожей на бейсбольную биту.

Но нанести удар он не успел. Неизвестно каким образом палка, или бита, вдруг оказалась в руках Абдуллы, а сам палач, пикантно изобразив ногой в воздухе что-то среднее между буквами «алиф» и «каф», антихудожественно распластался на полу.

— Вставай, — заорал Абдулла, и здоровяк Саид испуганно вскочил на ноги. — Снимай рубашку! Ну!

Саид оголил свое более чем упитанное белое тело с небритыми подмышками и вслед за тем содрогнулся от сухого острого удара под лопатку. Второй удар оказался на порядок сильнее первого, и Саид машинально потянул руку к больному месту, за что тут же схлопотал палкой по ладони.

— Что?! Больно?! — с этими словами Абдулла наотмашь ударил Саида пониже спины.

Саид мучительно взвыл и кинулся по направлению к выходу. Но ловкий Абдулла предательски подставил ему ногу, и заплечных дел мастер уронил на пол свое натруженное мокрое тело.

— За что вы меня так? — взревел Саид.

— А ты его за что? — Абдулла указал палкой на ожившего от воплей Саида осужденного, с увлечением и приятным удивлением наблюдавшего за избиванием своего учителя. — Вставай!

— А вы больше бить не будете? — обреченно спросил Саид.

— Не буду. Вставай! Врача сюда! Где врач? — не унимался Абдулла.

— Не знаю... В больнице, наверное, — почти прошептал Саид.

— Что?! Да знаешь ли ты, что по закону врач должен присутствовать при каждом телесном наказании, чтобы в случае необходимости оказать помощь пострадавшему?! — загромыхал своим могучим, никак не гармонизировавшим с его весьма скромной комплекцией, голосом Абдулла.

— Какой же он пострадавший! Он — осужденный, — слово «осужденный» Саид произнес с ударением на втором слоге.

— Молчи! Вставай!

Саид неуверенно поднялся и сделал два шага в сторону от Абдуллы, который, меж тем, начал потихоньку успокаиваться.

— Я еще раз спрашиваю: кто дал тебе право издеваться над этим несчастным? — спросил Абдулла уже не так громко.

— В-вы, — заикаясь, ответил Саид, с опаской глядя на Абдулла в ожидании новых ударов.

— Я?! — Абдулла с трудом удержался, чтобы снова не ударить наглеца.

— Вы же вынесли сегодня приговор. Назначили этому пьянице тридцать ударов... Осужденный Бабаханов. Осужден за появление в непотребном виде в публичном месте и нарушение общественного порядка. Помните?

— Да, я действительно назначил ему тридцать ударов, но не этим! — Абдулла со злостью ударил палкой, похожей на биту, о каменный пол так, что одна ее половина с треском отлетела в сторону.

— А чем же еще? У нас другого нет, — виновато развел руками Саид.

— И давно вы таким образом «работаете»? — немного успокоившись, Абдулла перешел на более привычное «вы».

— Через месяц будет пять лет, — с непонятной Абдулле гордостью произнес Саид.

— И все эти пять лет вы издеваетесь над осужденными?! — услышав эту чудовищную новость, Абдулла почувствовал, как задрожали его руки, — так, что ему пришлось спрятать их в карманы. — Вот что, дорогой, я вам гарантирую, что вы будете наказаны, — объявил он тоном, не вызывавшим сомнений.

— За что? — Саид боком попятился к столу, на котором распластался приходивший в себя осужденный, и, приоткрыв один из нижних ящиков стола, достал какую-то книжицу, заляпанную подозрительными коричневыми пятнами.

— Это еще что? — резко спросил Абдулла.

— «Инструкция исполнителю наказаний в соответствии с шариатом», — торжественно прочитал Саид надпись на обложке. — Вот здесь, страница три, написано: «Наказание в виде определенного количества ударов может производиться палкой или любым другим подручным средством, — по возможности, — без нанесения кровавых ран».

Абдулла нетерпеливо вырвал из рук трясащегося от страха Саида книжку с коричневыми пятнами.

— Любым другим подручным средством! По возможности, без нанесения кровавых ран! Кто это придумал?! — Абдулла чувствовал, что вновь теряет над собой контроль.

— Не знаю, — губы Саида дрожали и молили о пощаде. — Инструкция ГУИНа.

— Так вот, любезный, слушайте меня и хорошенько запоминайте, — Абдулла бросил быстрый взгляд на осужденного. — Нет, сначала приведите его в чувство. Умрет он или выживет, вы будете наказаны аналогичным образом. Причем, те удары, которые вы только что получили от меня, — не в счет.

— Понял, — Саид нежно дотронулся до своих свежих ран.

— Ну что вы стоите! Принесите воды, — Абдулла подошел к лежавшему. — Как у вас дела? Вы можете встать?

— Никто еще не умирал, — пробурчал Саид и пошел в туалет за водой.

— Вас не спрашивают! — Абдулла пожалел, что так рано разделался с палкой.

Осужденный попытался встать, но, сделав два шага, повалился на пол. Абдулла подбежал к Бабаханову и, взяв его на руки, положил в кресло, в котором в перерывах между неотвратимыми для провинившихся бедолаг наказаниями баловался кофейком Саид. Достав мобильник, Абдулла набрал «скорую». Врачи обещали приехать как только, так сразу, если не задержат «пробки» и другие, более важные, вызовы.

Абдулла наклонился над ухом Бабаханова:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, мы проведем служебное расследование и накажем, кого следует. Но для получения компенсации за полученные увечья вам или вашим родственникам необходимо обратиться в суд.

Пришел Саид с графином. Напоив осужденного, Абдулла обратился к виновато щурившемуся исполнителю наказания в соответствии с шариатом.

— А теперь слушайте меня! Слушайте внимательно! Вне зависимости от того, уволят вас или нет, вам следует зарубить на своем носу следующие вещи. Во времена Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) наказывали не палкой, а пальмовой ветвью.

— Так где ж ее взять? — удивился Саид, предварительно удалившись от Абдуллы на безопасное расстояние.

— Не перебивайте! — резко оборвал Саида Абдулла. — Могли бы обратиться ко мне, и я бы вам ее достал. Но даже, если у вас не было возможности отыскать пальмовую ветвь, можно было использовать розги, наконец. Почему вы самоуправствуете?

— Мой предшественник тоже наказывал такой палкой. Она мне, кстати, от него по наследству досталась, — казалось, Саид гордился этим обстоятельством.

— Аллаху та'аля*! Сколько же людей вы погубили, фашисты?! — закатив глаза и воздев руки к люстре, прокричал Абдулла.

— Зачем вы так? Мы не фашисты! — по-детски неуклюже огрызнулся Саид. — Никто вроде бы пока не умер.

— Вроде бы! — гневно повторил Абдулла. — Нашли чему радоваться! Впрочем, слушайте дальше. Кто вас учил так наносить удары?

— Ну, уж как бить — меня учить не надо. Я специальные подготовительные курсы в Москве закончил. У меня диплом с отличием, — Саид опять залез в ящик стола и достал оттуда зеленого цвета корочку с вкладышем. — В этом деле мне во всем Питере равных нет. Вы вот лучшим шари-

* О, Всевышний Аллах! (араб.).

атским судьей считаетесь, а я — лучшим исполнителем наказаний.

— Дайте-ка это сюда, — Абдулла со злобным любопытством отобрал у Саида диплом с оценками: «Настоящим дипломом подтверждается, что его обладатель Саид Касумов прослушал двухмесячный курс и получил специальность исполнителя наказаний в соответствии с шариатом. Обладатель данного диплома может работать в качестве исполнителя наказаний при шариатских судах и местах лишения свободы, где содержатся мусульмане. Диплом недействителен без вкладыша с оценками».

К диплому прилагалась помятая бумажка, заляпанная все теми же коричневыми пятнами.

— Так-так... История ислама. Пять... Основы шариата. Пять... Физическая подготовка. Пять. Кто бы сомневался!

— У меня еще рекомендательное письмо от начальника курсов есть и справка о распределении, — похвастался Саид.

— Видел я их, — апатично произнес Абдулла. — Знаете что, зря вы так радуетесь. Если бы Пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) увидел, как вы бьете этого несчастного, он бы вас, мягко выражаясь, очень огорчил. Наносить удары надо так, чтобы локоть не отрывался от тела, смотрите: вот так, — Абдулла прижал правый локоть к боку и стал неспешно двигать рукой вверх-вниз.

— Ничего себе! Но ведь так не больно совсем! — возмутился Саид.

— Аллаху 'азым*! — Абдулла схватился за голову. — Кого только берут работать...

* О, Великий Аллах! (араб.).

Цель наказания — не увечье человека, а возмездие, направленное на его исправление. Главное, чтобы осужденный осознал свою вину и больше никогда так не поступал. А если его лупить нещадно, то он от этого только злее станет.

— Надо же... Я не знал. Я исправлюсь! Обязательно исправлюсь! — ишачьим голосом застонал Саид.

Абдулла молчал, придирчиво рассматривая Саида.

— Да, и побрейте под мышками, пожалуйста. Нехорошо как-то...

Пока Саид обдумывал ответ на эту необычную то ли просьбу, то ли приказ, в комнату для наказаний бодро вошел врач, добродушный, на первый взгляд, крепкий старик, с окрашенной в фиолетовый цвет длинной бородой. Неслышно поздоровавшись, он сразу направился к осужденному. Вслед за ним вошли два санитары с носилками. Поколдовав некоторое время над лежавшим, «фиолетовый» доктор обратился к Абдулле:

— При поверхностном взгляде у больного перелом позвоночника, копчика и двух ребер, — сообщил он звонким голосом. — Необходима срочная госпитализация. С вашего позволения, мы заберем его.

— Да, конечно, — пробормотал Абдулла, несколько не разделяя восторженного пессимизма доктора Папазяна, как гласил здоровых размеров бейдж, прикрепленный к широкой груди врача.

— Вот, распишитесь здесь, — Папазян достал из кармана желтую бумажку бланка.

Абдулла машинально черкнул свою фамилию. Когда он обернулся, чтобы

взглянуть на Бабаханова, он увидел, что тот уже лежит на носилках, уносимых ловкими санитарями. Вслед за ними величаво шествовал доктор. Подойдя к выходу, он стремительно обернулся.

— Безобразие! Тут к нам десятки вызовов за день, так еще вы прибавляете работы со своим шариатским законодательством. Эх, не было у бабы забот, — презрительно причмокнув губами, доктор Папазян покинул помещение.

Абдулла посмотрел на Саида, и тот все понял.

На следующий день рано утром Саид принес заявление об уходе, но Абдулла почему-то не подписал его. От радости Саид упал на колени и, заливаясь слезами подобно употребившей после бани спиртного плаксивой старухе, попытался поймать правую руку Абдуллы.

— Перестаньте! Встаньте немедленно! — закричал Абдулла и отбежал в сторону, словно на него собралась прыгнуть отвратительная лягушка.

Саид повиновался.

— Рано радуетесь, — Абдулла меланхолично провел тыльной стороной ладони по наморщившемуся лбу. — К исполнению своих обязанностей вы сможете приступить только после вынесения судом решения по вашему делу. Сегодня утром по электронной почте я получил иск родственников потерпевшего Бабаханова. Да-да! Из подсудимого и осужденного он вашими стараниями превратился в потерпевшего. Он сейчас находится в очень плохом состоянии. Думаю, что речь будет идти о полной

дийе*, а это на сегодняшний день — около десяти тысяч рублей**. С учетом смягчающих обстоятельств — минимум тысяч восемь. Сомневаюсь, что вы сможете отыскать такие деньги. Так что, батенька, готовьтесь к кисасу***. Кстати, сколько ударов вы успели нанести осужденному до моего прихода?

— Восемнадцать, кажется, — не сразу вспомнил Саид.

— Немало! Вот и получите свои восемнадцать ударов, — подытожил Абдулла. — Только бить вас будут не по правилам, а так, как били вы. На то он и кисас.

— Я стерплю. А потом, — Саид запнулся, — смогу я продолжить работу? Я жить без нее не могу!

— Да вы оптимист, уважаемый, — наивность и трогательность некоторых высказываний Саида не могла не вызвать улыбку.

— Я верю, что Аллах не оставит раскавшегося раба Своего! — закатив глаза, продекламировал Саид.

* Дийа (араб. — выкуп) — вира, плата за кровь. Компенсация за убийство или увечье, предоставляемая виновным или его родственниками пострадавшему или его родным. В различные эпохи размер дийи был неодинаков. Во времена Пророка Мухаммада полная дийа (за убийство свободного мужчины) составляла 100 верблюдов, или 200 голов крупного рогатого скота, или 2 тысячи овец, или 1 тысячу динаров, или 10 тысяч дирхемов, или 200 кусков дорогой ткани, каждый из которых достаточен для изготовления одежды.

** Автор полагает, что по курсу Центрального банка России на 1 января 2049 г. 1 рубль будет равен 10 китайским юаням или 800 долларам США.

*** Кисас (араб. — воздаяние равным) — эквивалентное наказание по принципу талиона. Является действующей правовой нормой во многих исламских государствах. За преднамеренное убийство по кисасу полагается смерть. Непредумышленное убийство (в драке, по неосторожности и др.) наказываются уплатой дийи. За увечье полагается аналогичное увечье, если это представляется возможным. В противном случае виновнику или его родственникам полагается выплатить пострадавшему компенсацию (дийу).

— Я тоже верю, — снисходительно улыбнулся Абдулла. — Ступайте. Да! Чуть не забыл. Прежде, чем вновь, иншаалла*, приступить к выполнению своих обязанностей, вы мне персонально сдадите основы 'укубата**.

— С сегодняшнего дня начну готовиться, — радостно прокричал Саид и, несмотря на свою тучную фигуру, легкомысленно выпорхнул из кабинета Абдуллы.

Абдулла не стал увольнять Саида. Он и так получит свое по решению суда. Зачем же осложнять участь этого недалекого служаки? Он — всего лишь жертва нашего российского безразличия и бюрократизма, где даже исполнение четких и ясных, как слеза ребенка, предписаний шариата превращается в гнусную карикатуру. А потом удивляются, почему люди стараются избегать шариатского правосудия.

Накануне Абдулла не спал всю ночь, изучая чудовищную по своей невежественности инструкцию ГУИНа, которая устанавливала порядок осуществления наказаний в соответствии с шариатом. Осилив ее минут за двадцать, остальную часть ночи шариатский судья прокрутил головой на тяжелой от невеселых ночных размышлений подушке.

На работу Абдулла отправился с кружившейся головой, ноющей печенью, покалывающим сердцем и твердым желанием ехать в Москву, в ГУИН. Благо, через два дня у него начинался отпуск.

* Если будет угодно Аллаху! (араб.).

** 'Укубат — мусульманское деликтное право. Объединяет такие отрасли, как уголовное, уголовно-процессуальное, исправительное право.

В Москве Абдулла провел без пяти дней месяц, вернувшись домой полуживым — с выпученными глазами и загадочной улыбкой на уставшем лице. Но поездка не была напрасной. Многие формалисты и бюрократы полетели со своих постов, а двое даже были привлечены к уголовной ответственности за превышение служебных полномочий и причинение вследствие этого косвенного вреда здоровью граждан.

А через месяц после возвращения Абдуллы в Петербург, президент Крыжовенко издал указ «О мерах по реформированию шариатской уголовно-исполнительной системы в стране». Указ должен был вступить в силу с первого января следующего года. Может быть, поэтому Абдулла впервые в жизни с нетерпением ждал наступления Нового года. А может быть, еще и потому, что ему просто хотелось выспаться во время этого непонятного старомодного праздника.

Перед самым домом Абдуллы компактно расположился шумный елочный базарчик.

— Может, в самом деле, купить елку? — подумал Абдулла. — Почему бы и нет? Все жены, даже суровая Зайнаб, просили его поставить в доме елку... Да простит Аллах мне эту детскую слабость! — мысленно произнеся эти заветные слова, Абдулла решительно устремился к огороженным наскоро сколоченным деревянным забором деревцам.

Но прежде чем он успел сделать последний шаг навстречу невинному греху, он почувствовал, как чья-то рука аккуратно подхватила его под локоть.

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

По свидетельству Зайда бин Халида аль Джу'анни (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха: «Не сообщить ли мне вам, кто является лучшим из свидетелей? Это тот, кто предлагает свои (свидетельские показания) до того, как его попросят об этом».

Приведено у Муслима

Обернувшись, Абдулла увидел невзрачнейшего бородатенького человечка в очках, одетого в теплую, но заметно поношенную дубленку. На голове его была черная мутоновая ушанка с опущенными ушами.

— Простите, уважаемый Абдулла Петрович, что беспокою вас столь бесцеремонным образом, — виноватым голосом произнес незнакомец. — Я шел за вами от самого здания суда, но все никак не решился подойти.

— Да-да, я вас слушаю, — Абдулла, который пребывал в тот в момент в столь знакомом каждому из нас состоянии усталости и растерянности, ничуть не удивился, а тем более не испугался появлению незнакомца в дубленке.

— Извините, я не представился, — незнакомец смущенно теребил в руках снятую варежку. — Меня зовут Илья Александрович Баум. Я — ведущий научный сотрудник Института востоковедения.

— Профессор Баум?! — пораженный Абдулла схватил Илью Александровича за обе руки и потряс имив воздухе. — Вот уж не ожидал! Я читал ваши книги. Признаюсь, давно мечтал с вами познакомиться.

Профессор Баум был широко известен среди специалистов своими добросовестными исследованиями по коранистике. Восхищение и удивление коллег вызывало даже не то, что у Баума едва ли не раз в год выходила очередная объемная монография с внушительным списком использованной литературы, а то, что он умудрялся вводить в научный оборот источники, до этого практически неизвестные специалистам.

Друзья шутили, что на даче у Баума хранится, по меньшей мере, сказочная библиотека халифа Гаруна аль-Рашида, книги из которой его предприимчивые предки сохранили до наших дней. В ответ Илья Александрович лишь отшучивался, а однажды, пригласив коллег на дачу, показал им весь дом, включая погреб, чтобы все убедились, что у него ничего нет. Но это только прибавило ему заслуженной таинственной славы.

Неудивительно, что Абдулла, много раз слышавший легенды о профессоре, был безумно рад его внезапному появлению. Вот и не верь после этого в новогодние чудеса!

— Спасибо, Абдулла Петрович, — устало улыбнулся профессор. — Я тоже много слышал о вас. Очень много хорошего... Собственно говоря, поэтому я и решил к вам обратиться. Вы извините, что я сразу перехожу к делу... В другой раз я бы, конечно, не посмел так поступить, но теперь... Теперь я ни о чем больше не могу говорить и думать, как только о своей беде. Абдулла Петрович, поверьте, мне очень совестно, что я отвлекаю вас прямо перед праздником, но, — профессор запнулся и отвел в

сторону взгляд. — Помогите мне, пожалуйста! Только вы можете мне помочь.

— Дорогой Илья Александрович, не волнуйтесь, пожалуйста, — тревога профессора начала постепенно передаваться Абдулле. — Я вас слушаю, и вы меня совсем не задерживаете. Мы находимся перед моим домом, и уж к последнему удару курантов я по всякому, иншаалла, успею. Кстати, может быть, лучше пройдем ко мне, а то на улице холодно? Вы ведь замерзли совсем. — Абдулле так понравилась автоматически пришедшая в голову мысль заманить профессора к себе и уговорить встретиться у него Новый год, что он забыл о своем недоверчивом отношении к этому архаичному, по его мнению, празднику.

С толерантной настойчивостью Абдулла три раза повторил свое приглашение, прежде чем Баум согласился. Однако, если бы Абдулла в тот момент не находился под впечатлением от встречи с профессором, он без труда заметил бы, что Илья Александрович только и ждал того самого третьего раза, после которого он охотно последовал за Абдуллой в его гостеприимное жилище.

Когда они подошли к лифту, Абдулла вдруг замер и шмякнул себя ладонью по голове.

— Что-то случилось? — с тревогой спросил профессор.

— Да нет, ничего особенного, — махнул рукой Абдулла, — просто я забыл купить елку.

— Это не дело, — нахмурил брови Баум и изобразил нечто, что в определенном состоянии духа кем-нибудь могло быть принято за улыбку, — пойдёмте, я помогу вам выбрать хорошее деревце.

Профессор не только помог выбрать, но и сам заплатил за елку, сославшись на то, что с пустыми руками в гости под Новый год не ходят: так пусть в этих руках будет хотя бы елка.

Прежде чем войти в квартиру, Абдулла позвонил домой по мобильнику и предупредил своих, что придет не один. Не разделяя взглядов некоторых консерваторов, утверждавших, что женщина должна находиться на своей половине и не показываться на глаза чужим мужчинам, Абдулла всякий раз приводил в пример Хадиджу, первую жену Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), которая активно участвовала в общественной жизни и была незаменимой помощницей Мухаммада Мустафы*. Ограничивая мир женщины, говорил Абдулла, мужчина ограничивает свой собственный мир.

Дома у Абдуллы не на шутку готовились к празднику. Огромный стол, стоявший посреди гостиной, был накрыт ручной работы белой скатертью, украшенной касыдами известных средневековых поэтов.

На столе симметрично размещались блюда с фруктами и салатами. По краям стола особняком стояли две большие тарелки с устрицами, а посередине — над царством мисок и тарелок — безраздельно властвовали два когда-то родных брата-кувшина, наполненные розовой жидкостью, с виду напоминавшей морс. Из кух-

* У Пророка Мухаммада около сотни имен или эпитетов, равнозначных имени. Самый употребительный эпитет — Мустафа (избранник). В соответствии с традицией, установленной в средние века мусульманскими богословами, при произнесении наряду (или вместе) с именем Пророка Мухаммада эпитета «Мустафа» необходимая в остальных случаях формула славословия («Да благословит его Аллах и приветствует!» и др.) может опускаться.

ни, находившейся неподалеку, ласково и по-домашнему пахло уткой с яблоками.

Но радость общения с женами была недолгой. Представив им профессора и употребив все доступные ему лестные эпитеты, касавшиеся ума, таланта и интеллигентности Баума, Абдулла попросил не беспокоить их некоторое время, добавив при этом совершенно лишнюю в подобной ситуации фразу: «если вы не возражаете».

До тех пор пока они с Абдуллой не вошли в кабинет, Баум то и дело пытался улыбаться, но вместо улыбки у него всякий раз выходила такая гримаса, о которой в личном обществе лучше умолчать.

«Хорошо держится, бедняга», — подумал Абдулла. Радость от того, что он может быть чем-то полезен профессору, мешала Абдулле настроиться на серьезную и, скорее всего, долгую беседу.

— Я не буду отнимать ваше драгоценное время и постараюсь как можно скорее изложить свою проблему, — сказал Баум после того, как Абдулла закрыл дверь в уставленный огромным количеством книг кабинет с большим персидским ковром XIX столетия на столе и туркестанским ковром XX столетия на полу. — При этом у меня к вам, уважаемый Абдулла Петрович, будет всего одна просьба. Не перебивайте меня, пожалуйста, до тех пор, пока я не закончу. Словом, все вопросы потом. Да и еще, — профессор умолк, словно размышляя, стоит ли ему продолжать, — хочется надеяться, что все, что я вам здесь расскажу, останется между нами.

«Великий старик», — подумал Абдулла, а вслух произнес:

— Конечно, профессор, я вас слушаю.

Абдулле уже самому не терпелось узнать, что же случилось с Баумом.

Тихо постучав, вошла Мадина с кофе, и на лице профессора опять появилась неестественная улыбка, исчезнувшая лишь после того, как за младшей женой Абдуллы захлопнулась дверь.

— Как вам известно, — начал Илья Александрович, жадно отпивая из миниатюрной чашечки отменный йеменский кофе, — я занимаюсь исследованиями в области коранистики. Меня интересует, прежде всего история создания тех или иных списков Корана, а также судьба переводов Священной Книги на разные языки. В силу специфики моей работы мне регулярно приходится бывать в архивах и библиотеках. Особенно часто мне пришлось в последнее время посещать Публичку. Я думаю, вы наверняка слышали о знаменитом собрании восточных рукописей в Публичной библиотеке. Несколько дней назад я наткнулся там на поистине бесценные рукописи, хранившиеся в запасниках и толком не систематизированные, то есть не внесенные в каталоги и известные мне списки. Я не буду вам перечислять все, что я там обнаружил, — это займет слишком много времени, да и мало чем поможет решению существующей проблемы.

Слушая профессора Баума, Абдулла не мог не отметить: «Говорит, словно пишет научную статью. Решение существующей проблемы... Забавный старик».

А забавный старик тем временем продолжал свой академический монолог, несколько не сбавляя темпов речи:

— Обнаружив такую гору малоизученных текстов, привезенных одним русским

военным еще в позапрошлом веке с Востока, я был несказанно счастлив. В последний раз к этим рукописям притрагивались лет сто пятьдесят назад, если не больше, — поймав увлеченный взгляд Абдуллы, профессор покраснел. — Простите, я отвлекаюсь.

В ответ Абдулла преданно закивал головой: «Что вы, Илья Александрович! Продолжайте, пожалуйста! Очень интересно!»

— Так вот, среди многочисленных рукописных книг, находившихся в десятилетиями не открывавшихся шкафах и не представляющих особой научной ценности, мое внимание привлекла рукопись, оказавшаяся списком Корана с сохранившимся титульным листом. Текст этот был написан почерком хиджази* на пергамене. Рукопись имела вертикальный формат. По этим, а также ряду других признаков, касающихся, в частности, манеры написания некоторых букв, я решил, что передо мной список Корана восьмого-девятого века. Я сделал такой вывод, поскольку имел дело с другими рукописями, относящимися примерно к этому же временному периоду. По целому ряду внешних признаков обнаруженный мною список напоминал знаменитую рукопись, известную как Коран Усмана. Более точной датировки я не мог дать, поскольку даже высокоточная техника в такой ситуации может ошибаться в датировке на целых сто лет.

Не мне вам объяснять важность подобной находки. В настоящее время в ми-

* Хиджази — один из вариантов почерков (стилей) арабского письма. Наиболее ранние дошедшие до нас рукописи Корана, датируемые VII — началом IX в., выполнены в стиле хиджази.

ре самые ранние копии Священной Книги относятся к первой половине восьмого века. Одна копия датируется примерно 712—713 годами, а две другие — 720 или 725 годом. Но данные тексты содержат лишь незначительные фрагменты, а тут передо мной лежал полный список Корана, составленный, быть может, примерно в те же годы.

Как известно, в течение двадцати лет после смерти Мухаммада его сподвижниками было подготовлено, по меньшей мере, пять версий текста Священной Книги. Редакция комиссии Зайда бин Сабита как раз и опиралась на одну из этих версий. Остальные же варианты текста Священной Книги были по приказу халифа уничтожены. После утверждения Усмановой редакции между рукописями продолжали сохраняться некоторые различия. Это так называемые кира'ат (чтения). Данные различия объясняются тем, что изначально текст Корана писался без огласовок, названия сур присутствовали не во всех текстах. Первые мусульмане не добавляли к тексту Корана никаких пометок и обозначений, считая себя не вправе видоизменять слово Аллаха. Кроме того, в ранних рукописях Корана не существовало разделителей стихов (айатов). Поэтому эти и некоторые другие особенности позволяли сосуществовать нескольким вариантам чтения Священной Книги. В конечном итоге, было утверждено семь канонических вариантов чтения Корана. Все же остальные кира'ат подверглись опале. Какой вариант чтения был передо мной, мне как раз и предстояло определить.

Ничего не соображая от счастья в предвкушении предстоявших открытий, я аккуратно убрал рукопись в шкаф и пошел в буфет пить кофе. (Я всегда, когда нервничаю, пью кофе.) Мне нужно было собраться с мыслями. Немного успокоившись, я вернулся в зал. Теперь я обратился к самому содержанию текста. Каково же было мое удивление, когда я понял, что находившийся у меня в руках список значительно отличался от привычного для нас текста Священной Книги не только числом и порядком расположения откровений, но и отдельными словами и выражениями. Я не поверил своим глазам! Передо мной была рукопись, отличная от Усмановой редакции! В рукописи было 118 сур, а некоторые айаты иначе как сенсационными, — вы уж простите меня, Абдулла Петрович, за такую терминологию, — не назовешь. Например, в тексте рукописи содержались слова, недвусмысленно утверждающие права 'Али на власть в мусульманской умме после смерти Пророка*.

Абдулла недовольно зашевелился на своем продавленном стуле, но ничего не сказал.

— Но все это было детским лепетом по сравнению с айатом, который я обнаружил во второй суре, — взволнованно продолжал профессор, не замечая охватившей Абдуллу тревоги. — Айат этот в

* 'Али ибн Аби Талиб (да будет доволен им Аллах!) — четвертый праведный халиф, двоюродный брат и зять Пророка Мухаммада. Развернувшиеся споры о праве на верховную власть между сторонниками и противниками 'Али привели к расколу в мусульманской общине (умме) на суннитов, шиитов и хариджитов. В доказательство права 'Али на верховную власть в умме шииты ссылаются на айаты Корана и многочисленные предания, соответствующим образом толкуя их.

переводе с арабского звучал так: «...Многие из этих откровений, переданных мне Багирой». Это тот самый Багира, с которым, по преданию, еще до получения откровений Мухаммад встречался в Сирии!

Вы понимаете, что одной этой фразы достаточно, чтобы по-новому взглянуть не только на историю формирования текста Корана, но и на историю происхождения ислама в целом! — подпрыгнув в кресле, вскричал Баум.

Последние слова, произнесенные профессором, были слишком серьезны, чтобы Абдулла и дальше продолжал отвлеченно слушать историю рукописи. Вскочив со стула, Абдулла сделал несколько шагов по комнате. Баум замолчал, сам испугавшись категоричности своей последней реплики. Наконец, перестав перемещаться, Абдулла подошел к профессору.

— Уважаемый Илья Александрович! Извините, что я все-таки вас прерываю. Я с большим уважением отношусь к вам и вашей научной деятельности, но когда затрагиваются ТАКИЕ темы, я не могу молчать. Я прошу вас как можно скорее объяснить, чем я могу вам помочь, — сказав это, Абдулла почувствовал себя так скверно, как только может чувствовать себя человек, поднявший руку на святыню, которой многие годы поклонялся. Схватившись за голову, он упал в кресло, стоявшее в другом углу комнаты у двери, и закрыл лицо руками.

— Ради Бога, извините меня, Абдулла Петрович! — виновато засуетился профессор. — Я... поймите меня... я очень

нервничаю, спешу... и из-за этого так все получается...

— Это вы меня простите, Илья Александрович, — чувство стыда в Абдулле с геометрической прогрессией стало побеждать чувство возмущения. — Продолжайте, пожалуйста, но если можно...

— Вы хотите от меня краткости? — перебил его Баум. — Что ж, куда короче. Та рукопись, о которой я вам только что говорил... В общем, она пропала...

С этого мгновения все, что до этого слышал Абдулла, показалось ему невинной болтовней заумного старичка. Он хотел что-то сказать профессору, но вместо этого у него получилось бестолковое сочетание звуков.

— Как пропала?! — смог, наконец, прокричать Абдулла, и через мгновение профессор почувствовал его прерывистое дыхание у себя над лысиной.

— Господи! Вы меня до смерти испугали, голубчик, — Баум испуганно вперился в Абдулла и только когда понял, что ему ничего не угрожает, медленно достал платок и вытер покрывшийся влагой лоб, а заодно и очки.

— Это вы меня до смерти испугали, профессор, — Абдулла поспешно вернулся на свое место.

Приятное состояние расслабленности, охватившее его при выходе из суда, перестало существовать. Его мозг был готов работать так же интенсивно, как и утром. Абдулла больше не чувствовал себя учеником, осмелившимся позвать к себе в гости великого учителя. Теперь это был судья, вызвавший свидетеля для допроса.

В голове Абдуллы возникло более десятка вопросов, готовых вылиться наружу одновременно, лишь только хозяин головы откроет рот. Но все эти вопросы были бы напрасны, если бы Абдулла не узнал главного: почему профессор обратился именно к нему, судье шариатского суда, а не к мухтасибу, то бишь следователю.

Профессор, который наверняка предвидел, что его спросят об этом, сразу же дал четкий и, по-видимому, заранее подготовленный ответ.

— Да, я прекрасно знаю, что вы, Абдулла Петрович, не занимаетесь ведением следствия. Но я слышал о вас столько хорошего как о справедливом судье и просто замечательном человеке. В общем, я считаю, что кроме вас мне никто не поможет. Вы, Абдулла Петрович, наверное, считаете меня легкомысленным человеком. Может, это и так, но не настолько, чтобы я не понимал важности того, что произошло. Да, я мог бы промолчать, но моя совесть не позволяет мне это сделать. По моей вине пропала ценнейшая рукопись, и я не могу скрывать это.

— Хорошо, но чем я могу вам помочь?! — спросил Абдулла с ударением на местоимении «я».

— Помочь найти Коран, — ничтоже сумняшеся ответил профессор.

— Я?! Да вы понимаете, что я, в силу своего статуса, не имею права заниматься подобными делами?! Права не имею, уважаемый Илья Александрович! — выговаривая каждую букву, произнес Абдулла.

— Да-да, понимаю. Простите, что побеспокоил вас и напрасно украл ваше время. Еще раз с праздником, — профессор

встал и, не спеша, опустив голову, побрел к выходу.

Абдулла понял, что это был всего лишь трюк, последняя возможность отчаявшегося человека привлечь его, Абдулла, на свою сторону. Глядя на сутулого, лысого старичка, неуверенно продвигавшегося к выходу, он почувствовал жалость к попавшему в беду профессору. Да и мог ли он теперь отпустить Баума, узнав ТАКОЕ!

Абдулла без труда догнал профессора у двери.

— Послушайте, Илья Александрович, для того, чтобы понять, могу я вам помочь или нет, я должен знать обстоятельства, при которых исчезла рукопись, — Абдулле не хотелось верить, что профессор говорит правду, но, внимательно посмотрев на Баума, он сразу же избавился от мысли об искусном новогоднем розыгрыше.

Баум глядел на Абдулла сквозь ослепшие от слез очки.

— Спасибо, коллега, — слово «коллега» приятно ущипнуло Абдулла за сердце, и он невольно улыбнулся. — Так вот, — продолжил профессор, на этот раз уже не так вальяжно расположившись в кресле, — внимательно рассмотрев рукопись, я подальше запрятал ее и пошел домой. Мысль о ней с тех пор не оставляла меня ни на минуту. Я был уверен, что держал в руках одну из самых ранних дошедших до нас рукописей, содержащих коранический текст. Заметьте, я говорю не «текст Корана», а «коранический текст», — этой фразой Баум попытался притупить остроту своих недавних высказываний о рукописи. — Однако вы сами, Абдулла Петрович, понимаете, что

на одних догадках и предположениях далеко не уедешь. Мне необходимо было получить точное подтверждение моей догадке. Но тут своими силами я бы не обошелся. И я позвонил своему старинному знакомому... Впрочем, если позволите, я не буду называть его имени.

— К сожалению, мне придется попросить вас сделать это, — безапелляционно потребовал Абдулла.

— Поверьте, он здесь ни при чем. Это — честнейший человек, — взмолился Баум. — Я не хочу, чтобы у него были неприятности.

На Абдуллу этот аргумент не подействовал. По своему опыту он знал, что происходило иногда с самыми честными людьми, когда речь заходила о религии.

— И все-таки я попрошу вас назвать его. Раз уж вы обратились ко мне за помощью, будьте добры выполнять мои просьбы, уважаемый Илья Александрович. — Абдулла-судья был менее разборчив в выражениях и средствах убеждения, чем Абдулла-ученый.

Перед таким доводом профессор не мог не спасовать.

— Андрей Владимирович Кузин, главный научный сотрудник нашего института. Замечательнейший человек. Я вам клянусь!

— Хорошо, я вам верю, — неубедительно заверил Баума Абдулла. — Продолжайте.

— Так... На чем же я остановился? — почесал затылок профессор. — Ах, да! Я позвонил Андрею и, ничего не объяснив, попросил зайти ко мне. Когда он пришел, мы с ним так же, как сейчас с ва-

ми, заперлись в кабинете. Я рассказал ему о своей находке. Вы, Абдулла Петрович, не подумайте, что я из тщеславия никому сразу не сообщил о рукописи... А то, знаете, разное про меня рассказывают. Просто я хотел удостовериться, действительно ли передо мной древний список Корана или я всего-навсего сошел с ума. Поэтому я и позвал Андрея, у которого, кстати, колоссальный опыт работы с древними текстами. Можно сказать, в этом деле я его ученик. Он ведь писал диссертацию у самого академика Шайтанова — великого исламоведа всех времен и народов. Посоветовавшись, мы решили на следующий день сходить в библиотеку и посмотреть вместе рукопись. Когда я показал Андрею обнаруженный мною список, он долго и внимательно изучал его. По его мнению, данная рукопись была составлена где-то в начале или середине второго века хиджры*. Я спросил Андрея, не лучше ли вызвать специалистов с аппаратурой, а затем, в случае подтверждения нашей гипотезы, пригласить прессу и объявить об уникальной находке.

— Наверное, в тот момент вы представляли себя в центре внимания, окруженным людьми с микрофонами, которые наперебой кричат: «Как вам это удалось?», «Что вы испытывали?», «Каковы ваши творческие планы?» — попытался уколоть Баума Абдулла.

* Хиджра — переселение Пророка Мухаммада и его сподвижников из Мекки в Медину (Йасриб) в 622 г. н. э. При праведном халифе Умаре была принята за отправную точку мусульманского летоисчисления.

— Зря вы иронизируете, — обиделся профессор. — Поверьте, мне нелегко все это вам говорить.

— Простите, Илья Александрович, я вас слушаю, — Абдулла чувствовал приближение развязки рассказа Баума и волновался с каждым произносимым профессором словом. — Сейчас, сейчас, — говорил он себе, борясь с нетерпением. — Сейчас он закончит, и все станет ясно.

— Итак, я предложил позвать специалистов с аппаратурой. Но на следующий день Андрей вдруг воспротивился моей идее. Я спросил его: почему?

«Неужели ты не понимаешь? — сказал мне Андрей. — Какая сенсация будет в мире, если мы обнаружим этот текст. Да тут война может начаться! В мире в настоящее время проживает около четырех миллиардов мусульман, и вдруг выяснится, что в возникновении ислама едва ли не ключевую роль сыграл христианский монах Багира».

С этим нельзя было не согласиться. Тогда мы решили... Господи, это надо же быть такими идиотами! Я не хочу себя оправдывать, но я был действительно опьянен находкой и ничего не соображал... Ну, в общем, мы решили вынести эту рукопись из библиотеки...

Такого сюрприза от профессора Баума Абдулла не ожидал.

— То есть, как вынести? — от удивления Абдулла в буквальном смысле открыл рот.

— Ну, просто взять и тайком вынести рукопись из библиотеки, — стараясь не смотреть на Абдулла, сказал профессор.

— А охрана?! — округлил глаза Абдулла.

— Абдулла Петрович! — покачал головой Баум. — Вы меня удивляете. Да вам любой мальчишка на улице скажет, что вынести из Публички книгу проще, чем в метро бесплатно пролезть. Андрей аккуратно положил рукопись под рубашку, и мы беспрепятственно прошли через милицкий пост.

— Аллаху 'азым! Не ожидал я от вас, Илья Александрович! — от напряжения и волнения у Абдуллы покраснели уши. — Вы понимаете, в чем вы только что мне признались?! На что вы рассчитывали, когда шли ко мне с рассказом о своем преступлении?! После того, что вы мне рассказали, я должен немедленно вас задержать!

— Абдулла Петрович! — услышав о перспективе ограничения собственной свободы, Баум, дрожа всем телом, вжался в кресло. — Дослушайте меня, ради Бога! Даже если вы меня задержите, вам все равно необходимо знать, при каких обстоятельствах исчезла рукопись.

В другой раз Абдулла улыбнулся бы этой полушутке профессора, но в те нервные оставшиеся в его памяти на всю жизнь минуты для него не существовало ничего смешного.

— Вы правы, профессор. Продолжайте, пожалуйста, — добавил он едва слышно и закрыл глаза, чтобы сосредоточиться.

Баум прокашлялся и, удостоверившись, что его пока не собираются подвергать задержанию, продолжал:

— Выйдя из библиотеки, мы пошли в метро. Решили, что рукопись будет хра-

ниться у меня. Но по дороге Андрей вдруг остановился и сказал, что сейчас в метро ужасная давка, и рукопись может повредиться, — поэтому лучше поймать машину. Поскольку у Андрея была рукопись, я стал голосовать. Сразу же остановилась дорогая машина, — кажется, «Мерседес». Водитель запросил втридорога, но Андрей настоял, чтобы мы ехали. Когда мы вышли из машины, до моего дома оставалось метров сто. Я расплатился (у Андрея, как всегда, не оказалось с собой денег), и мы пошли к моей парадной. Все произошло так быстро, что я ничего не успел разобрать. Навстречу нам шли трое молодых людей. Мне даже показалось тогда, что одного из них я где-то видел... Впрочем, может, я ошибаюсь... Они подошли к нам и попросили закурить. Я сказал, что не курю. Тогда один из них ударил меня по голове. Я упал и потерял сознание. Очнулся я где-то минут через пять. Первое, что я увидел, был Андрей, сидевший в сугробе и державший в руках мои разбитые очки. Я спросил его, что случилось. В ответ он выматерился. (Я впервые слышал, чтобы он ругался матом.) Он сказал, что у него отобрали рукопись. К сожалению, он тоже не запомнил нападавших. Вот, собственно говоря, и все...

Минуты две Абдулла молчал, обхватив ладонью лоб. В первый момент ему хотелось откровенно высказать все, что он думает о безумной выходке профессора. Чтобы не сделать этого, он по два раза прочитал про себя суры «Фатиха» и «Люди». Эмоции здесь мало чем помогут, а человека обидеть — проще простого. Мало того, что перед ним уважаемый че-

ловек старше его более чем вдвое, так это еще и гость. Неважно, принес он добрые вести или злые: гость всегда остается гостем.

Профессор с испугом и нетерпением ждал, когда Абдулла заговорит.

— И в чем тут проблема? — тихо сказал Абдулла, продолжая напряженно обдумывать услышанное. — Что вам непонятно? По-моему, все очевидно...

— Что вы имеете в виду? — профессор с недоверием посмотрел на Абдулла.

— Дорогой Илья Александрович! — восторженно воскликнул, словно ото сна, Абдулла. — Сколько человек, кроме вас, знало о найденной вами рукописи?

— Один... Андрей, — промямлил Баум.

— Зачем же вы мне говорите неправду? А сотрудник библиотеки, который помог вам попасть в книгохранилище? — Абдулла в упор смотрел на Баума, каждое движение которого выдавало его с головой.

— Это женщина? Впрочем, можете не называть. Я все равно узнаю, кто это, — уверенно бросил Абдулла.

Ответом профессора были красные щеки и нервное ерзанье.

— Она ваша старая знакомая, и именно благодаря ей вы получили доступ к закрытым фондам? — с холмсовской пронизательностью ошарашил профессора Абдулла.

— Откуда вы это знаете? — беспомощно простонал профессор.

— Тут не надо быть гением, чтобы догадаться, каким образом вы получили

доступ к рукописям. Я даже осмелюсь предположить, как зовут вашу тайную помощницу. Я ведь тоже в свое время пользовался услугами Тамары Петровны. Кстати, она обещала познакомить меня с вами.

— Господи! — заголосил Баум. — Вы ее знаете! Она здесь ни при чем! Я клянусь вам, она была не в курсе, что мы... забрали рукопись. Я ей ничего не сказал.

По глазам профессора Абдулла понял, что тот говорит правду.

— Почему? — спросил он уже не так строго.

— Хотел сначала удостовериться, не ошибся ли я. Мы действительно с Тамарой Петровной старые приятели по университету. Господи! Она так верила мне, а я...

— Ладно, — оборвал причитания профессора Абдулла, — мы не будем сейчас разбирать ваши отношения с Тамарой Петровной. Это ваше личное дело. Я только хочу спросить, Илья Александрович. Вот вы — знаменитый ученый, разумный человек, обладаете аналитическим складом ума. Что же это получается? О найденной вами рукописи, кроме вас, знали двое человек. Вернее, один, раз вы утверждаете, что ничего не говорили о своей находке Тамаре Петровне. И этот человек, который знал о рукописи, предлагает вам выкрасть ее, на что вы охотно соглашаетесь. Около вашего дома вас избивают и рукопись отбирают. А теперь скажите мне, Илья Александрович, кто преступник? Логическая задачка для первого класса начальной школы.

— Абдулла Петрович! Я вас решительно не понимаю! — брови Баума нахмурились, и Абдулле даже показалось, что профессор собирается сказать ему что-то неприятное. — Да как вы можете так думать! Я Андрею больше, чем себе, верю. Вы не представляете, что это за человек! Честнейший. Умница.

— Илья Александрович, заметьте, я не называл его имени, — подметил Абдулла. — Вы сами сказали. Кстати, вы давно его знаете?

— Лет сорок с лишним.

— Вы можете назвать какие-нибудь его недостатки, слабости? Ведь не святой же он, в конце концов.

— Да что-то даже и не могу припомнить, — призадумался Баум.

— А вы постарайтесь. Я вам помогу. Он тщеславен? — предположил Абдулла, не отрывая тяжелого взгляда от профессора.

— Что вы! — встрепенулся Баум. — Андрей всегда делился со мной, да и с другими своими идеями, открытиями.

— Он верующий? — продолжал Абдулла.

— Не замечал за ним особого рвения. Крещен — это точно. Иногда в церковь ходит. Однако не думаю, что маловерие — большой грех.

— Согласен. А как к деньгам относится?

Тут Илья Александрович, до этого бойко отвечавший на вопросы Абдуллы, приумолк.

«Кажется, в точку», — подумал Абдулла.

— Ну, разве что здесь, — уныло протянул Баум. — Есть небольшой грешок. Деньгам Андрюша счет знает. Но чтобы украсть...

— Но ведь украл же! — возмущенно воскликнул Абдулла.

— Я не это имел в виду! Он же не с целью наживы вынес рукопись, а... в интересах стабильности в обществе, — беспомощно оправдывался профессор. — Вы же сами понимаете, что могло бы случиться, если бы рукопись попала в руки недобросовестных людей.

— Я вас огорчу, Илья Александрович, — назидательно произнес Абдулла. — Скорей всего, она уже к ним попала.

В этот момент раздался вежливый стук в дверь. На пороге стояла Мадина.

— Абдулла! Новый год через пять минут! — сообщила она изумительным голосом.

— Не может быть! — Абдулла посмотрел на профессора, и оба неумело улыбнулись.

— Можно, я быстро позвоню и поздравлю родных в Иерусалиме? — спросил Баум.

— Конечно, — произнес, вставая, Абдулла. — А потом скорее идите к столу. Только шампанского вам выпить не удастся. Не держим-с.

— Ничего страшного. Я все равно не заслужил, — улыбаясь, Баум залихватски взмахнул рукой, показывая нечто типа «А ну его!»

Осушив под бой курантов бокал с приторным розовым морсом, Абдулла отвел Баума в сторону. Немного успоко-

ившись, во многом благодаря созерцанию прекрасных лиц своих жен и сытному новогоднему ужину, он ощутил потребность загладить свою вину перед профессором. Абдуллу не оставляло чувство, что он незаслуженно обидел этого талантливого, но до смешного наивного человека.

— Илья Александрович, вы мне на праздник подарили елку и почти пять часов увлекательной детективной беседы. Я решил не оставаться в долгу и не буду вас пока задерживать. Но при одном условии: вы никому не станете рассказывать о визите ко мне. Никому! И, самое главное, не будете мешать следствию.

Профессору ничего не оставалось, как согласиться.

ДОПРОС И ОБЫСК

По свидетельству Абу Хурайры (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): «Никогда не желайте встречи с недругом, но если встретите его, наберитесь терпения».

Приведено у аль-Бухари

Весь остаток оказавшейся не очень веселой новогодней ночи Абдулла искал ответа на забытый интеллигенцией XXI столетия вопрос: «Что делать?» Перво-на-перво шариатский судья постановил, что ни одна живая душа не узнает от него о случившемся до тех пор, пока он сам во всем не разберется.

Абдулла прекрасно понимал, что ему нужно как можно скорее встретиться с Кузиным. Другое дело — Баум. Что делать с ним, Абдулла не знал. Формально он должен был задержать профессора, едва только тот упомянул о своем участии в похищении рукописи. Более того, в соответствии с шариатом, личного признания человека было вполне достаточно, чтобы вынести в отношении него приговор, — при условии, что такое признание не было сделано под принуждением.

Но чего он добьется, задержав Баума? Только спугнет настоящих похитителей, воспользовавшихся беспечностью ученого. Хотя бы поэтому стоило оставить профессора на свободе. Первым, кто узнает о его задержании, будет Кузин, и только Аллаху известно, что он может натворить. Баум утверждает, что Кузин чуть ли не свя-

Допрос и обыск

той. Но можно ли верить этому несчастному, наивному человеку? Кроме того, если признания Баума вполне достаточно, чтобы вынести в отношении него обвинительный приговор, то этого же самого признания не хватит для обвинения Кузина. По шариату, для такого рода преступлений требуется свидетельство двух дееспособных мужчин или четырех женщин. А где их взять? В лучшем случае показания может дать Тамара Петровна, которая, по словам профессора, ничего не знает о похищении, а, стало быть, не является надлежащим свидетелем. Это еще один довод в пользу того, что не стоит спешить с задержанием Баума. Не следует забывать и о том, что Кузин с Баумом не мусульмане, и потому их дело может рассматриваться шариатским судом лишь в исключительных, перечисленных в законе случаях. Можно, конечно, возразить, что объектом преступного посягательства является Коран. Но в таком случае похищение рукописи нельзя квалифицировать как кражу в том смысле, в котором это понимается мусульманским правом, — со всеми вытекающими отсюда последствиями. По шариату, для того чтобы признать похищение вещи кражей*, необходимо, чтобы похищенная вещь обладала определенной стоимостью — не менее установленной в законе суммы, и находилась в момент похищения в том месте, где такого рода вещам свойственно находиться.

* По-арабски данное преступление называется «сарика». В случае если совершенное преступление по целому ряду указанных ниже признаков нельзя квалифицировать как «сарика», его рассматривают как обычную кражу по светскому законодательству.

Со вторым все понятно. Где храниться книге, как не в библиотеке? Другое дело — стоимость. Священная Книга по сути своей бесценна, значит, ее похищение не входит в перечень преступлений, относящихся к компетенции шариатского суда. А если учесть, что рукопись, по словам Баума, фактически не является Кораном, то шариат здесь тем более ни при чем. Дело однозначно подлежит передаче светскому суду и должно рассматриваться в рамках традиционной трактовки понятия «кража» российским уголовным законодательством.

Отнести совершенное преступление к компетенции шариатского суда не позволяло и то обстоятельство, что, по шариату, похититель не должен был иметь свободного доступа в то место, откуда он похитил вещь. Иными словами, если вы, дорогой читатель, позвали к себе гостя, а он в благодарность за это украл у вас фамильные драгоценности, данное преступление будет рассматриваться как кража без взлома, и преступник будет подвержен наказанию иному, чем отсечение кисти руки, хотя бы он и заслуживал этого по вашему справедливому мнению.

Закрыв себе вид из окна посредством всей имевшейся у него литературы по мусульманскому праву, Абдулла пытался отыскать малейшую зацепочку, которая позволила бы ему заниматься этим делом. Но чем больше он изучал совершенное преступление со всех сторон, тем больше понимал, что дело о похищенной рукописи никоим образом не может быть подведомственно шариатскому суду.

В любом другом случае он передал бы находящееся вне его компетенции дело следователю или в обычный федеральный суд. В любом другом случае, но только не в этом! Речь шла не просто о похищении старинного экземпляра Корана — был похищен Коран с текстом, отличным от существующего. (Все существо Абдуллы противилось тому, чтобы именовать похищенную рукопись Кораном, но придуманный деликатным Баумом термин «коранический текст» звучал, по мнению Абдуллы, еще более двусмысленно.)

Попади такая рукопись в руки мусульманским фанатикам или врагам ислама — результат в обоих случаях непредсказуем. Разве может он, Абдулла, оставаться в стороне? Пусть по закону он не имеет права заниматься этим делом, он все равно должен участвовать в поиске рукописи, как и любой другой мусульманин на его месте. Над исламом нависла угроза, и ни один правоверный в такой ситуации не должен оставаться в стороне. Устранив себя от защиты одной из главнейших мусульманских ценностей — веры, Абдулла совершил бы еще большее преступление, чем нарушение подведомственности и подсудности. При коллизии светского и Божественного законов приоритет должен отдаваться последнему, тем более что это нисколько не противоречит Конституции, провозгласившей веру важнейшей ценностью общества и фундаментом правового государства (статья 14, пункт 1).

А потому необходимо ехать, бежать, нестись со всех ног к Кузину, пока тот не успел что-нибудь натворить!

Поспешно одевшись в прихожей и разом попрощавшись со всеми тремя женами, Абдулла вприпрыжку побежал к лифту. Только на улице его настигла простая, как лысина Баума, мысль: с какой стати Кузин должен пустить его к себе и тем более возвращать похищенное? Необходим документ, постановление суда о проведении обыска. Значит, частным лицом ему побыть не удастся!

Абдулла также вспомнил, что проведение обыска не входит в его служебные обязанности. Этим должна заниматься милиция, в крайнем случае, — судебный исполнитель с санкции шариатского суда, но никак не сам судья. Только где этого судебного исполнителя взять? Аллаху 'азым! Время-то какое неудачное: два дня праздников. Абдулла набрал по мобильнику телефон Н-ского шариатского суда.

В трубке бодрым голосом отозвался вахтер Михалыч. Поймав машину, счастливый Абдулла помчался в суд.

— Что это вам, уважаемый Абдулла Петрович, не отдыхается? — приветствовал Абдулла бодрый Михалыч. — Погода-то какая замечательная. На лыжках бы покатались.

По радио передавали навязший в ушах хит «Сизый голубь улетает в Заполярье» в исполнении Эвенкийского национального оркестра имени Любавушкина под руководством Кирилла Ихуэсэ.

— Не до лыжек сейчас, Михалыч, — с улыбкой героя, для которого слава и смерть — одного поля ягоды, ответил Абдулла.

— Как Новый год встретили? — размеренно продолжал беседу Михалыч, неторопливо снимая с гвоздика на старомодной деревянной доске ключ.

— Неплохо, — поспешно ответил Абдулла. — Скорее, уважаемый, скорее.

— Тише едешь — дальше будешь, Абдулла Петрович, — мудро посоветовал Михалыч.

Абдулла ничего не ответил беззаботному вахтеру.

Войдя в свой кабинет, он схватил чистый бланк постановления о проведении обыска и засунул его в принтер. Через несколько минут документ с печатью и соответствующей подписью был готов. Еще столько же занял поиск адреса Кузина в компьютере. Оставалось придумать что-нибудь с судебным исполнителем. Абдулла не хотел впутывать в дело лишних людей — слишком серьезны последствия утечки информации. Но ведь не может же он идти один!

Перебирая в памяти всех сотрудников суда, Абдулла не мог не вспомнить о Саиде. Недалек, но исполнительен, кажется, умеет держать язык за зубами. К тому же он обязан Абдулле тем, что не лишился работы.

«В любом случае, выбирать не приходится», — продолжал размышлять Абдулла и сам не заметил, как набрал номер Саида.

Не вдаваясь в подробности, Абдулла в приказном порядке потребовал от исполнителя наказаний в соответствии с шариатом прибыть в суд в течение получаса.

Абдулла не видел Саида больше двух месяцев. Наказание за избиение Бабаханова оказалось слишком тяжелым даже для такого крепыша, как Саид. Он слег в больницу, а последние две недели находился дома в вынужденном отпуске — вплоть до полного выздоровления. Баба-

ханов тоже оклемался и теперь даже пива в рот не брал, по крайней мере, в публичных местах его никто пьяным не видел.

В ожидании Саида Абдулла, не имевший до этого никакого опыта ведения следствия, прикинул на бумажке примерный план своих будущих действий.

Как быть с Кузиным? Предъявить ему постановление или попытаться вначале поговорить по-хорошему? Всякое бывает. Вдруг он возьмет, да и выдаст рукопись без лишних препирательств. Ну, а потом что? Что, если у Кузина не окажется рукописи? Что, если вообще не было ни самого похищения, ни, тем более, полумифического текста? Слишком уж неправдоподобно звучал рассказ Баума. Мысль о нереальности истории, рассказанной профессором, подняла Абдулле настроение, но меньше чем через минуту по известному закону, которому подвержены не только тела, но и человеческие мысли, Абдулла вернулся на землю.

Зачем профессору понадобилось караулить его, Абдулла, в новогоднюю ночь, чтобы потом почти пять часов обстоятельно излагать историю похищения какой-то рукописи? Какие цели он преследовал? Насолить более удачливому коллеге? Вряд ли. Ревность? Не похоже. В любом случае, новогодняя ночь — не самое удачное время для подобных поступков. Один день в такой ситуации ничего не решает. Баум мог прийти сегодня, даже завтра, но он пришел вчера и очень волновался. Это было видно невооруженным глазом. Едва ли Баум способен разыграть такой спектакль. Значит, дело и впрямь серьезное и ехать к Кузину надо в любом случае.

Допрос и обыск

Абдулла был из той исчезающей породы людей, у которых способность к аналитическому восприятию мира удачно сочетается с даром действовать решительно и смело, не опасаясь неизбежных трудностей. Подобно многоопытной черепахе, оглядывающейся по сторонам, прежде чем высунуть голову из панциря на несколько миллиметров, Абдулла обдумывал каждый свой шаг, после чего с завидной отвагой летел навстречу опасности.

Увлеченный размышлениями, Абдулла не сразу заметил, как в кабинет, слегка прихрамывая, вошел Саид. За время болезни он еще больше располнел. По-видимому, сказывался неподвижный образ жизни. Саид решил отпустить бороду. Рыжего цвета, она забавно гармонировала с абсолютно лысой головой исполнителя наказаний в соответствии с шариатом.

— Ас-салям 'алейкум ва рахмат Аллахи ва баракатух*, уважаемый Абдулла Петрович, — несмотря на болезнь, Саид не потерял своей улыбчивости.

— Ва 'алейкум ас-салям, Саид, — приветствовал его Абдулла. — Извиняюсь, что оторвал вас от заслуженного отдыха.

При слове «заслуженный» Саид недовольно поморщился, живо вспомнив удары, которые ему наносил его коллега, командированный из К-ского шариатского суда.

— Саид, — неторопливо начал Абдулла, — мне нужна ваша помощь в довольно непростом деле. Я не имею права вас при-

* Мир Вам, милость Аллаха и Его благословение (араб.) — мусульманское приветствие.

нуждать, поэтому если вы не хотите, вы можете сейчас же быть свободным.

— А в чем состоит это дело? — с опаской поинтересовался Саид.

— Речь идет о краже, — при этих словах Абдулла нахмурился. — Очень серьезной краже. Это все, что я пока могу вам сообщить. Так что вам придется на время убрать ковер своего нетерпения в сундук ожидания.

— Хорошо это вы сказали... про сундук, — Саид вновь подарил Абдулле свою солнечную улыбку.

— Это не я сказал, а Ходжа Насреддин, — пояснил Абдулла.

— А-а, — протянул Саид.

— Так вы согласны помочь мне? Еще раз повторяю: дело сугубо добровольное, — пристально поглядев в глаза Саиду, напомнил Абдулла.

— Да, — неожиданно для Абдуллы быстро и уверенно ответил Саид.

— Спасибо, — Абдулла с признательностью пожал Саиду руку. — Тогда срочно наденьте форму судебного исполнителя. Сегодня вам придется поработать в этой должности.

Счастливым Саид побежал натягивать форму, и через десять минут, совершив намаз, он и Абдулла вышли из здания суда с серьезными непроницаемыми лицами.

Всю дорогу они ехали молча: Абдулла обдумывал предстоявшую беседу с Кузиным, а Саид тихо дремал, уткнувшись широким морщинистым лбом в стекло.

Дом Кузина стоял немного на отшибе, окруженный с одной стороны небольшим озерцом, с другой — внушительных размеров парком, занимавшим едва ли не

полрайона. Унылая, загаженная мальчишками лестница освещалась одной единственной лампой, повисшей где-то между вторым и третьим этажами. Высокие ступени, по которым, придерживая коленки, взбирались Саид и Абдулла, давно никем не убирались, а обшарпанные и исписанные поносными словами на арабском и китайском оливковые стены не оставляли у человека, взглянувшего на них, ничего, кроме бесконечного чувства одиночества и незащищенности.

Долгое время Абдулле никто не открывал, хотя за дверью отчетливо слышалось какое-то движение. Наконец, строгий и, вместе с тем, неуверенный женский голос спросил: «Кто там?»

Мысль Абдуллы беспомощно заметалась, не находя нужного ответа.

— Меня зовут Абдулла Мухин. Я — судья Н-ского шариатского суда, — промычал Абдулла, от волнения намертво вцепившись в дверную ручку квартиры Кузина.

После некоторых раздумий дверь, наконец, отворили, и на пороге перед Абдуллой обозначились две фигуры: одна женская, невысокая, в старом застиранном халатике цвета морской капусты, другая мужская — чуть повыше, в брюках и белой рубашке навывпуск. Женщине было лет пятьдесят. Излишняя полнота не позволяла точно оценить ее возраст. Мужчина же, напротив, казался моложе женщины. Короткие черные напояженные волосы, незначительно тронутые сединой у висков, гладко выбритый подбородок свидетельствовали о том, что этот человек серьезно занимается своей внешностью.

Абдулла сразу обратил внимание на едва уловимое движение надменности, затаившееся в уголках губ мужчины. Из опыта Абдулла знал, что такие люди, несмотря на нарциссизм и презрение к остальным, склонны иногда к самоиронии. По-видимому, обладатель рубашки либо только что пришел, либо собирался в ближайшее время уходить.

— Простите, вы — профессор Кузин? — быстро спросил Абдулла мужчину.

— Да, — с подозрением ответил мужчина. — Извините, чем обязан? Понимаете, я очень спешу. У вас срочное дело?

«Не очень-то вы приветливы, дядя! — подумал Абдулла. — Ну что ж, это даже и к лучшему. Легче будет разговаривать — без обиняков».

— Дело более, чем срочное, — таинственно произнес Абдулла и тут же улыбнулся, чтобы не пугать без нужды хозяев.

Но хозяева продолжали стоять при входе в квартиру, то ли в задумчивости, то ли в растерянности. Прочитав в глазах Кузина явное нежелание его впускать, Абдулла пошел ва-банк.

— Андрей Владимирович, я к вам по поводу вашего недавнего визита в библиотеку, — Абдулла произнес эти слова спокойно, уверенно глядя в глаза негостеприимному профессору.

Кузина передернуло, будто он раздавил жабу. Его живые карие глаза стали вдруг испуганными и растерянными, а голос — более податливым и вежливым.

— Да что же мы тут стоим? Проходите, проходите, пожалуйста, — взяв Абдулла за плечо, Кузин чуть ли не втолкнул его в квартиру.

— Спасибо, — безразлично поблагодарил хозяина Абдулла. — Если вы не возражаете, судебный исполнитель пройдет со мной.

В квартире было множество книг и практически никакой мебели — вот все, что успел увидеть Абдулла по пути в кабинет Кузина, более похожий на логовище динозавра, чем собственно на кабинет. Создавалось впечатление, что какой-то безумец педантично крушил здесь в течение минимум полчаса все, что попадалось ему под руку. Производить обыск в таком отчаянном бардаке было равносильно самоубийству, и Абдулла поклялся сделать все, чтобы профессор сам вернул рукопись.

— Я извиняюсь за беспорядок, — голос Кузина начал обретать уверенность, — мы тут как раз прибирались.

«В белой-то рубашке?! Лжете вы, батенька!» — подумал Абдулла, а вслух произнес:

— Уважаемый Андрей Владимирович, я надеюсь, вы догадываетесь, зачем я к вам пришел?

— Не имею ни малейшего представления, — не моргнув глазом, отвечал Кузин. — Уж явно не поздравить меня с Новым годом!

— Ах, да! С праздником вас! — спохватился Абдулла.

— И вас тоже, — с издевкой ответил Кузин.

— Что ж, очень жаль, что вы вынуждаете меня действовать более настойчиво, — с грустью вымолвил Абдулла. — Я думал, этого удастся избежать. Я пришел к вам, Андрей Владимирович, за рукописью... Корана.

— Ко мне?! За рукописью Корана? — Кузин изобразил на лице удивление. — К сожалению, у меня нет рукописи Корана, молодой человек, вам следует обратиться в библиотеку Института востоковедения или...

— В Публичную библиотеку, — с иезуитской улыбкой перебил Кузина Абдулла.

Взглянув на Кузина, Абдулла увидел, что тот напряжен до изнеможения, хотя изо всех сил пытается показать свое спокойствие и безразличие к обсуждаемой теме.

— Ну, да... И в Публичную библиотеку тоже можно, — эта фраза далась Кузину путем колоссального напряжения всех его актерских способностей, а они у него, кажется, были, и не малые. Понимая, что еще немного, и он не выдержит, Кузин вдруг вскочил со своего места и, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, прошипел:

— Послушайте, уважаемый Абдулла... Как вас там?

— Петрович.

— Абдулла Петрович, если вы пришли ко мне за консультацией по коранистике, я с удовольствием побеседую с вами... но не сейчас. Извините, я очень занят, — с этими словами Кузин посмотрел на часы.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, Андрей Владимирович...

— Я не волнуюсь! — почти завопил Кузин.

«Кажется, разогрел его, — подумал Абдулла. — Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он успокоился и взял себя в руки».

— Я пришел к вам не за консультацией, и вы, Андрей Владимирович, это лучше меня понимаете, — нарочно медленно выговаривая слова, сказал Абдулла.

— Я ничего не понимаю! Объясните, что вы от меня хотите?! — размахивая руками, кричал Кузин.

— Я пришел к вам за рукописью, которую вы вынесли из Публичной библиотеки 29 декабря прошлого года, — впившись глазами в Кузина, произнес Абдулла.

— Да вы с ума сошли! — вскричал Кузин, рассекая воздух руками. — Какая рукопись?!

— Рукопись Корана восьмого века, — пояснил Абдулла.

— Да вы что! — Абдулла увидел, как у Кузина задергался глаз. — Откуда она у меня? Ее просто быть не могло в Публичке. Кто вам сказал такую чушь? А... я, кажется, догадываюсь. Это Илья. Это он вам все рассказал?

— Неважно кто. Вопросы, если позволите, пока буду задавать я, — эту фразу Абдулла запомнил из одного старого фильма. Она звучала по-мужски сурово и бескомпромиссно и оттого сильно нравилась Абдулле.

— Да с какой стати?! Кто вы такой? Я могу вообще не отвечать на ваши вопросы, — вдруг заявил Кузин и опустился на стул в другом конце кабинета. Абдулле в тот момент показалось, что артистичный профессор обо всем догадался.

— Можете, — подтвердил Абдулла, — но тогда мне придется провести у вас обыск, — Абдулла извлек из папки изготовленное им около часа назад постановление о проведении обыска и передал его Кузину.

Подержав некоторое время документ в руках, тот с умело изображаемым безразличием вернул его Абдулле и довольно спокойно, разве что с некоторой показной театральностью, произнес:

— Что ж, спрашивайте.

— Я вас, если помните, уже спросил: где рукопись? — терпеливо напомнил Абдулла.

— А я вам уже ответил, что не знаю, — рявкнул Кузин и, импозантно скрестив руки на груди, отвернулся от Абдуллы.

— Хорошо, спрошу по-другому, — Абдулла почувствовал, что начинает терять уверенность в успехе своей затеи. — Вы были 29 декабря в Публичной библиотеке?

— 29-го?.. — Кузин задумался или сделал вид, что задумался. — Был, кажется. Не помню точно, но вроде был.

— Попробуйте вспомнить наверняка, — Абдулла не выпускал Кузина из-под прицела своих красных от усталости глаз.

Кузин обхватил ладонью лоб, скрыв на несколько секунд от Абдуллы половину собственного лица. Когда он убрал руку, шариатский судья увидел перед собой само воплощение уверенности и невозмутимости.

— Да, был, — холодно ответил Кузин.

— Один?

— В смысле?

— Я спрашиваю, вы были один или с кем-то еще? — от волнения у Абдуллы задрожали губы, и ему пришлось закрыть рот ладонью.

— Ах, да! С ним и был — с Ильей, будь он неладен, фантазер. Друг еще называется! Прямо, как у одного арабского поэта:

Твой близкий друг, —
быть может, злейший враг!
Не доверяйся — попадешь впросак!
Не жди добра, ведь эта жизнь жестока,
И жди из-за угла ударов рока.

Вслед за тем Кузин вдруг неестественно засмеялся, но, поймав жесткий взгляд Абдуллы, сразу же остановился и, сменив положение ног, уставился в одинокую точку на потолке.

— Не очень-то вы похожи на жертву предательства, — заметил Абдулла, неторопливо расхаживая по кабинету. — Но это ваше личное дело. Меня интересует, что вы делали в библиотеке?

— Как что? Что можно в библиотеке делать? — настроившись на ироничный тон, Кузин надеялся окончательно побороть волнение, и Абдулла очень хорошо видел это.

— Вы напрасно пытаетесь скрыть свой страх за подобными фразами, — сказал Абдулла.

— Я?! Какой страх? Чего мне бояться?! — Абдулла не мог не порадоваться, как легко ему удастся манипулировать Кузиным. Но только что толку?

Не забывая ни на минуту, что его расследование не имело под собой никакого законного основания, Абдулла опасался, что каждое неосторожно сказанное им слово может помешать раскрытию дела.

— Итак, что вы делали в библиотеке? — Абдулла остановился перед Кузиным, продолжавшим сидеть на стуле.

— Мы? — удивленно переспросил Кузин.

Абдулла готов был разорвать Кузина за то, что тот тянет время, пытаясь выдумать «удобоваримый» ответ.

— Не тяните время, пожалуйста! — слегка прикрикнул он на Кузина. — Вы с Баумом. Что вы делали в библиотеке?

— Как что?! Читали, разумеется.

— Что читали? — сжав свои маленькие кулачки, пробасил Абдулла.

— Читали рукописи. Илья наткнулся на шкаф со старинными рукописями на арабском языке. Их уже лет сто пятьдесят никто не просматривал. Вот мы их и изучали.

— Как долго вы их «изучали»? — продолжал допрос Абдулла.

— Не помню, — Кузин опять «задумался». — Часа два-три.

— А потом?

— Что потом? — в задумчивости повторил Кузин. — Домой пошли.

— И все?

Увидев, что Кузин окончательно и бесповоротно начинает обретать уверенность и спокойно парирует его вопросы, Абдулла опять пошел напролом.

— А рукопись Корана, которую вы прятали под рубашку?

Это был запрещенный удар.

— Да дался вам этот Коран! — мгновенно взорвался Кузин. — Говорю вам: не было никакого Корана! Понимаете: не было!

— А что же вы тогда вынесли из библиотеки?

— Ничего! Почему, по-вашему, я непременно должен был что-то вынести оттуда?! — Кузин вскочил со стула.

— Потому что у меня есть факты, подтверждающие это, — как можно более спокойно произнес Абдулла.

— Какие, позвольте полюбопытствовать?! — злобно спросил Кузин.

В этот момент их взгляды встретились, и Абдулла понял, что оступился. Оступился столь серьезно, что похерил весь допрос, потому что никаких фактов у него и в помине не было. Возникла пауза. Возбужденный Кузин, бросив скорострельный, подобный контрольному выстрелу, взгляд на Абдулла, уже праздновал победу в этой непростой интеллектуальной схватке.

— Все! Баста! Я больше не собираюсь отвечать на ваши вопросы, — заявил он и, вновь усевшись на стул, закинул ногу на ногу. — «И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи».

— В таком случае, Андрей Владимирович, нам все-таки придется провести у вас обыск, — сквозь зубы проговорил Абдулла.

— Делайте, что хотите, — Кузин махнул на Абдулла рукой и импозантно опер ладонью лоб.

— С вашего позволения, мы начнем с той комнаты, — мысленно проклиная себя за досадный промах, Абдулла поднялся с кресла, за которым Кузин, возможно, всего час назад, пуская слюни от восторга, изучал похищенную рукопись. — Это означает, что вам лучше пройти туда.

Пока Саид, во время допроса смиренно сидевший в гостинной, ходил за понятиями, Абдулла начал неторопливо осматривать квартиру. Аллах свидетель, он сделал все, что было в его силах, чтобы не допустить обыска. Придя сюда по подложным документам, Абдулла рассчитывал застать Кузина врасплох и с помощью настойчивости и блефа заполнить похищенную рукопись.

Но Кузин, то ли что-то заподозривший, то ли просто интуитивно избравший такую тактику поведения, лишил Абдуллу возможности радоваться скорой победе. У Абдуллы оставался один-единственный шанс — обыск. Если же и в результате обыска ничего не удастся обнаружить, Абдулле придется писать рапорт об увольнении. Письменного заявления Кузина о проведении незаконного обыска будет вполне достаточно, чтобы устроить грандиозный скандал. А то, что обыск незаконный, Кузин, похоже, уже догадался. Вон глазища-то как бегают. Шайтан!

Абдулле бесконечно нравилась его работа, и он ни за что не согласился бы потерять ее. Но потеря работы — ничто по сравнению с теми последствиями, которыми угрожает его ошибка шариатскому судопроизводству, едва только ставшему на ноги и с таким невероятным трудом завоевавшим авторитет граждан.

Позже, когда Абдулла вышел от Кузина, он попытался оправдать себя тем, что пошел на незаконный обыск ради защиты ислама, но тут же с презрением отверг это оправдание, ибо в результате его действий мусульманская религия в России была не только не спасена, но и поставлена под серьезный удар. Абдулла даже представил, что напишут о нем в газетах: «Произвол шариатского судьи», «Судья в роли гангстера», «Шариат — что дышло»...

В такой ситуации остается единственно приемлемое средство — застрелиться. Абдулла закрыл глаза и представил свою слегка дрожащую, медленно ползущую к виску руку, бесконечные мгновения мучительного прощания со всем миром, лег-

кий щелчок... и полная неизвестность перед лицом Всевышнего, не уважающего подобные поступки.

Но вслед за тем Абдулла увидел перед собой лица своих жен, родственников, друзей и просто знакомых, с ужасом и недоумением узнающих о его самоубийстве. Нет! Слишком много обязательств связывает его с этим миром, чтобы уйти из него так некрасиво. Он не имеет права бросать на произвол судьбы трех доверившихся ему женщин и своего будущего ребенка, которого ждет старшая жена Аня. Кто может им после его смерти? Многие наверняка отвернутся от них, будут говорить, что их муж — преступник, совершивший одно из самых страшных преступлений перед Аллахом — самоубийство. Погубив себя, он отравит всю дальнейшую жизнь своим близким.

Ни о каком самоубийстве не может идти речи. Это трусость, шаг назад. Надо бороться, надо решать проблемы, а не бежать от них, как раненный в пятую точку джигит из детского стишка. В конце концов, все не так уж плохо. Преступник известен. Осталось только отыскать похищенное.

Мысль Абдуллы мгновенно рассосалась с появлением Саида и двух понятых — молодого человека лет двадцати и мужчины лет сорока.

— Уважаемые понятые, прошу вас присутствовать при обыске, — Абдулла запнулся, вдруг вспомнив, что забыл взять бланк протокола обыска. Покрывшись теплым потом, он суетливо полез в папку, но не нашел там ничего, кроме уже упомянувшегося постановления и нескольких

чистых листков формата А4. Бросив быстрый взгляд на Кузина, его жену, Саида и понятых, Абдулла положил папку на стол и, стараясь казаться невозмутимым, объявил:

— Ну что ж, начнем обыск. Понятые, прошу садиться. Саид, начинайте, пожалуйста, вон с той полки, — Абдулла указал на самую дальнюю от него полку, находившуюся почти под самым потолком.

— Хорошо, — в своей обычной манере отрапортовал Саид, направляясь к полке. Едва не уронив по дороге жену Кузина, он, не снимая ботинок, взобрался на уродливой формы стул, незамедлительно хрустнувший под тяжестью его 105 килограммов, и со священным ужасом на лице уставился на покрытые пылью книги. Затем, держась одной рукой за полку, Саид повернул к Абдулле свою счастливую физиономию и добродушно спросил:

— Абдулла Петрович, а что ищем-то?

Вот уж воистину, чем дальше в лес... Не желая до поры раскрывать тайну похищенной рукописи, Абдулла ничего не сказал Саиду о цели их визита к Кузину, а теперь требует от него найти то, не знаю что.

Но уже не в первый раз за этот вечер Абдулле приходилось делать хорошую мину при плохой игре. Скроив на лице так хорошо получавшуюся у Баума вымученную улыбку, Абдулла кивнул Саиду в сторону Кузина и ехидно произнес:

— Вы лучше не у меня, а у Андрея Владимировича спросите, как выглядит рукопись.

Кузин недовольно поморщился, но ничего не сказал. Но, несмотря на то, что Аб-

дулла блестяще выкрутился с вопросом Саида, хитрый Кузин не мог не заметить тех нескольких секунд, во время которых Абдулла напоминал что-то среднее между демонтированным памятником и провинившимся школьником, ожидающим ремня.

Единственный, кто ничего не замечал, был Саид. С удивлением и детским недоверием он стоял на стенавшем стуле и бегал глазами от Кузина к Абдулле. Не слышав пламенной беседы в кабинете Кузина, Саид не мог понять, шутит Абдулла или говорит всерьез. Чтобы разрешить свои сомнения, он решил снова обратиться к Абдулле с новым вопросом:

— А что за рукопись-то?

Абдулла некоторое время пристально смотрел на Саида, но тот, так и не поняв, что сотворил, лишь нелепо улыбался и дивился тому, отчего Абдулла Петрович стал вдруг такой красный и мокрый. Сделав шаг назад, Абдулла устало сполз в кресло. Поражение было полным.

По свидетельству Абу Хурайры (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!): «Верующий сильный духом и телом более угоден и люб Аллаху, нежели тот верующий, который слаб, хотя оба они несут добро. А потому стремитесь к тому, что идет вам на пользу, не будьте небрежны и не проявляйте слабости в борьбе. Если же что-то с вами случится, не говорите: «если бы я сделал так и так, то этого бы не произошло», а говорите: «Аллах задумал это и свершил его», поскольку слово «если бы» начинает работу сатаны».

Приведено у Муслима

Обыск, к которому с трепетом и отвращением приступил Абдулла, не дал никаких результатов, если не считать разбитого неуклюжим Саидом сервиза и варварски порванной им же суперобложки первого тома двухтомника по истории Востока под редакцией профессора Елкина. Абдулла с Саидом, который так и не уяснил, что они все-таки ищут, перерыли всю квартиру, залезли на кухню и в ванную комнату, но не обнаружили даже намека на присутствие рукописи. Квартира Кузина после их усердной, но, увы, безрезультатной работы напоминала разгромленный хунвейбинами* букинистический магазин. Некоторые книги, насильно извлеченные оттуда, где они благочинно пыли-

* Хунвейбины (кит. — красные охранники) — участники созданных во время «культурной революции» в Китае отрядов, состоявших из учащих средних школ и студентов. Использовались для борьбы с противниками Мао Цзэдуна (в т.ч. интеллигенцией).

лись не один месяц, никак не хотели возвращаться обратно.

Уныло скитаясь по квартире, Абдулла усиленно пытался отыскать место, где могла бы затаиться желанная рукопись. Из соседней комнаты раздавалось отрывистое чихание Саида. Копаясь, несмотря на издевательства Кузина, в платяном шкафу, бедняга надышался порошком от моли. Но это не остановило вошедшего в азарт исполнителя наказаний в соответствии с шариатом от ревизии кладовки, в которой, впрочем, также ничего не оказалось.

Отчаявшись, Абдулла стал простукивать стены, вызвав гомерический хохот семейства Кузиных. С самого начала обыска Кузин вел себя вызывающе, немилосердно поливая желчью неумелую работу Абдуллы и Саида: «Ищите, ищите, археологи! Кто ищет, тот всегда найдет», «Если найдете что-нибудь, покажите: самому интересно», «Может, вам помочь, господа? Вы только объясните, что мы ищем». Однако увидев, что на него никто не реагирует, он демонстративно уселся на диван рядом со своей молчаливой женой и, скрестив на груди руки, с презрением смотрел на потных Абдуллу с Саидом — с прилипшими пылинками на мокрых и уставших лицах.

После того как Саид ляпнул про рукопись, Абдулла ощутил непреодолимое желание откусить у него язык. Но когда после двух часов обыска они с Саидом, с трудом передвигаясь, вышли на улицу, он ограничился лаконичной и вполне миролюбивой репликой: «Спасибо вам, уважаемый Саид. Благодаря вашей находчивости я по-

терял работу». Абдулла хотел добавить: «а шариату и исламу в стране был нанесен жестокий удар», но передумал. Врожденное чувство справедливости, жившее в Абдулле и не засыпавшее даже в минуту грозившей опасности, не позволяло обвинить в их неудаче исполнительного Саида. Кто как не он, Абдулла, заварил эту кашу? Саид выступил лишь в роли помощника и исполнителя. Разве не знал Абдулла на что шел, когда вызвал на подмогу этого несчастного?

Была еще одна причина, по которой Абдулла не хотел бросать глобальных обвинений в адрес Саида. После таких слов от него, как пить дать, посыплются вопросы: «как?», «отчего?», «почему?», «а причём здесь я?», а у Абдуллы в тот момент не было никакого желания объяснять исполнителю наказаний в соответствии с шариатом связь его слов с дальнейшей судьбой ислама в России.

Но тут Абдулла просчитался. Без вопросов обойтись не удалось.

— Почему вы, Абдулла Петрович, потеряете работу? — с тревогой спросил Саид.

Прежде, чем ответить, Абдулла смерил Саида от ступней до бровей циничным взглядом испытывавшего нужду в клиентах гробовщика. Аллах свидетель, ему ничего не хотелось говорить, но, по-видимому, придется.

— Мне очень жаль, Саид, — менторским тоном произнес Абдулла, — что вы так и не поняли, в чем дело. Нечего сказать, хорош судебный исполнитель: пришел с обыском и не знает, что ищет.

— Но ведь вы мне ничего не сказали, — резонно попытался возразить Саид и в

очередной раз заставил Абдулла призадуматься.

— Даже если я вам ничего не сказал, неужели вы не могли просто помолчать и делать то, что вам велели? — отрезал Абдулла, в душе понимая горькую справедливость слов Саида. — А я бы вам по ходу обыска как-нибудь дал знать, ради чего мы, собственно говоря, пришли.

— Простите, уважаемый Абдулла Петрович, но я все равно не понимаю, почему вас должны выгнать с работы. Ведь это я виноват, а не вы.

«Аллах с ним, — подумал Абдулла, — раз уж и так все очень скоро станет всем известно, нет никакого смысла скрывать этот секрет полишинеля от Саида. Все равно вместе отвечать придется».

Только теперь Абдулла по-настоящему понял, насколько серьезно он подставил Саида. Нарушив два месяца назад по незнанию закон, тот понес заслуженное наказание. И не успел он осознать свою вину и встать на прямой путь, как Абдулла втянул его в свою авантюру. Здесь уже палочными ударами не отделаешься. Налицо должностное преступление, а, стало быть, и до тюрьмы недалеко. Конечно, когда будет суд, Абдулла скажет, что это он, Абдулла, воспользовавшись безграничной преданностью Саида, обманул его, заставил нарушить закон. Но как после этого Саид будет относиться к людям? Сможет ли он еще хоть кому-нибудь поверить?

Последнее обстоятельство волновало Абдулла куда больше, чем перспектива любого наказания. Разве соизмерим ущерб от санкций, придуманных людьми, по сравнению с теми, что уготовил нам Ал-

лах в будущей жизни, если мы не будем соблюдать Его заветы! А что может быть страшнее семени неверия, посеянного в сердце своего брата по вере? Стараясь подавить расслаблявшие сердце эмоции, Абдулла обратился к Саиду, не считая более нужным скрывать от него правды.

— Саид, — Абдулла уставился на скрипевший под ногами снег, — виноват, по большому счету, только я один, потому что благодаря мне мы с вами нарушили закон сразу по нескольким пунктам.

Саид, напряженно слушавший Абдулла, не двигался с места. Натужно глядя на Абдулла, он тщетно пытался постичь мудреные слова своего начальника. На что он намекает? Уж не шутит ли, как в тот раз с подмышками?

— Простите, Абдулла Петрович, меня, дурака. Но я все равно ничего не понимаю, — стыдливо признался Саид.

— Да что тут понимать, Саид? — недовольно пробурчал Абдулла. — Мы с вами нарушили закон. Простите, что я скрыл это от вас, но мы не имели права производить обыск, и Кузин это, в отличие от некоторых, прекрасно понял.

— Но ведь вы как-то при мне выписывали постановление о проведении обыска, — вспомнил Саид.

— Да, выдавал, но официально, в здании суда, после подачи заявления потерпевшего! — импульсивно пояснил Абдулла. — А в этот раз я за несколько минут до вашего прихода состряпал липовое постановление.

— А зачем вам все это нужно? — продолжал упрямо недоумевать Саид. — Что вам сделал этот Кузин?

— Мне он ничего не сделал, но он, судя по всему, похитил ценную рукопись из одной библиотеки, — решив быть откровенным с Саидом, Абдулла все же оставил за собой право опустить некоторые излишние подробности — на всякий случай. — Вчера перед самым Новым годом ко мне пришел один человек и рассказал об этой... назовем ее кражей. По всем признакам преступление мог совершить только Кузин. Когда мы беседовали у него в кабинете, у меня не осталось никаких сомнений, что это он украл рукопись либо по своей инициативе, либо выполняя чей-то заказ.

— А почему мы тогда ничего не нашли? — никак не мог уgomониться Саид.

— Значит, плохо искали, — проворчал Абдулла, разглядывая свои великолепные верблюжьи варежки.

— Так давайте еще раз попробуем, — на лице Саида появилось неистребимое выражение надежды.

Абдулла с укоризной посмотрел на Саида.

— Хватит. И так дров наломали. Рукопись украли 29 декабря. С того времени Кузин ее тысячу раз мог перепрятать.

— Что же делать? — приуныл Саид.

— Саид! — Абдулла с трогательной улыбкой посмотрел на исполнителя наказаний в соответствии с шариатом. — Когда сегодня ночью я задавал себе этот вопрос, я решил, что надо искать рукопись у Кузина. Что делать сейчас, я, по правде говоря, не знаю.

— Давайте продолжать искать эту несчастную рукопись, — неуверенно предложил Саид.

— Где искать?! Где? — развел руками
Абдулла.

Саид задумался и после недолгих раз-
думий выдал:

— Давайте проследим за Кузиным.

— Зачем?

Но прежде чем Саид успел обосновать
свое мнение, Абдулла отчаянно взмахнул
рукой и ринулся по направлению к дому Ку-
зина. Саид, как мог со своей незажившей
ногой поспевал за ним, но на одном из по-
воротов узенькой заледеневшей тропинки,
не удержался и опрокинулся лицом в снег.
Когда же Саиду все-таки удалось настиг-
нуть Абдуллу, тот стоял в обнимку с замерз-
шей березой и что-то пристально высмат-
ривал. Указав Саиду место подле другой
березы, находившейся чуть поодаль, Аб-
дулла едва слышно прошептал: «Тихо!» и
опять прильнул к своему дереву.

— Абдулла Петрович, зачем прятать-
ся? Кругом парк, нас и так не видно, —
произнес Саид, потирая больную ногу.

Но вместо ответа Абдулла крикнул Са-
иду: «Быстрее! За мной!» и побежал в ту
сторону, откуда они только что, сломя го-
лову, примчались. Саид, несмотря на
свою хромоту, держался от Абдуллы на
сравнительно небольшой дистанции, не
позволяя ему увеличить разрыв. Эх, если
бы не эти проклятые ледышки!

Добежав до проспекта, Абдулла при-
нялся ловить машину.

— Куда едем? — сердито прохрипел во-
дитель, остановивший свой «Пежо» только
потому, что иначе ему пришлось бы сбить
Абдуллу, носившегося по проезжей части и
изображавшего руками волшебника Фрис-
тона, превратившегося в мельницу.

Голос водителя напомнил Абдулле старый мультфильм про медведя и поросенка. Медведь в этом мультфильме говорил хриплым простуженным голосом — точь-в-точь, как и их шофер. Высказав Абдулле и Саиду все, что он о них думает, водитель замолчал только после того, как Абдулла сунул ему красную десятирублевку с профилем Шигабуддина Марджани*.

В этот момент из-под арки, откуда пару минут назад выскочили Абдулла с Саидом, выехал откровенно потрепанный «Форд».

— Поезжайте за этой машиной, пусть только немного отъедет, — приказал Абдулла водителю. — Нас ни в коем случае не должны заметить.

— Шпионы, что ли? — улыбнулся водитель.

— Нет, — с этими словами Абдулла, как мог, вжался в сиденье так, что если бы кто-нибудь посмотрел на машину спереди, то увидел бы только верх его мохнатой шапки.

— Спрячьтесь, Саид, — зашептал Абдулла, и тяжело дышавший Саид послушно упал на заднее сиденье.

— Скажите, когда отъедет, — попросил водителя Абдулла.

— Уже отъехал, но нам придется немного подождать. Тут еще одна машина, — сообщил водитель.

— Что такое? — Абдулла с трудом удержался, чтобы не высунуться из своего укрытия.

— «Волга», а в ней какие-то ребята, по-моему, не очень дружелюбно настро-

* Марджани Шигабуддин (1818—1889) — выдающийся татарский богослов, юрист, историк.

енные. Сейчас они выедут на проспект, и мы поедем.

Когда водитель нажал на газ, Абдулла распрямился на своем сиденье. Он был доволен собой и отчасти Саидом, невольно подкинувшем ему идею слежки за Кузиным. Кузин явно куда-то спешил, значит, он непременно должен был выйти из дома. Расстроившись от неудачного обыска, Абдулла чуть было не упустил, возможно, последний и единственный шанс напасть на след рукописи. Что, если сейчас Кузин едет в то место, где он ее припрятал? Или, может быть, наоборот, везет ее кому-то...

И все-таки, зачем он ее украл? Хочет продать рукопись? Но это же безумие! Вывезти из страны ее невозможно, хранить в России за семью замками бессмысленно. На что же он рассчитывает? Неужели его жадность оказалась сильнее разума? А что, если он уже продал рукопись? Прошло все-таки три дня. Тогда куда же он едет? За деньгами?

Вдруг «Пежо» затормозил, и Абдулла чуть не разбил головой лобовое стекло.

— Аллах с вами! Что вы делаете? — закричал он на водителя.

— Светофор, — не обращая внимания на вопли Абдуллы, пояснил водитель. — Сдается мне, что эти ребята во второй машине делают то же, что и мы.

— В смысле? — поморщился Абдулла.

— Следят за «Фордом». Причем, грамотно следят. Мы уже столько перекрестков и поворотов проехали, а они на одном и том же расстоянии стабильно идут за первой машиной.

— Они нас могут заметить! — заволновался Абдулла.

— Возможно, — предположил водитель. — Правда, они слишком увлечены слежкой и могут не обратить внимания, что и за ними тоже следят. У них, наверное, есть оружие. Поэтому, ребята, если что... вы уж меня извините, но моя жизнь мне пока дорога.

— Все в порядке, — Абдулла многозначительно посмотрел на водителя, — у нас тоже есть оружие.

У Абдуллы действительно был пистолет, который полагался ему по должности, но он, разумеется, оставил его дома. Разве мог он предположить, направляясь к Кузину, что ему понадобится оружие.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — немного подумав, добавил Абдулла, — до перестрелки вряд ли дойдет.

— Оптимистично, но неубедительно, — отозвался водитель и громко заржал.

Абдулла не отрывался от лобового стекла. Московский вокзал. Куда же он едет? Но прежде чем Абдулла успел что-нибудь придумать, «Форд» Кузина остановился у самого входа в вокзал и через несколько секунд его владелец с коричневым дипломатом в руке вышел из автомобиля. От волнения у Абдуллы чуть не хлынула, как однажды в детстве, из ушей кровь. Дипломат! Неужели, в дипломате рукопись? Но откуда он взялся? Во время обыска он не видел в квартире дипломата. Точно-точно! Значит... дипломат все это время находился в машине!

— Остановите здесь, — закричал Абдулла водителю.

— Не спешите, — сказал водитель, аккуратно паркуясь метрах в ста от машины Кузина. — Подождите, пока выйдут ребята

из «Волги». Вы что, в первый раз слезку ведете?

Абдулле стало стыдно своего непрофессионализма, и он ничего не ответил любопытному водителю. Ребята из зеленой «Волги» не заставили себя ждать. Как только Кузин скрылся в дверях вокзала, они поспешили за ним. Их было двое, издалека похожих друг на друга, как подбerezовики из-под одной березы: оба примерно одного роста, в кожаных куртках и вязаных шерстяных шапочках. Не дожидаясь, пока они скроются в дверях вокзала, Абдулла выскочил из машины.

— Саид, — прокричал он прежде, чем захлопнуть дверь, — подождите меня здесь. Если увидите что-то важное — сообщите.

— Осторожнее, Абдулла Петрович, — дребезжащим от волнения голосом напутствовал Абдулла Саид.

Сохраняя, по возможности, спокойный вид и неторопливую походку, Абдулла вошел в здание вокзала. Оглядевшись по сторонам, он сразу заметил двух молодых людей в кожаных куртках, спешивших по направлению к билетным кассам. Крадучись вдоль стен, но несколько не снижая при этом скорости, Абдулла последовал за ребятами из «Волги».

У самого входа в центральный зал Абдулла увидел Кузина, беседовавшего с двумя мужчинами. Слава Аллаху, Кузин стоял к нему спиной. Один из собеседников Кузина — молодой человек с маленькими черными усиками — держал в руках коричневый дипломат. Тем временем парни в кожаных куртках невозмутимо прошли мимо Кузина, держась левой сторо-

ны, к одному из находившихся на вокзале кафе быстрого питания. Купив себе что-то съестное, они расположились за высоким столиком и завели веселую беседу.

К сожалению, Абдулла не мог позволить себе последовать их примеру, а потому ему только и оставалось, что, спрятавшись за углом, терпеливо наблюдать за происходившим.

Встреча Кузина с неизвестными — на вид арабами — была недолгой. Скорее всего, Кузин должен был передать им дипломат. Абдулла не очень хорошо видел, но ему показалось, что второй араб — плотный мужчина лет сорока — был чем-то недоволен. Он что-то эмоционально и красноречиво говорил Кузину, а тот только кивал в ответ своей не успевшей поседеть головой. Встреча прекратилась так же молниеносно, как и началась. Арабы последовали в сторону перрона, а Кузин заторопился к выходу.

До того, как исчезнуть за углом, Абдулла успел отметить, что Кузин необычайно взволнован. Надо куда-нибудь спрятаться, чтобы его не заметили! Оглядевшись по сторонам, Абдулла устремился к газетному киоску, установленному вдоль ближайшей к нему стены. Посчитав до десяти и только тогда оглянувшись, он увидел, как Кузин выходит из здания вокзала. Прождав еще несколько секунд, Абдулла рассчитывал увидеть севших ему на хвост преследователей в кожаных куртках, но, не дождавшись, стремительно вернулся на свой наблюдательный пункт перед входом в центральный зал. Осторожно заглянув за угол, он обнаружил, что столик, за которым совсем недавно неторопливо

ели парни, опустел. Значит, они оба пошли за арабами! Кузин им уже неинтересен. Он передал рукопись (то, что в коричневом дипломате рукопись, Абдулла даже не сомневался) ... Аллаху 'азым!

Переходя на бег, Абдулла набрал на ходу номер мобильного Саида.

— Алло, Саид!

— Абдулла Петрович! Кузин сел в машину, — сообщил Саид.

— Знаю, — нервно перебил его Абдулла. — Ждите меня у выхода. Если что — звоните!

Однако, не будучи Юлием Цезарем, Абдулла не обладал столь необходимой сыщику способностью совершать несколько действий одновременно: занятый процессом раздачи инструкций Саиду, он чуть было не сбил с ног парней в кожаных куртках, о чем-то совещавшихся у входа в зал продажи билетов.

— Под ноги смотри, да?! — зарычал на Абдулла один из них с заметным южным акцентом и замахнулся на него кулаком.

Но второй своевременно вклинился между ним и Абдуллой и что-то резко сказал своему товарищу на неизвестном Абдулле языке. Тот сразу же утихомирился, и Абдулла, податливо извиняясь, засеменял подальше от своих опасных конкурентов.

«Вот и засветился, — с досадой подумал Абдулла, нервно сжимая кулаки. — Слава Аллаху, хоть не пришибли».

Все произошло так быстро, что Абдулла не успел толком испугаться.

— Ага, вот и они, — Абдулла заметил двух арабов, стоявших перед билетной кассой.

Первой его мыслью было встать в очередь и послушать их разговор, но на полпути он вдруг вспомнил о парнях в куртках и резко изменил траекторию своего движения. Покрутившись у табло с расписанием движения поездов, Абдулла подождал, пока арабы покинут зал. И только после этого направился к кассе.

— Если я и вызвал подозрение у тех двоих, — резонно заключил Абдулла, то теперь их внимание должно переключиться на арабов.

Лохматая и угрюмая женщина-кассир на что-то с отвращением смотрела в своем компьютере. В очереди стояли двое. Когда Абдулла приблизился к кассе, стоявший последним мальчик лет двенадцати весело сообщил ему: просили не занимать, через пять минут перерыв.

Но Абдуллу это банальное обстоятельство мало волновало.

— Позвольте, — сказал он, протягивая в окошечко кассы свое потрепанное судебское удостоверение.

Угрюмая кассирша подняла свою лохматую голову, скользнула взглядом по синей корочке документа и принялась кричать:

— Что вы мне суете свою бумажку! У вас что, пожар? Видите, у меня перерыв! Идите в другую кассу! Много вас тут ходит!

— Вы меня не поняли, уважаемая, — максимально спокойно произнес Абдулла, хотя руки его тряслись от волнения. — Речь идет о людях, которым вы только что продали билеты. Поэтому или вы мне сейчас срочно сообщите то, что я хочу узнать, или будете нести ответственность как пособница преступников.

Это был очевидный блеф, но в таком хорошем исполнении, что кассирша не могла не поверить ему.

— Что вас интересует? — спросила она, мгновенно сменив тон и даже выпрямившись на своем сиденье.

— Я не могу говорить при посторонних, — Абдулла бросил суровый взгляд на старика и мальчика, стоявших в очереди.

Кассирша понимающе посмотрела на Абдуллу.

— Извините, касса закрыта, — объявила она, обращаясь к очереди.

— Безобразия, — возмутился, удаляясь, старик.

Мальчик ушел молча.

— Только что вы продали билеты двум мужчинам, иностранцам, — затараторил Абдулла, едва только старик с мальчиком отошли на безопасное расстояние, — возможно, они совершили преступление. Меня интересует, как их зовут, и куда они купили билет?

— Господи, что творится! — истерично взвыла кассирша.

— Прошу вас, быстрее! — торопил Абдулла.

— Сейчас, подождите! — кассирша быстро застучала по клавишам. — Так... Одного зовут Абдул Хасан ибн Зулейх, другого — Абу Йусуф аль-Мысри. Оба — граждане Египта. Купили два билета на поезд № 777 в Москву. Отправление в 23.30.

Кассирша сказала еще что-то, но Абдулла не услышал ее: из соседнего зала донеслись громкие выкрики, женские вопли и детский плач. Перепрыгнув одним прыжком через три ступеньки, открывавшие прямой путь в центральный зал, Аб-

дулла увидел на другом его конце человек двадцать-тридцать, сгрудившихся бесформенной толпой. Оттуда же доносился услышанный Абдуллой шум.

Что-то случилось. Тут уже не до конспирации. Менее чем через десять секунд запыхавшийся Абдулла уже расталкивал испуганных посетителей вокзала, а еще через пять секунд он увидел арабов. Оба лежали на полу — один, тот, что с усиками, на спине. В его синтепоновой куртке виделось два отверстия, окруженных большими бордовыми пятнами примерно одинаковой формы. Третий выстрел был сделан в голову, почти в глаз. Второй араб лежал на боку. Окружавшая его голову темно-красная лужа не оставляла никакой надежды на то, что он жив. Но как ни вглядывался Абдулла, он не увидел того самого коричневого дипломата, который незадолго до этого передал арабам Кузин. За те несколько секунд, что Абдулла изучал место преступления, толпа любопытных за его спиной выросла раза в два.

— Пустите же, — бормотал Абдулла, легонько, как ему казалось, оттесняя окаменевших зевак. — Да дайте же пройти!

Оставшийся до выхода путь Абдулла преодолел почти мгновенно, развив скорость, недоступную прежде его пораженным шпорами и отложением солей ногам. Если бы кто-нибудь в тот момент остановил его и спросил, что он собирается делать, когда настигнет убийца, он бы не смог ничего ответить. Абдулла попал в незнакомую для него ситуацию и потому действовал наугад, инстинктивно. А инстинкт говорил ему: беги скорее и догони их, а потом я скажу тебе, что делать дальше.

У самого выхода Абдулла споткнулся и больно уткнулся носом в чей-то грязный и мокрый ботинок. Абдулла собирался подняться, но обладатель ботинка опередил его, ловко поймав за плечи и поставив на ноги.

— Абдулла Петрович, вы не ушиблись? — перед Абдуллой стоял Саид.

— Саид, ты как здесь? — крикнул Абдулла и, не дождавшись ответа, бросился к выходу.

Вся стоянка перед вокзалом была заполнена машинами, но зеленой «Волги» среди них не было. Зато Абдулла увидел водителя «Пежо», приветливо помахавшего ему рукой из кабины. Услышав за спиной дыхание Саида, Абдулла обернулся.

— Абдулла Петрович! Если вы тех, что были во второй машине, ищите, то они давно уехали. Унеслись, как ветер.

— Куда они поехали? Скорее за ними, — скомандовал Абдулла, запрыгнув в «Пежо».

— Куда? — прохрипел водитель.

— За «Волгой», — протрубил Абдулла в самое ухо водителю.

— Да не кричите! — водитель схватился за ухо. — Они минут пять назад отсюда уехали, да с такой скоростью, что мне на моем драндулете их уже не догнать.

— Аллаху 'азым, — Абдулла выбежал на проезжую часть и в своей излюбленной манере стал ловить машину.

Полуживому от недавних пробежек Саиду с трудом удалось оттащить его в сторону.

— Абдулла Петрович! Да постоит же вы! Выслушайте меня. Мы все равно их не догоним, но я запомнил номер.

— Какой номер?

— Номер этой «Волги».

В очередной раз инстинкт в душе Абдуллы уступил место разуму. С досадой плюнув на ни в чем не виноватую проезжую часть, он поплелся вместе с Саидом к поджидавшему их водителю.

— Ну что ж, и на том спасибо. С худой собаки хоть шерсти клок, — печально заключил Абдулла. — Я вас поздравляю, Саид, с очередной нашей удачей. Только что эти юнцы из «Волги» убили двух человек и похитили дипломат Кузина, в котором была рукопись.

— О Всевышний Аллах! — воскликнул Саид. — Если бы я знал...

— Почему вы мне не позвонили? — перебил его Абдулла.

— Я звонил, — глаза Саида выражали первобытную искренность, — но у вас телефон был отключен.

— Не может быть, — Абдулла извлек из внутреннего кармана куртки мобильник. Телефон действительно был отключен. Странно. Повертев трубку в руке и стараясь не смотреть в глаза Саиду, Абдулла вздохнул:

— Ну, давайте ваш номер.

Саид назвал номер умчавшейся «Волги».

— А теперь подождите меня здесь, я сейчас, — Абдулла выскочил из машины и вскоре опять исчез за дверью вокзала.

Толпа вокруг убитых увеличилась, по меньшей мере, раза в три. Еще столько же людей лицезрело забрызганные кровью тела с балкона зала ожидания, свисавшего над местом преступления. Двое милиционеров, не церемонясь, отгоняли людей от трупов.

— Уважаемый лейтенант, — обратился Абдулла к одному из них.

— Лейтенант Бирюков, — приложив руку к фуражке, представился милиционер.

— Я запомнил номер машины, на которой приехали убийцы, — прокашлявшись, произнес Абдулла.

— Да, я вас слушаю, — лейтенант поспешно вытащил рацию.

— Вы были свидетелем убийства? — спросил лейтенант, продиктовав номер «Волги» коллегам.

— Нет, — неуверенно ответил Абдулла.

— Что вы еще видели? — продолжал опрос лейтенант.

Абдулле не хотелось втягивать себя в неприятный процесс дачи свидетельских показаний. Все, что он хотел сообщить, он уже сообщил. С другой стороны, дипломат был у убийц, и он, как никто другой, был заинтересован в их скорейшей поимке. Однако Абдулла не хотел затрагивать тему рукописи до тех пор, пока похитители не будут схвачены, и он лично не увидит содержимое дипломата.

— Я видел, как они выбегали из вокзала и сели в машину, — сказал Абдулла.

— И все? — с подозрительным недоверием спросил лейтенант.

— Да, — после небольшой паузы ответил Абдулла. — Я могу идти?

Лейтенант пощекотал Абдуллу своим неприятным взглядом и с большой неохотой ответил: «Да». Ничего, хватит ему других свидетелей. Вон, с каким усердием прорывается к нему полная старушка в очках. Наверняка, она все видела, все слышала и всех запомнила, несмотря на врожденную глухоту и зрение «минус 10».

— Позвольте, позвольте, — сигналила старушка, пробиваясь к лейтенанту. — Уважаемый милиционер, он лжет. Я видела, как он разговаривал с теми двумя, которые потом застрелили вот этих, — старуха указала пальцем с длинным грязным ногтем на лежавших арабов.

Абдулла, уже собравшийся уходить, в оцепенении прилип к полу.

— Что вы такое говорите? — сбиваясь, выговорил он, с ужасом глядя на старуху.

Бдительный лейтенант насторожился и на всякий случай сделал предупредительный шаг в сторону Абдуллы.

— Может быть, вы еще скажете, что не пролезли передо мной без очереди в билетную кассу, в которой до этого покупали билеты эти покойнички? — голос принадлежал притаившемуся справа от Абдуллы старичку. Это был тот самый старичок, который стоял с мальчиком в очереди за билетом. — Секретный разговор у него был. Если не верите, — обратился он к лейтенанту, — спросите кассиршу в кассе номер пять. Я думаю, они все заодно. Это одна банда!..

Пока Абдулла краснел и пытел, пытаюсь что-то придумать в свое оправдание, лицо лейтенанта каменело и желтело на глазах. Абдулле показалось, что Бирюков стал шире в плечах и выше ростом.

— Попрошу вас пройти вместе с сержантом, — приказал, наконец, Бирюков и без всяких сантиментов взял Абдуллу за плечо.

— Послушайте! — начал было Абдулла.

— Пройдемте, уважаемый, — прогнул савил подоспевший сержант, поигрывая резиновой дубинкой.

— Уважаемый милиционер, это недо-
разумение, — настаивал Абдулла. — Я вам
сейчас все объясню.

— Потом будете объяснять, уважае-
мый, — сержант как бы невзначай повер-
тел перед носом Абдуллы своим *ultima
ratio**.

Абдулла хотел достать свое судебское
удостоверение, но потом, словно спохва-
тившись, засунул руки в карманы и молча
последовал за гнусавым сержантом.

* *Ultima ratio* — последний довод (лат.).

ПЕРВОЕ ДЕЛО АБДУЛЛЫ

По свидетельству Бурайда: «Судьи делятся на три категории. Из них судьи только одной категории будут допущены в Рай. Это — те, кто выявил истину и вынес решение в соответствии с ней. Тот же, кто выявил истину, но при вынесении приговора пренебрег ею, войдет в Ад. А тот, кто выносит приговор, рассматривая лишь субъективные претензии сторон, и не вникает в существо дела, также займет свое место в Аду».

Приведено у Абу Дауда

— Ну вот, кажется, и все, — с тоскою подумал Абдулла, изучая свое временное пристанище. Маленькая убогая комнатка без окон в привокзальном отделении милиции напомнила Абдулле безгрешные студенческие годы. У него в общежитии была точь-в-точь такая же каморка, где с трудом располагались две кровати, холодильник и письменный стол — один на двоих. Правда, в отличие от этого «обезьянника», там было окно, которое постоянно держали открытым, чтобы не задохнуться: в общаге не работала вентиляция.

В те годы Абдулла практически ничего не знал об исламе и был, в сущности, обыкновенным студентом — не хуже и не лучше своих многочисленных беззаботных сверстников. Ислам представлялся ему экзотическим учением, не имевшим к нему лично никакого отношения, а потому — недостойным сколько-нибудь серьезного внимания.

Так Абдулла прожил пять лет, старательно постигая многоликие правовые нормы, занимаясь спортом и выступая

время от времени в университетском церковном хоре. Абдулла никогда не был атеистом. Слишком обреченным оказался бы этот мир, если бы в нем не наблюдалось хотя бы намек на возможность существования Бога.

Продолжая надеяться или, лучше сказать, учитывать незримое присутствие Господа, Абдулла относился к Божественным заповедям как к рекомендациям, своего рода правилам хорошего тона для тех, кто хочет, чтобы о них хорошо думали на этом свете и, возможно, на том. Юридическая закваска Абдуллы не позволяла ему считать законом то, что по определению не имеет силы закона, — мораль.

Мораль человека — слишком зыбкий и опасный фундамент для построения Божественного здания, считал Абдулла. Закон и только закон способствует единому пониманию Господних заповедей и не позволяет отдать их на откуп эмоциям, чувствам и прочим человеческим слабостям.

Задача Бога — даровать людям вечное и непреложное Законодательство, а уж исполнять его или нет — их дело. Зато потом — на том свете — они уже не смогут возразить, что слаб, дескать, человек и не уразумел смысла Божеских слов. Сразу станет ясно, кто что нарушил и за что должен нести ответ. А потом или пожалуйте-с в Ад-с, то есть налево, или в Рай-с, то бишь направо. То, что Ад налево, а Рай — непременно направо, Абдулла не сомневался.

Часами раздумывая над проблемой Божественного Закона, Абдулла, возможно, так никогда и не выкарабкался бы из

бесконечного круга умозрительных и бесплодных рассуждений, если бы не столкнулся с одним любопытным делом.

Было это лет пять назад, когда выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Петр Петрович Мухин вполне справедливо получил должность помощника председателя суда К-ского района Санкт-Петербурга. Тогда еще перспектива введения шариатского судопроизводства в России казалась дикой мечтой ваххабита из боевиков про неуловимого Усаму бен Ладена, и все дела, так или иначе затрагивавшие интересы мусульман, рассматривались в специальных отделениях или, как их называли на западный манер, камерах общих судов. Обычно такими делами занимались судьи, имевшие востоковедное образование. Однако даже эта судейская традиция не всегда соблюдалась. Наскорю же подготовленные при мечетях судьи, почему-то именовавшиеся шариатскими мировыми кади*, с грехом пополам разбивавшиеся в мусульманском праве, зачастую совсем не ориентировались в российском законодательстве, и это сводило на нет многие их решения.

Решая, например, вопрос о легитимности развода мужа с женой по причине ее супружеской неверности, шариатские мировые кади напрочь забывали, что по этому поводу думает наследственное право России. Российскому наследственному праву, в отличие от шариата, было решительно все равно, изменяла жена мужу или нет — свое право на законную или оп-

*Кади (араб. — приговаривающий) — судья.

ределенную в договоре долю супружеского имущества она не теряла как в случае прелюбодеяния, так и добродетельной жизни в лоне семьи.

Одно из таких «мусульманских», как их называли в суде, дел как раз и поручили Абдулле (тогда еще Петру Петровичу Мухину), когда он юным и неопытным переступил порог К-ского суда Санкт-Петербурга.

Пожилой мужчина-мусульманин, женатый на своей ровеснице, вознамерился взять в дом вторую жену — на пятнадцать лет моложе его самого. Однако, к его величайшему удивлению и неудовольствию, первая жена воспротивилась этому браку. Дело рассматривалось шариатским мировым кади, и тот признал право мужа, в соответствии с «законами шариата», взять себе вторую супругу, не спрашивая мнения первой. Тогда недовольная таким решением супруга вновь обратилась в суд, на этот раз светский.

Получив свое первое дело, Абдулла растерялся. Тех немногих знаний, которые он сохранил из замечательного курса мусульманского права, читаемого профессором Виралайненом в университете, явно не хватало для компетентного рассмотрения вопроса. Да и с какой стати он, Абдулла, будет рассматривать это дело, если, согласно шариату, решать споры между мусульманами может только мусульманин?! С этими невеселыми соображениями Абдулла направился к председателю суда — старому и многоопытному Михаилу Александровичу Тимохину, похожему на толстую крольчиху в очках. Но тот даже слушать его не стал.

Первое дело Абдуллы

— Знаете что, молодой человек, вы еще не родились, а мы уже решали споры между мусульманами, причем весьма успешно. По крайней мере, недовольных не наблюдалось. Что значит — судья должен быть мусульманином? Где это написано?

— В Коране, наверное, — смущенно предположил Абдулла.

— Мало ли, что там написано. Нам Коран не указ, — отрезал Тимохин. — У нас, слава Богу, не Арабский халифат. Так что ступайте и изучайте дело. Пусть скажут спасибо, что мы вообще учитываем их первобытные нормы. Нам за эту «исследовательскую» работу, между прочим, надбавки не платят, — закончив свое выступление, председатель вновь обратился к своим бумагам, забыв о существовании Абдуллы и шариата.

Абдулла был в ужасе. Опозориться с первым же своим делом он не хотел, а при его знании шариата позор был неминуем. Рассматривать же дело исключительно на основе российского законодательства запрещали само российское законодательство и инструкция Верховного суда.

И Абдулле пришлось вспоминать, к счастью, не столь далекие студенческие годы, когда за несколько дней перед экзаменом прочитывались тяжелые заумные книжки по совершенно незнакомому предмету. Теперь ему предстояло заново освоить мусульманское право. Времени по студенческим меркам было предостаточно: целых четыре дня!

Позвонив Виралайнену, Абдулла с трудом упросил капризного старика встретиться с ним. Встреча состоялась в обшарпанном, но безумно родном кафе на юрфаке.

Узнав о проблемах Абдуллы, Виралайн-нен злорадно заулыбался.

— Я помню, как вы мне сдавали экзамен, молодой человек. Изворачивались, как могли, но свою тройку получили законно. Особенно меня порадовала фраза о том, что Аллах написал Коран, а Пророк — сунну. Не понимаю, как вы могли после моих лекций так скверно отвечать? Вы ведь посещали все мои лекции. Я вас отлично помню — вы сидели в первом ряду с одной красивой девушкой.

Абдулла стыдливо вжал голову в плечи. Виралайнен, очевидно, с кем-то его путал: во-первых, на экзамене он получил не тройку, а четверку, потому что умело воспользовался шпаргалкой товарища, а на лекциях Виралайнена он и по-давно не был, тем более с красивой девушкой. (С красивыми девушками надо в другие места ходить!) Устроившись на пятом курсе на практику в суд, Абдулла практически не бывал в университете.

— Ну, что молчите? Стыдитесь? Думали, что ненужный предмет проходите, а видите, как оказалось. Пришлось столкнуться, можно сказать, вплотную, — не скрывал своей радости Виралайнен.

— Да-а, — протянул Абдулла. — Кто бы мог подумать!

— Ну, да ладно. Пусть это будет вам уроком. Итак, что у вас за дело?

Профессор достал из кармана очки в золотой оправе (за консультации по шариату Виралайнену недурно платили: долгое время он был едва ли не единственным серьезным специалистом по мусульманскому праву в стране).

Внимательно выслушав Абдулла, Виралайнен засмеялся.

— Послушайте, любезный, мы со студентами такие задачки на семинарах решаем.

— У нас не было семинаров, — Абдулла предупредил неприятный вопрос профессора.

— Ах, да, — с огорчением вспомнил Виралайнен. — У нас только четыре года назад семинары по шариату ввели. Догадались, наконец. Сколько крови мне стоило пробыть эти семинары. Вы не представляете себе, молодой человек...

Мысль профессора закружилась и завертелась в другом направлении, и Абдулле пришлось терпеливо слушать рассказ о приключениях Виралайнена в различных бюрократических инстанциях, в силу своей недалекости не понимавших важность изучения шариата в России. Наконец, профессор вспомнил о «задачке для семинаров».

— Все очень просто, молодой человек, — многозначительно произнес Виралайнен. — Весьма посредственно поступил шариатский мировой кади, судя по его аргументам.

Абдулла внимательно слушал Виралайнена, что-то записывая в блокнотик. Почти как на лекции!

— В вашем случае, — продолжал Виралайнен, — налицо желание пожилого мужчины наряду с супругой ровесницей — иметь молодую женщину. Насколько я понимаю, он не привел в оправдание своего намерения более серьезных аргументов?

— Получается, что так, — согласился Абдулла.

— А, стало быть, его жена имеет совершенно законное право воспротивиться такому решению, — подытожил Виралайнен. — Они думают, что если введена полигамия, так теперь можно брать столько женщин, сколько выдержит кошелек. Кстати, у них был заключен брачный договор?

— Да, — отвечал Абдулла, не переставая делать записи в блокноте. — В соответствии с договором, если муж помимо причин, указанных в законе, инициирует развод, он теряет право на свою долю супружеского имущества.

— Ах, вот оно что! — улыбнулся Виралайнен. — Неглупая жена оказалась. Все предусмотрела. Кстати, по шариату, если муж в вашем деле и после вынесения судебного решения будет настаивать на второй жене, первая жена может сама потребовать развод. По-арабски это называется «хул'ун». Тогда муж обязан предоставить жене развод, причем, как правило, без получения от жены соответствующего отступного, именуемого «фидйа». Только учтите, право жены запретить мужу брать другую жену не оговорено четко в Коране и сунне. Это правило было вынесено судами. Я это к тому говорю, что данное правило не является жестким и беспрекословным. За судьей оставлено право решать дело по собственному усмотрению. В Коране сказано, что мужчина может иметь до четырех жен, если может обеспечить им достойное содержание. Так что думайте сами, молодой человек, что в данном случае будет более справедливо.

— Спасибо огромное, Эйно Юккович. Вы мне очень помогли, — Абдулла благо-

дарными глазами посмотрел на Виралайнена.

— А вообще я вам советую почитать вот эти книжки, — Виралайнен вручил Абдулле исписанный с двух сторон мелким почерком листок. — Тогда вы сможете более или менее хорошо ориентироваться в шариате. Помните, что шариатский судья, помимо знаний и опыта, должен обладать безупречной логикой и способностью к анализу. Большинство дел, с которыми сталкивается шариатское судопроизводство в наше время, не урегулировано напрямую в Коране или сунне. Подчеркиваю: напрямую. Поэтому мусульманские правоведы с помощью широкого инструментария всевозможных приемов и методов стараются постигнуть идею, заложенную в Коране и сунне. Иными словами, они решают, как Пророк решил бы данное дело, если бы он жил в наши дни.

— Но ведь это же может привести к произволу судей! — пылко возразил Абдулла.

— Формально, да. Но, во-первых, судья должен аргументированно обосновать свое мнение, сославшись на авторитетные источники. И, во-вторых, решение судьи может быть обжаловано в соответствующих инстанциях. Раньше это был суд халифа, теперь это — вышестоящие судебные инстанции. А в христианской Испании после реконкисты вообще сложилась уникальная ситуация, когда решения кади обжаловались в суде короны, то есть апелляционное решение по приговору мусульманского судьи выносил христианин, что в принципе невозможно для классического фикха*.

* Фикх — мусульманская юриспруденция.

— Любопытно, — отозвался Абдулла.

— Молодой человек! — Виралайнен упоенно закатил глаза. — Вы не представляете, сколько должен знать шариатский судья! Это ни одному нашему судье не снилось! Помимо судебных решений по различным вопросам, он должен быть досконально знаком с Кораном и комментариями к нему, сунной Пророка, решениями его сподвижников, работами авторитетных мусульманских юристов, фетвами* почитаемых духовных авторитетов. И это далеко не все. Поэтому меня несколько поражает ваша юношеская смелость, с которой вы взялись за рассмотрение данного дела. Этому учатся и учатся гораздо дольше и больше, чем на обычном юрфаке.

— Да я не взялся, — стал было оправдываться Абдулла. — Мне дали и сказали: вот тебе дело, решай, и никаких гвоздей!

— В приказном порядке? Замечательно! — Виралайнен опять оседлал своего конька: мол, юстиция у нас ни к черту. Судебная реформа уже лет десять как созрела, а власти и в ус не дуют. Недооценивают шариат и скоро жестоко поплатятся за это.

Пока Виралайнен предавался эмоциям, Абдулла опять начал что-то строчить в блокнотике.

— Однако, пока вы все это не освоили, — указал Виралайнен на лежавший перед Абдуллой список, — я хочу посоветовать вам следующее. Запомните прежде всего одну вещь, которая поможет вам принять справедливое решение в том или

* Фетва (араб. — разъяснение) — заключение, решение, выносимое мусульманским правоведом.

ином деле. В основе каждой нормы шариата лежит основание ее принятия, по-арабски — 'илля. Это основание даст вам возможность понять причины, по которым была установлена данная норма. Например, вы знаете, почему мусульманам запрещено пить вино?

— Наверное, потому что его чрезмерное употребление вредит здоровью, — немного подумав, ответил Абдулла.

— Вы почти угадали. Дело в том, что в исламе существует пять ценностей, любое покушение на которые рассматривается как преступление.

Эти ценности: религия, жизнь, разум, продолжение рода (или достоинство, честь) и собственность. Внутри этих ценностей существует градация. Религия — самая главная ценность, потом идут: жизнь, разум, продолжение рода, собственность. Соответственно, самые жесткие наказания установлены как раз за преступления, посягающие на одну или одновременно несколько этих ценностей. Например, употребление спиртного наносит удар такой ценности, как разум, а также религии, поскольку пьяный человек не в состоянии добросовестно выполнять свои обязательства перед Богом (для общения с Аллахом нужен чистый разум). Поэтому, когда вы будете рассматривать какое-нибудь дело, смотрите, посягал ли преступник косвенно или умышленно на эти ценности. Если да, то для такого преступления должно существовать фиксированное наказание в Коране или сунне. Можно исходить и от противоположного. Если в Коране и сунне существует фиксированное наказание в отноше-

нии того или иного преступления, значит, оно посягает на одну из исламских ценностей.

— Прямо, как математическая формула, — восхитился Абдулла.

— Если же преступление не посягает на указанные ценности, — продолжал Виралайнен, — вы можете выбрать наказание по принципу та'азира*, — то есть на выбор. Эта альтернатива знакома вам по нашему УК: например, за махинации с кредитными картами полагается заключение сроком на пять лет, или штраф в размере 1000 рублей, или принудительные трудовые работы сроком на семь лет. Но не забывайте при этом об 'илля. Бывает, что основание для возникновения той или иной нормы существовало в определенном историческом контексте и в настоящее время утратило свою актуальность. Например, Пророк Мухаммад на определенном этапе существования мусульманской общины повелел правоверным носить бороду. Это было вызвано необходимостью отличать своих от чужих, мусульман от многобожников, которые часто не носили бороду. В настоящее время мусульманину необязательно выпячивать свою принадлежность к исламу. Поэтому те фанатики, которые заставляют своих сограждан носить бороду, — малограмотные проходимцы.

* Та'азир — наказание за преступления, санкция в отношении которых не установлена в Коране и сунне. Та'азир может налагаться по приговору суда или по решению правоохранительных органов. Та'азир включает в себя раскаяние (ат-тауба) и извинения, в некоторых случаях — искупление (аль-каффара).

— Но ведь сам ислам расплывчатостью многих своих положений порождает подобную неопределенность!

— Вы не совсем правы, молодой человек, — поправил Абдуллу Виралайнен. — Да, ислам — во многом плюралистическая религия. Существует даже особый термин — «лимитированный плюрализм». Этот самый плюрализм позволил в свое время исламу распространиться на огромной территории и впитать многие достижения покоренных цивилизаций. В исламе нет еретиков. И суннит, и шиит — мусульмане, и никто не может назвать человека, придерживающегося другого течения, отступником, еретиком. Спор в пользу истинности того или иного течения давно решен в пользу религиозного плюрализма.

— Но ведь при таком лимитированном плюрализме возможны тысячи мнений в отношении одного и того же вопроса. Я имею в виду правовые вопросы, — пояснил Абдулла. — Существует большая вероятность, что судья может ошибиться при принятии решения.

— И вновь вы не совсем правы, — со снисходительной улыбкой сказал Виралайнен. — Возьмем наше законодательство. Скажем, тот же УК. Я думаю, вам известно, что некоторые действия, рассматривавшиеся уголовным законодательством в качестве преступлений, впоследствии перестали таковыми считаться ввиду изменившихся экономических и политических условий. Так, в советское время было такое преступление — спекуляция.

— Да, мы проходили...

— А после начала рыночных реформ деятельность так называемых спекулянтов приобрела вполне законный характер. Возьмем теперь другое преступление — убийство. В любую эпоху, при любом даже самом деспотичном режиме данное преступление продолжало считаться преступлением, и за него были установлены одни из самых суровых санкций. То же самое и в шариате. Те преступления, за которые установлено фиксированное наказание, как раз и есть преступления, за совершение которых во все времена и при любых режимах полагалась суровая кара. Установление же наказаний за другие преступления в мусульманском праве относится к компетенции законодателя и судьи, исходя из их опыта и знаний.

— Позвольте, профессор, — перебил Виралайнена Абдулла, — я знаю, что за измену исламу, то есть переход в другую религию, полагается смертная казнь. Разве это преступление, характерное для всех эпох и народов?

— А вот здесь вам пригодится кийас, или аналогия, четвертый источник мусульманского права, — ничуть не сконфузился Виралайнен. — Разве не существует в нашем законодательстве суровая норма, карающая за шпионаж или, иными словами, измену Родине? Так вот, измена исламу — это та же измена Родине в нашем понимании. Главное в юриспруденции — не судить о том, чего не понимаешь, со своей колокольни, а попытаться понять логику законодателя. Понимаете, если мусульманин изменит одному мусульманскому правителю в угоду другому — это не изме-

на Родине, о которой говорится в нашем УК 2040 года. Это измена конкретному человеку. Но если он изменит мусульманскому правителю в угоду правителю, принадлежащему к другой вере, это — измена Родине, потому что это уже не измена человеку, а измена всей мусульманской общине (умме), то есть исламу в целом. В Коране и сунне нигде не сказано, что мусульмане непременно обязаны создавать государство. Они могут жить и в государствах, где правитель — не мусульманин. Главное для них — не изменять своей религии, которая и есть их Родина. При этом не следует забывать, что по поводу наказания за вероотступничество между мусульманскими правоведами нет единого мнения. Одни считают, что отступление от ислама влечет за собой смертную казнь, другие полагают, что при вынесении приговора можно ограничиться телесным наказанием или даже штрафом.

Абдулла был в восторге. В тот же день он отправился в библиотеку и нашел себе занятие на ближайшие три с половиной дня.

На слушание дела он отправился в превосходном настроении. «Дело о второй жене», как его окрестил Абдулла, представлявшееся ему самым сложным и запутанным делом в мире, теперь казалось не таким уж сложным, но от того не менее интересным. По дороге в суд Абдулла мысленно повторил пять исламских ценностей и стал придумывать, тренировки ради, примеры различных преступлений с целью отыскать в них основание — 'илля. Занятие это оказалось столь увлекательным, что Абдулле с трудом удалось

вернуть свои разыгравшиеся мысли к рассматриваемому делу только в самом зале заседаний.

Абдулла с волнением и благоговением оглядел зал. Много раз ему доводилось присутствовать на судебных заседаниях в качестве зрителя, по ту сторону перегородки и судейской кафедры. Теперь он был «по эту сторону».

Полный зал народу. В основном, дамы. Для них это дело — показатель того, имеет ли женщина в исламе хоть какие-нибудь права или же является безропотной вещью мужа. Абдулла много слышал о том, что женщина в исламе — не человек, и единственное ее право и обязанность — рожать и растить детей. Чтение рекомендованной Виралайненем литературы слегка пошатнуло эти стереотипы, но слишком тверд был еще фундамент мифологических представлений, спаянный из лжи и невежества, чтобы изгнать злых шайтанов неведения, свивших гнездо в легковверном сердце Абдуллы.

«В любом случае, — решил Абдулла, — я — судья, и никому ничего не должен доказывать. Меня должны интересовать только вопросы факта и права. Решать же заранее, что жена права, означает быть пристрастным судьей, подверженным влиянию слухов, эмоций или ужасного виртуального монстра, именуемого общественным мнением. Горе тому судье, в душе которого царствует презумпция чьей-либо вины до рассмотрения дела, особенно если она опирается на такую же презумпцию вины в законе».

Абдулла хорошо помнил, как один его товарищ попал в тюрьму по обвинению в изнасиловании.

Все было до безобразия просто. Некая молодая особа пригласила романтично ухаживавшего за ней молодого человека к себе в гости. Оказалось, что родители уехали на дачу. Совершенно «случайно» в холодильнике нашлась выпивка, причем немалая: на двоих юноша с девушкой выпили две с половиной бутылки водки. Как после этого юноша умудрился изнасиловать девушку — загадка, но присяжные решили, что он виновен.

— Уф! Слава богу, у нас сегодня не уголовное дело, — подумал Абдулла, — а то бы эти двенадцать шайтанов только мешали работать.

А вот и истица с ответчиком. Господи! Как ужасно похож ответчик на дядю Колю — консьержа из их парадной, алкаша первостатейного. Даже рубашка такая же! Надо же, как бывает! А истица совсем не похожа на придавленную гнетом женщину Востока. Хищница какая-то: глаза так и бегают. Огромный волевой подбородок. Может, ума-то в ней не так и много, но вот энергии — более чем достаточно. Нечего сказать: хорошая парочка!

Истицу представлял адвокат — пожилой мужчина в тройке с небольшой ухаживаемой бородкой — что-то среднее между Кони и Плевако, только лицо не очень умное. У ответчика адвоката не было: он заявил, что настоящий мужчина способен сам за себя постоять. Дядя Коля!

Первой выступала истица — госпожа Галимуллина. Весь ее пятнадцатиминутный монолог можно было свести к одной фразе: «Зачем ему другая женщина, если я добросовестно выполняю супружеский долг?» Ответчик Галимуллин был немного-

словен. Он не спорил и не опровергал слова своей единственной супруги. Он просто сказал, что хочет жениться еще раз и не обязан никому давать отчет в мотивах своего решения. Слишком интимные это мотивы, чтобы говорить о них публично.

— А вы все-таки постарайтесь, не вдаваясь в подробности, объяснить суду причины своего желания сочетаться вторым браком, — Абдулла вопросительно посмотрел на Галимуллина.

Ответчик молчал.

— Вы можете сказать это лично судье? — настаивал Абдулла.

Ответчик недоверчиво взглянул на судью.

— Хорошо. Как мужчина мужчине? — не теряя надежды, спросил Абдулла.

Ответчик радостно заулыбался.

— Ладно. Только на ухо, — подойдя к Абдулле, Галимуллин приблизился губами к его уху и едва слышно произнес: «Я люблю ее».

— Кого? — шепотом спросил Абдулла.

— Мою вторую жену, — с нектаром на устах пропел Галимуллин.

Абдулла хотел спросить ответчика, любит ли он свою первую и пока единственную жену, но его прервал недовольный окрик адвоката истицы.

— Ваша честь, я протестую. Вы не имеете права тайно общаться с одной из сторон. У нас публичный процесс.

— Господин адвокат, прошу вас занять свое место, — сурово прервал его Абдулла. — То, что сообщил мне ответчик, хотя и имеет непосредственное отношение к делу, не может быть произнесено публично, так как может нанести ущерб его чес-

ти, а честь, если вы помните, господин адвокат, является одной из пяти ценностей, защищаемых исламом.

— Извините, ваша честь, — пристыженный адвокат плюхнулся на свой стул.

Абдулла был сам удивлен своей выходке, которая между тем произвела сильное впечатление на присутствовавших. Зал оживился.

«Ничего, не будет выпендриваться», — подумал Абдулла, глядя на съезжившегося адвоката.

Галимуллин, тем временем, продолжал стоять у судейской трибуны, своей довольной физиономией одобряя каждое слово судьи.

— Так почему бы вам не развестись? — вновь зашептал Абдулла Галимуллину.

— Да я бы уже и рад — так не могу, — лицо Галимуллина сделалось вдруг печальным. — Права не имею. Дети у меня от нее есть, воспитывает она их хорошо и работать еще успевает. Словом, не придерешься. Да и по брачному договору, если развод производится по моей инициативе, я теряю почти всю долю в совместном имуществе, а это, знаете ли, немало. Моя жена таким образом хотела обезопасить себя от неожиданного развода. А я молодой был, дурак, влюбился в нее по уши и все готов был подписать — хоть смертный приговор самому себе.

Слушая Галимуллина, Абдулла краем глаза следил за тем, что происходит в зале. Особенно волновались женщины. Кажется, и впрямь заболтались.

— Ответчик, займите свое место, — громко приказал Абдулла Галимуллину. — Суд заслушал мнения истицы и ответчика.

В судебном заседании объявляется десятиминутный перерыв.

Когда ровно через десять минут Абдулла появился в зале судебных заседаний, лицо его сияло и выражало тайную, одному ему известную радость. Казалось, что за эти десять минут с ним произошло что-то особенное — такое, что случается редко и непременно приносит счастье.

— Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, — начал Абдулла скорее веселым, нежели торжественным голосом. — Суд рассмотрел доводы истицы и ответчика и в соответствии с законами Российской Федерации и непреложными вечными законами шариата постановил считать требования истицы справедливыми и запретить ответчику вступать во второй брак без расторжения первого...

Некоторое время зал пребывал в тяжком молчании. Абдулла так быстро объявил приговор, что никто сразу не понял, что это и есть окончательное решение молодого судьи. Наконец, одна грозная женщина с усами, сидевшая в третьем ряду, вскочила с места и закричала: «Ура!», и вслед за ней повскакивали с мест другие женщины и их голоса превратились в сплошной громогласный фейерверк неосознанного безумного ликования. Абдулле аплодировала почти вся публика, состоявшая, как уже было отмечено, большей частью из женщин. Немногочисленные мужчины, присутствовавшие на заседании, неодобрительно покачивали головами.

Но поразительнее всех вел себя ответчик. Он спокойно выслушал приговор, словно ни минуты не сомневался, что он

будет именно таким. А когда судья заканчивал свое короткое выступление, на лице Галимуллина даже засветилась улыбка, которая совсем не была похожа на улыбку растерявшегося человека: так улыбается тот, кто уверен в себе.

Незадолго до окончания перерыва секретарь суда отвел Галимуллина в сторону и передал ему записку, написанную едва различимым мелким почерком, похожим на арабскую вязь. В записке говорилось следующее: «Если желаете во второй раз жениться и не потерять денег — измените жене. Тогда вы будете отвечать за прелюбодеяние, и вам будет грозить смертная казнь. Не думаю, что ваша жена хочет вашей смерти. Чтобы избежать наказания в соответствии с шариатом, вы можете заявить, что готовы жениться на той, с которой изменили. И вашей жене придется либо признать вашу вторую супругу, либо развестись, то есть самой явиться инициатором развода. Доброжелатель».

Автором записки был Абдулла. Как ему потом стало известно, Галимуллин воспользовался его советом и теперь вполне счастливо проживал с двумя законными супругами. Между ним и каждой из жен был составлен новый брачный договор.

После «дела второй жены» Абдулла стал пользоваться огромной популярностью. К нему обращались по всем вопросам — зачастую в обход шариатских мировых кади. Юному судье дорого обходилась такая слава. Часами после работы и в выходные вместо общения с тогда единственной своей женой Аней Абдулла просиживал за книгами, изучая необъятное му-

сульманское право. Глаза уставали читать, но Абдулла не вставал из-за стола, пока не выполнял назначенной им самим нормы.

Прошло совсем немного времени, и «бесмысленный набор архаичных норм», как любил выражаться Тимохин, обрел в голове Абдуллы законченную гармоничность. Абдулла более не восхищался естественностью и логичностью шариата. Он просто не представлял его другим. Более того, он уже не мыслил себя вне шариата.

Абдулла, наконец, обрел тот самый Закон, те самые Божественные заповеди, полные гармонии и справедливости, которые он подсознательно искал не один год. И чем больше Абдулла изучал их, тем яснее для него становилась разница между такими обтекаемыми и бесхребетными понятиями, как добро и зло, хорошее и плохое, любовь и ненависть.

И вот теперь эта гармония была под угрозой. Тот Закон, которым восхищался Абдулла и в соответствии с которым жили миллионы людей на протяжении многих веков, мог оказаться лишь искаженным пересказом чужих мыслей, неизвестно чьих и неизвестно когда сформулированных. То, что Абдулла считал Божественной истиной, совершенным и живым словом Божьим, могло оказаться всего лишь обыкновенной человеческой ложью. «Могло оказаться», — Абдулла продолжал надеяться, что все это только могло оказаться: разве не мог ошибиться Баум в оценке подлинности рукописи и ее датировке, разве не мог что-то напутать Кузин, разве не могло вообще не быть этой несчастной рукописи?.. Впрочем, что гадать!

Первое дело Абдуллы

Все сейчас зависит от того, поймут похитителей дипломата или нет. Тогда все и прояснится.

Вот и сержант с лейтенантом. Судя по их испуганным лицам, что-то случилось. Аллаху та'ала! Неужели? А Саид, Саид-то что тут делает? Тоже задержали?

Пока Абдулла пытался угадать, что случилось, сержант после некоторых усилий справился с замком, висевшим на раздвижной решетке, отделявшей «обезьянник» от предбанника и комнаты дежурного.

— Извините, уважаемый судья, — лейтенант без энтузиазма приложил ладонь к фуражке. — Что же вы удостоверение не предъявили? Спасибо, нам уважаемый объяснил, — лейтенант указал на ухмылявшегося за его спиной Саида. — Еще раз, ради Бога, извините. Мы не смеем вас больше задерживать.

— Где преступники? — сухо спросил Абдулла.

— Пока ничего неизвестно, — развел руками лейтенант.

— Абдулла Петрович! За что же вас так? — закричал Саид, обнимая Абдулла у выхода из «обезьянника».

— Спасибо за освобождение, Саид, — Абдулла, судя по всему, не очень-то радовался обретенной свободе. — Не могу понять, куда вы все время спешите?

— Абдулла Петрович, я опять что-то не так сделал? — испуганно предположил Саид.

— Увы, да! Понимаете, Саид, я и так за сегодняшней день предостаточно засветился — на всю оставшуюся жизнь позора хватит. Поэтому лишней раз говорить, что

я — судья, да еще шариатского суда, вам не следовало. Ну, хватит об этом! — оказавшись на улице, Абдулла оглянулся по сторонам. — Я вижу, наш водитель не уехал.

— Еще бы он уехал, — сказал Саид. — Тут такие приключения.

— Не очень-то веселые у нас с вами приключения, — буркнул Абдулла и принялся искать неизвестно куда запропастившиеся варезки.

ВИЗИТ К ПОЛКОВНИКУ

По свидетельству Анаса бен Малика (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): «Старайтесь облегчать, а не усугублять положение людей, сообщайте людям только добрые вести и не заставляйте (их) избегать вас».

Приведено у аль-Бухари и Муслима

Второпях освободившись в прихожей от пальто, Абдулла первым делом засел за компьютер. По дороге он успел прослушать по мобильному телефону анонсы городских новостей, в числе которых упоминалось об убийстве на Московском вокзале. На одном из своих любимых новостных сайтов www.jihad.spb.ru Абдулла сразу нашел сообщение об убийстве египтян:

«Сегодня около трех часов дня на Московском вокзале было совершено жестокое и циничное убийство двух граждан Египта Абдул Хасана ибн Зулайха и Абу Йусуфа аль-Мысри. Убийцы — двое мужчин лет двадцати, скрывшиеся на автомобиле «Волга» номер «ОО 786 АК». Рядом с текстом пугающе красовались очень похожие на парней в кожаных куртках два фоторобота. Далее сообщалось: «По подозрению в причастности к преступлению задержан председатель Н-ского шариатского суда Абдулла Мухин».

— Аллаху 'азым! — то, с какой скоростью сообщение о нем успело просочиться в средства массовой информации, ужаснуло Абдуллу. Под заметкой стояло время: 15:45, то есть буквально спустя каких-то де-

сять-пятнадцать минут после его задержания журналисты узнают, кто он, хотя он не предъявлял никаких документов и не называл никому своего имени. Неужели Саид проболтался? Поборов дрожь в руках, Абдулла набрал номер Саида.

— Ас-салям 'алейкум, уважаемый Абдулла Петрович! — из трубки прозвучал радостный голос Саида.

— Ва 'алейкум ас-салям, Саид! — скороговоркой ответил Абдулла и сразу же набросился на Саида. — Саид, кто вас просил распространяться перед журналистами о моей должности?!

— Абдулла Петрович! — умоляюще простонал Саид. — Клянусь, я никому ничего не говорил! Никаким журналистам. Я-я... только лейтенанту сказал, что вы — судья, и здесь какое-то недоразумение. Я думал, что...

— Судья! Аллах вам судья! Почитайте лучше на досуге новости, — Абдулла отключил телефон.

Пока Абдулла разговаривал с Саидом, в списке новостей произошло обновление. Ну-ка, ну-ка!

«Как стало известно нашему корреспонденту, сотрудникам милиции удалось обнаружить "Волгу", на которой, по словам очевидцев, уехали преступники, совершившие сегодня днем убийство двух граждан Египта на Московском вокзале. Несмотря на сигналы остановиться, «Волга» продолжала движение. После почти часового преследования сотрудникам милиции удалось заблокировать автомобиль в районе поселка Юнки под Петербургом.

Визит к полковнику

Отказавшись сдаться, находившиеся в автомобиле трое неизвестных открыли по преследовавшим их милиционерам огонь. Ответным огнем сотрудников милиции были уничтожены двое нападавших. Оставшийся в живых бандит бросил оружие и упал на землю с криком: "Не стреляй!" Когда милиционеры приблизились к машине, оттуда раздался мощный взрыв.

По словам капитана Бананова, руководившего захватом, преступниками было произведено два взрыва: одна бомба находилась в автомобиле, а другая — на теле одного из злоумышленников.

В результате схватки с бандитами погибли два сотрудника милиции, трое получили ранения различной степени тяжести. Следственные органы выясняют обстоятельства случившегося. Прокуратурой Санкт-Петербурга возбуждено уголовное дело по статьям "Терроризм" и "Умышленное убийство"».

Прочитав еще раз сообщение, Абдулла отодвинул в сторону клавиатуру и устал, как Ленин в поэме Вознесенского, упал лицом на кулаки. Несмотря на шок от прочитанного, он не мог не заметить, что ни в первом, ни во втором сообщении не было ни слова о похищенном дипломате.

Изучив еще несколько подборок новостей, связанных с взрывом «Волги», Абдулла нигде не обнаружил упоминания о коричневом дипломате. Каким-то непонятным образом эта деталь (вернее, причина) преступления оказалась незамеченной дотошными журналистами. Аьхамду лиЛля*!

* Слава Аллаху! (араб.).

Правда, теперь это уже не имеет никакого значения.

Медленно пережевывая курицу, Абдулла устало разглядывал содержимое собственной тарелки. Зайнаб, приготовившая обед, хотела напомнить Абдулле его обещание показаться ей и другим женам в подаренной на Новый год рубашке, но, поняв, что это в данный момент неактуально, ретировалась в гостиную смотреть телевизор.

Сегодня был ее день, но по негласной традиции, установленной и единогласно одобренной всеми женами, если Абдулла был занят и не уделял внимания той жене, чей день был «по плану», ее день автоматически переносился на следующий. По всем признакам сегодняшний день предвещал быть именно таким. Прошлявшись Аллах знает где, Абдулла вернулся домой около шести вечера таким измученным и угрюмым, что не оставалось никаких сомнений: через полчаса он помолится и ляжет спать. Вернее, ляжет, но спать не будет: проворочается всю ночь, а если и заснет, станет бормотать что-то невнятное, пугающее. Зайнаб оказалась права: неловко извинившись, Абдулла вскоре задумчиво поковылял в спальню.

Улегшись на спину, Абдулла закрыл глаза и слегка запрокинул назад голову. В таком положении можно легко уснуть через несколько минут. Но вместо немой тишины черно-белых снов Абдулла услышал отчетливые звуки мелодии «И туган тел»*. Абдулла недовольно открыл глаза.

* «И туган тел» («Родной язык») — песня на стихи татарского поэта Габдуллы Тукая.

Звонил Козлов — заместитель начальника Управления юстиции по Санкт-Петербургу, курировавший деятельность шариатских судов в городе. Абдулле приходилось неоднократно общаться с Козловым, и всякий раз после беседы с этим любопытным человеком в душе Абдуллы пели райские птицы. Поэтому Абдулла даже заулыбался, услышав спросонья голос Козлова. Но вместо райских трелей он услышал разгневанный вопль полковника:

— Ты что, с ума сошел?! — У Козлова была странная привычка обращаться ко всем на «ты». При этом сам он более чем снисходительно относился к тем, кто говорил ему «вы».

— Простите, не понял, — с удивлением спросил Абдулла.

— Да, нечего сказать, — продолжал, словно не слыша слов Абдуллы, Козлов. — Я, признаюсь, думал о тебе лучше. Рассказывай, что ты там учудил?

Абдулла машинально взглянул на красивые настенные часы в виде полумесяца, висевшие над кроватью: 18:25. Аллаху 'азым! Да кончится, наконец, этот дурацкий день?!

— Владимир Алексеевич! Я не понимаю, о чем вы говорите, — ворочая непослушным языком, пробубнил Абдулла. — Вы происшествие на Московском имеете в виду?

— При чем тут Московский? — разозлился Козлов. — О нем мы с тобой еще отдельно поговорим. Я имею в виду обыск у профессора Кузина.

Абдулла молчал. Ему показалось, что он ослышался, но переспрашивать не хотелось.

— Алло! — надрывался голос в трубке. — Ты меня слышишь? Почему молчишь? Мухин!

— Извините, Владимир Алексеевич, я вам позже перезвоню, — Абдулла швырнул телефон в дальний угол кровати и поспешил, в чем был, в соседнюю комнату к компьютеру.

Мадина, игравшая в последнюю, так называемую исламскую версию «Тетриса», испуганно вскочила с места.

— Абдулла, дорогой, что случилось? — спросила она, взяв Абдуллу за руку.

— Ничего страшного, солнышко, — для достоверности Абдулла даже улыбнулся, — просто вспомнил, что нужно кое-что сделать по работе.

Мадина понимающе закивала головой и удалилась в гостиную. Поиск статьи, посвященный обыску у Кузина, занял полминуты. Статья называлась: «Позор шариатского судьи, или оборотни от ислама»:

«Как стало известно нашему корреспонденту, сегодня около одиннадцати утра известный в нашем городе профессор-востоковед Кузин подвергся нападению. К несчастью для профессора, нападавшие не были рядовыми бандитами. На профессора напали сотрудники Н-ского шариатского суда. Их было двое. Первый — исполнитель наказаний в соответствии с шариатом Саид Касумов, отправленный около двух месяцев назад в бессрочный отпуск за надругательства над осужденными. Вторым нападавшим оказался не кто иной, как председатель того самого Н-ского шариатского суда — Абдулла Мухин.

По словам профессора, около одиннадцати утра в его квартире раздался зво-

нок. Открыв дверь, он обнаружил на пороге двух недружелюбно настроенных мужчин, которых он поначалу принял за подгулявших в новогоднюю ночь хулиганов. Профессор был занят и не хотел впускать непрошенных гостей. Тогда один из них, предъявив удостоверение шариатского судьи, больно ударил Кузина по лицу.

Ворвавшись в квартиру, Мухин заставил профессора провести его в кабинет, где, обильно осыпая ученого оскорблениями, потребовал вернуть какую-то старинную рукопись, которую Кузин якобы украл из Публичной библиотеки. Когда профессор попытался вежливо объяснить уважаемому Мухину, что он, мягко говоря, ошибается, шариатский судья приставил к его виску пистолет и закричал, что если ему сейчас же не дадут рукопись, то он всех тут "на фиг перестреляет".

Профессору кое-как удалось успокоить Мухина, но ненадолго. Вскоре тот заявил, что раз профессор не хочет добровольно выдать рукопись, у него будет произведен обыск. Предъявив не имевшее в данном случае законной силы постановление об обыске, Мухин со своим приспешником разгромили всю квартиру, но, разумеется, ничего не нашли.

Самое любопытное, что, собираясь на дело, товарищи не успели договориться между собой о поводе для вторжения. Поэтому в самом начале обыска у одного из гангстеров возник вопрос: "А что ищем-то?" Как ни выкручивался Мухин, ему не удалось объяснить своему недалекому сообщнику Касумову цель их визита к профессору.

Разъяренные своей неудачей, хулиганы попытались изнасиловать жену ученого — Ольгу Сергеевну. Только вмешательство вернувшегося домой сына Кузиных спасло семью от позора. Искатели древних рукописей вынуждены были обратиться подобиру-поздорову.

Для многих знающих Абдулла Мухина подобное известие может показаться неправдоподобным: долгое время Абдулла Петрович был известен в городе как талантливый и справедливый судья, олицетворявший гуманизм шариатского судопроизводства. Что же заставило его столь низко пасть? Неужели уважаемый Мухин не понимает, что своими действиями он не только позорит почетное звание шариатского судьи, но и священное имя мусульманина? Или, может, уважаемому Мухину и в самом деле плевать на авторитет ислама и шариата в стране? Может быть, у него просто иные цели? С кем вы, Абдулла Петрович?..»

Пылая гневом, с обезумевшими глазами, Абдулла бросился в спальню. Козлов уже успел оставить гневное сообщение на автоответчике: «Мухин, ты что себе позволяешь? Сейчас же ко мне!»

Абдулла вновь взглянул на часы: 18:40. Когда же кончится этот ужасный день? Быстро одевшись, он поймал машину, чтобы по дороге к Козлову, по возможности, спокойно обдумать очередную неприятную новость.

Неужели, это работа Кузина? Несмотря на то, что половина статьи — вранье, никто, кроме супругов Кузиных и их с Саидом не знал подробностей обыска. Саид клялся и божился, что никому ничего не говорил. Вряд ли он обманывает. Остают-

ся Кузины. Другого варианта просто не может быть.

С другой стороны, после убийства на Московском Кузин меньше всего заинтересован в ажиотаже вокруг обыска. Лучшее, что он может сделать в такой ситуации, — это куда-нибудь исчезнуть, пока все не утрясется. Кузин много знает и представляет опасность для заказчиков убийства на Московском... Но почему они тогда не убили его сразу?.. Что же делать?.. Надо попросить Козлова установить дежурство возле дома Кузина.

Перед входом в здание Управления юстиции у Абдуллы зазвонил телефон.

— Ас-салям 'алейкум ва рахмат Аллахи ва баракатух, уважаемый Саид! — на этот раз Абдулле удалось опередить Саида, всегда успевавшего первым произнести заветное приветствие. — Что у вас опять стряслось?

— Ва 'алейкум ас-салям, уважаемый Абдулла Петрович! Вы читали, что про нас с вами написали? — затараторил Саид.

— Читал...

— Но это же неправда!

— Сам знаю. Меня сегодня к начальнику вызывают по этому поводу, — сообщил Абдулла.

— Да будет милосерден к вам Аллах! — прокричал Саид.

— И к вам тоже! Извините Саид, я опаздываю. Я вам перезвоню, — меланхолично оборвал разговор Абдулла.

Полковник Козлов, назначенный год назад на должность заместителя начальника Управления юстиции по Санкт-Петербургу и отвечавший за деятельность

шариатских судов в городе, не был ни мусульманином, ни тем более специалистом в области шариата. Но эти недостатки он компенсировал справедливым характером и цепким умом. Полагаясь на добросовестность шариатских судей, Козлов вмешивался лишь тогда, когда в деятельности шариатских судов прослеживалось нарушение российского законодательства. Во всех остальных случаях он снисходительно взирал на работу своих подопечных, время от времени почитывая перед сном какие-нибудь занимательные дела из их практики.

Ознакомившись с первым делом Абдуллы и узнав, что потом произошло с его участниками, Козлов был восхищен.

«Какой молодой и умный», — подумал он и в тот же вечер вызвал Абдуллу для ознакомительной беседы за чашечкой йеменского кофе. Встреча удалась: и Козлов, и Абдулла были в восторге друг от друга. Во время их почти трехчасовой беседы то и дело слышалось: «Уважаемый Абдулла Петрович!», «Уважаемый Владимир Алексеевич!»...

На этот раз Абдулла не ожидал от Козлова такой же обходительности. В его просторном кабинете, обитом зеленого цвета бархатом, Абдулла увидел какого-то мужчину в милицейской форме, что-то докладывавшего Козлову.

— Подожди, Михаил Аркадьевич! — по-приятельски сказал он сидевшему рядом с ним капитану. — Тут у нас разговор с уважаемым будет. Ты где-то через часик зайди.

«Через часик? — подумал Абдулла. — Что он собирается со мной делать целый час?»

— Садись, Абдулла Петрович, — вполне приветливо произнес Козлов, вставая навстречу Абдулле, — докладывай, как ты дошел до жизни такой. На профессоров нападаешь среди бела дня. Хотя нет, от-веть сначала: все, что о тебе в газетах пи-шут, — правда? — Козлов потряс перед Абдуллой утренним номером «Невского джихада».

— И да, и нет, — смутился Абдулла.

— Отлично, — почему-то обрадовался Козлов, — тогда с сегодняшнего дня ты от-страняешься от работы — вплоть до окон-чания расследования по твоему делу и вы-несения судебного решения. Кроме того, тебе предстоит пройти Комиссию Минис-терства по распространению благодати и предотвращению порока.

Комиссия эта, состоявшая из мусуль-манских духовных лиц и правоведов, была своего рода высшей судебной инстанцией по религиозным вопросам для всех му-сульман. В ее компетенцию также входило расследование преступлений, совершен-ных служителями культа или факихами*. Решения Комиссии были обязательными для исполнения всеми государственными органами и учреждениями на территории России. Абдулла знал, насколько серьезно Комиссия подходит к своей работе. Для того чтобы доказать искренность сво-их намерений, необходимо было пройти многоуровневое испытание. Легче было судиться в нескольких судебных инстан-циях, чем в течение нескольких часов оп-равдываться перед членами Комиссии.

* Факих — мусульманский правовед.

Значит, и в самом деле плохи его дела, если его вызывают уважаемые улемы*.

Абдулла посмотрел на Козлова. С виду тот казался спокойным и совсем не злым, только слегка теребил мочку правого уха.

— Я хотел бы услышать от тебя, что же все-таки произошло, — скорее, попросил, чем приказал Козлов.

— Какая разница, уважаемый полковник, вы же мне все равно не поверите, — ответил Абдулла.

— Мухин! Не ломайся и отвечай, когда тебя спрашивают! — отрезал Козлов. — Я тебя не для светской беседы вызвал.

Абдулла уставился в пол. Что ему рассказывать? Про Баума, Кузина и рукопись? Нет, ни в коем случае! Рукописи больше нет, но есть Баум, у которого могут быть проблемы. Содержание рукописи — едва ли подходящая тема для разговора с Козловым. Но ведь будет еще Комиссия, и если Абдулла не скажет им всю правду, у него не будет шанса оправдаться и работать в дальнейшем шариатским судьей. Впрочем, Комиссия — это одно, а Козлов — совсем другое. Там мусульмане, они могут понять...

— Ну, что задумался? — торопил Козлов. — Какого рожна ты ворвался к Кузину? Где, кстати, твой напарник? Как его?..

— Касумов, — угрюмо ответил Абдулла. — Только он здесь ни при чем. Когда я вызвал его, я даже не объяснил, зачем мы едем к Кузину. Он лишь выполнял мои приказания... вернее, просьбы, и потому прошу снять с него все обвинения.

— Хорошо, а мне ты тоже не хочешь объяснить, что ты забыл у этого несчаст-

* Улем — мусульманский богослов.

ного Кузина? — Козлов, не моргая, смотрел в глаза Абдулле.

«Аллаху 'азым! — подумал Абдулла. — Этот пока всего не узнает — не успокоится. Ладно, скажу ему, что приходил за рукописью. И все. Тем более что про рукопись писали в газетах».

— Я действительно пришел к нему за рукописью, — лаконично сообщил Абдулла.

— Что за рукопись? — хищно спросил Козлов.

— Список Корана, — не вдаваясь в подробности, произнес Абдулла. — Очень ценный. По имеющимся у меня данным, эту рукопись похитил Кузин.

— По имеющимся данным, — перердразнил Абдуллу Козлов. — У тебя что, агентурная сеть в Институте востоковедения?

— Я узнал об этом от одного человека, — робко сказал Абдулла.

— Какого человека? Не ломайся, — наступал Козлов.

— Владимир Алексеевич! — Абдулла вопросительно посмотрел на Козлова. — Я, конечно же, вам всецело доверяю и рассчитываю на вашу честность и благородство... Но я не могу сообщить вам имя этого человека, так как опасаясь за его жизнь.

— Да ты спятил, братец! — громко засмеялся Козлов. — Сейчас я побегу убивать твоего агента. По-моему, это после твоих прогулок на Московском произошло убийство. Ты теперь у нас личность популярная. Почти как Джек-Потрошитель. Про тебя все газеты пишут. Так что давай без фокусов, выкладывай все, как было.

Абдулла молчал.

— Да что ты молчишь, дурья твоя голова? — Козлов подошел к насупившемуся Абдулле. — Ты пока еще не в суде и не перед Комиссией. Я тебе помочь хочу, а ты в молчанку играешь. Неужели ты не можешь понять, что своим походом к Кузину ты дискредитировал шариатское правосудие? На тебя многие как на надежду ислама и шариата смотрят, а ты себе такие выходы позволяешь. Ты если не о себе, то о других мусульманах подумай: каково им будет после того, что они о тебе узнают?

— Вы прямо как в той статье говорите, — с грустной иронией заметил Абдулла. — «Позор шариатского судьи».

— А что, я не прав, что ли? — то ли обиделся, то ли сделал вид, что обиделся, Козлов. — Ну, давай, рассказывай!

Абдулла пристально поглядел на Козлова, сделал обычный для подобных ситуаций глубокий вдох и начал рассказывать о своих вчерашних приключениях, опуская некоторые подробности, касавшиеся, в основном, содержания рукописи. Полковник с интересом слушал рассказ Абдуллы. Когда тот закончил, Козлов некоторое время молчал, потом вдруг хлопнул ладонью по столу, заставив подпрыгнуть стоявший на нем графин со стаканами:

— Ну, ты даешь! Одного не могу понять: почему ты сразу не обратился в следственные органы? Нервишки захотелось пощекотать?

— Владимир Алексеевич! — Абдулла исподлобья посмотрел на Козлова.

— Ладно, ладно! Не смотри на меня так! — засмеялся полковник. — Ну, и как звали твоего профессора?

— Владимир Алексеевич! Профессор обратился ко мне лично и просил меня никому не говорить о случившемся, — продолжал отбиваться Абдулла.

— Профессор просил, — опять передразнил Абдуллу Козлов. — А если бы тебя этот профессор грохнуть кого-нибудь попросил, ты бы тоже с радостью побежал выполнять его просьбу?

— Владимир Алексеевич! — Абдуллу стали раздражать шутки Козлова. — Я не понимаю, что вы имеете в виду, но я вам говорю все, как было. Мне бы не хотелось, чтобы с профессором что-нибудь случилось. Да, кстати, я считаю, что необходимо срочно установить у дома Кузина охрану. Ему, возможно, угрожает опасность со стороны тех, кто заказал убийство на Московском. Ведь он наверняка их знает или, по крайней мере, догадывается, кто это может быть.

— Ладно, сейчас устроим, — Козлов взял трубку и распорядился насчет охраны.

— Слушай, Абдулла Петрович! — продолжал Козлов. — И все-таки объясни мне, тупому, неужели ты не мог людски организовать свой липовый обыск? — Козлов взял лежавшую перед ним газету. — Ты даже не удосужился объяснить своему сообщнику... пардон, напарнику, зачем вы пришли к Кузину.

— Я боялся, что Кузин куда-нибудь спрячет рукопись, — попытался оправдаться Абдулла.

— Ну и что в результате? Рукопись-то все равно не нашли! — Абдулла уловил в тоне неадекватного Козлова какую-то неуместную радость.

— Не нашли, — печально подтвердил Абдулла.

— Ладно, Аллах с тобой, ступай домой, — сказал Козлов, вставая и протягивая Абдулле свою крепкую мохнатую руку. — Все с тобой ясно.

— Владимир Алексеевич!

— Иди, иди, я все понял, — Козлов хлопнул Абдулла по плечу. — Насчет суда шибко не беспокойся. До этого дело, думаю, не дойдет. А если этот сукин сын Кузин суетиться начнет, так я его так прижму, гада, что у него всякая охота писать в газеты пропадет. Но и ты будь добр: сиди тихо дома и не суйся в очередные авантюры. Я тебя прошу, — совсем уже по-дружески добавил Козлов.

— Вы думаете, это Кузин в газеты написал? — усомнился Абдулла. — Вряд ли бы он успел за такое короткое время. Да и ни к чему это ему, особенно сейчас.

— Ну, не он, так его родственники, которых вы с Касумовым хотели изнасиловать, — Козлов засмеялся, в очередной раз показав свои роскошные белые зубы. — А вот с Комиссией уже никуда не денешься. Готовься, пиши оправдательную речь. Кузин твой тоже придет. В общем, держись. Думаю, Комиссия будет где-нибудь через недельку. Что касается убийства на вокзале, тебе все равно придется выступать в качестве свидетеля. Заказчиков преступления, скорее всего, не найдут, но нервы тебе попортят основательно. В любом случае, у тебя судейский иммунитет. Никто не видел, как ты убивал этих несчастных. Я надеюсь, что не убивал, — Козлов с хитринкой взглянул на Абдулла.

— Владимир Алексеевич! — не выдержал Абдулла. — Неужели вы...

— Ладно, ладно, — раскатисто загоготал полковник. — Пошутить уже нельзя. В общем, никто тебя в момент убийства не видел, а потому гуляй, пока не позовут. Нет у них на тебя улики, а если бы ты им или, лучше, мне сразу все, как было, рассказал, то вообще не было бы проблем.

— Да поймите же! — закричал Абдулла. — Не мог я каждому встречному и поперечному говорить об этом, Владимир Алексеевич!

— Ты на меня не рычи! — огрызнулся Козлов. — Вот посадят тебя, тогда будет тебе и встречный, и поперечный. И нигилизмом правовым не занимайся! Я, конечно, со своей стороны, попытаюсь объяснить милиции, кто ты и откуда у тебя ноги растут... Тем более что рукописи этой больше не существует. Про профессора твоего я пока тоже никому не скажу, но ведь ты сам понимаешь: когда Кузина за жабры возьмут, он молчать не будет. Но мы еще с тобой об этом поговорим. А ты теперь давай — ноги в руки и беги писать бумажонки для своей Комиссии. Еще не хватало, чтобы из-за каких-то профессоров мы такого судьи лишились!

— Спасибо, Владимир Алексеевич! — последняя фраза Козлова заставила Абдулла забыть обо всех недоразумениях, возникших во время эмоциональной встречи с полковником.

Дома Абдулла застал Мадину, смотревшую телевизор. Аня с Зайнаб, успевшие возвратиться с работы, уже спали. Желание работать у двух старших жен не

было вызвано материальными трудностями, Абдулла полностью обеспечивал основные потребности семьи за счет своей судейской зарплаты, многочисленных публикаций по шариату и дотаций, предоставляемых государством всем, у кого было больше одной жены. Однако Аня и Зайнаб блестяще справлялись со всеми домашними делами, и потому держать их взаперти в праздном ничегонеделании было бы несправедливо.

Аня окончила Первый медицинский и работала в одной из городских больниц. Зайнаб по диплому была инженер-теплофизик, но трудилась бухгалтером в одной фирме, продававшей халяльную* пищу для мусульман. Не работала только Мадина, учившаяся в университете на заочном.

«В ближайшие четыре дня ее одиночество будет прервано. Вот радость будет девочке, — подумал Абдулла, — а то видит мужа только утром и вечером, словом не всегда успевают перемолвиться». А еще через неделю компанию Мадине составит Аня. Сейчас у нее пошел седьмой месяц беременности, и она дорабатывает последние деньки перед декретным отпуском. Абдулла давно хотел иметь ребенка, но все как-то не было возможности: то командировки, то временные финансовые трудности, то еще что-то. Но теперь, спустя семь лет после женитьбы на Ане, Абдулла решил: или сейчас или никогда. Ане уже двадцать семь и ей самое время рожать здорового и умного ребенка.

* Разговорное слово, образованное от араб. «хальяль» — дозволенный (с точки зрения шариата).

Абдулла познакомился с ней на дне рождения у одного приятеля. Аня сразу понравилась ему, и через два месяца он сделал ей предложение.

Среднюю жену, Зайнаб, Абдулла встретил в поезде. Увидев, что молодая симпатичная мусульманская женщина путешествует одна, Абдулла сделал ей замечание и услышал в ответ, что ей не с кем ездить, поскольку она сирота и у нее нет братьев. Слово за слово, они разговорились, и через два месяца Абдулла сделал ей предложение.

И вот совсем недавно, менее полугода назад, на пороге квартиры Абдуллы появилась невысокая стройная девушка с большими добрыми глазами. Девушка назвалась Мадиной и сказала, что она — дочь троюродного дяди Абдуллы Гасана Иосифовича из Магадана. Абдулла слышал от родителей, что у него в Магадане есть замечательный дядя, который каждое лето настойчиво зовет их в гости. Но они так и не собрались, и знакомство Абдуллы с дядей и его, как выяснилось, очаровательной дочкой не состоялось.

Мадина держала в руках небольшой чемоданчик и узелок. Когда они с Абдуллой вошли в квартиру, она опустила вещи на пол и, засунув руку во внутренний карман пальто, извлекла длинный конверт.

— Вот это вам, Абдулла Петрович, от отца, — сказала Мадина и заплакала.

— Что случилось, уважаемая? — не зная, что в таких случаях следует делать, Абдулла растерянно смотрел на прекрасную гостью.

— Нет, ничего, простите, вы читайте. Там все сказано, — прошептала Мадина, вытирая слезы.

Начиналось письмо от Гасана Иосифовича с приветствий и славословий в адрес Абдуллы и его родителей. Далее дядя излагал суть своей просьбы. Мадина — единственная его дочь. После его смерти она останется одна. Ее ближайшим родственником является Абдулла. Гасан Иосифович просил Абдуллу позаботиться о Мадине после его смерти.

Когда Абдулла закончил читать письмо, Мадина протянула ему пластиковую карту.

— Здесь все наши сбережения, — сказала она, глядя себе под ноги.

— Так значит, Гасан Иосифович...

— Да, — с надрывом в голосе произнесла Мадина и снова заплакала.

Абдулла взял Мадину за руку и провел ее в гостиную.

— Не плачь, Мадина, — Абдулла кивнул находившейся на кухне Ане, чтобы та приготовила поесть. — Отныне мой дом — твой дом.

Приютив Мадину, Абдулла поначалу хотел найти для нее приемлемую квартиру, но вскоре так привык к этой очаровательной хозяйственной девушке, что через два месяца предложил ей руку и сердце. Обе его жены были не против. Они полюбили шестнадцатилетнюю Мадину как сестру и соревновались в опеке над ней, стараясь подарить юной красавице как можно больше внимания и доброты.

Три жены Абдуллы не были чем-то необычным и удивительным для России. После бестолковой кровопролитной войны с Китаем, мужское население страны значительно сократилось, и на одного мужчину приходилось в среднем пять женщин.

Во избежание демографической катастрофы, правительство официально разрешило многоженство для всех категорий населения — вне зависимости от религиозной принадлежности. Мужчина, женатый более чем на одной женщине, получал от государства существенные дотации, а если у него еще было свыше пяти детей мужского пола, то такой мужчина мог вообще не работать, отдавая силы и опыт воспитанию будущих победителей демографической проблемы.

Абдулла хорошо помнил последнюю войну с китайцами. Тогда полегло около двадцати миллионов россиян. В одной Москве, где произошло восстание в Чайна-тауне, по разным подсчетам погибло от ста до двухсот тысяч человек. Восстание началось в связи с попыткой властей после начала войны с Китаем выселить почти полутораmillionное население Чайна-тауна в другие регионы. Китайцы отказались уезжать и стали оказывать открытое сопротивление армии и милиции. В городе было страшно выходить из дома. Вооруженные хунвейбины разъезжали по улицам и, смеясь, расстреливали прохожих. Кремль оказался на осадном положении. Правительство срочно эвакуировали в Санкт-Петербург. Если бы не вовремя подоспевший полк латышских «зеленых» стрелков (элитного мусульманского подразделения Рижского гарнизона), вся Москва оказалась бы в руках китайцев.

На этой войне, прозванной историками и журналистами «первой евразийской», Абдулла потерял старшего брата Василия. Он был летчиком и погиб при та-

ране китайского вертолета с генералом Ван-Сюэ-Мином на борту.

Война закончилась так же неожиданно, как и началась. Пятисотмиллионная армия маршала Ли Хуй-Сина, собиравшаяся брать Иркутск, была практически полностью уничтожена какой-то неведомой инфекцией, попавшей, как потом выяснилось, в питьевую воду. Китайцы сразу же обвинили Россию в использовании бактериологического оружия и заявили о готовности применить атомную бомбу. В ответ союзник России Индия пригрозила Китаю поголовной эпидемией СПИДа, и благоразумные китайцы ограничились очередным предупреждением.

Назначенная по окончании войны совместная российско-китайская комиссия не обнаружила свидетельств применения россиянами бактериологического оружия. Оказалось, что китайская армия пользовалась водой из озера Байкал. Тогда китайцы объявили, что вода в озере была умышленно отравлена. Решили провести эксперимент.

С российской стороны в дегустации участвовал прапорщик Подопригора. С китайской — лейтенант Ли-Сун-Вэй. Первым дегустировал прапорщик. Он с наслаждением и причмокиванием осушил кружку с «пробной водой», облив при этом всю гимнастерку. Вслед за ним пил товарищ Ли. На следующий день он умер в нечеловеческих муках по дороге в госпиталь. Прапорщик Подопригора отделался легкой изжогой.

Абдулла тоже был мобилизован в армию, но пока их довели до театра боевых действий, война закончилась. По дороге,

где-то в районе Екатеринбурга, их поезд пустили под откос китайские диверсанты. И пока формировался новый состав, прилетела радостная весть: «Войне — конец!», и вчерашний студент Абдулла вернулся домой с поврежденной ключицей, так и не произведя ни одного выстрела из своего новенького автомата «Колугбеков»...

Вдоволь наговорившись с Мадиной, Абдулла направился в кабинет. Усталость, оставшаяся еще со вчерашнего дня, никак не хотела проходить. Приняв душ и помолвившись, Абдулла блаженно растянулся на кровати в ожидании долгожданного сна.

Завизжавший над ухом телефон немилосердно разорвал блаженное предчувствие наступавшей гармонии.

— Слушай, это опять я, — недовольно прорычал из трубки голос Козлова. — Ты не знаешь, где твой Кузин?

— Что-что? — переспросил спросонья Абдулла.

— Кузин твой, говорю, где? — раздраженно повторил Козлов.

В следующее мгновение Абдулла уже был на ногах.

— Что с ним случилось? — голос Абдуллы дал «петуха».

— Пропал твой Кузин вместе со своим семейством, — сквозь зубы произнес Козлов. — Соседи говорят, уехал поздно ночью на машине. Пытались достать его по мобильнику, так он его отключил. Мы установили регулярную прослушку, но вряд ли он включит телефон. Ты не знаешь, куда он мог деться?

— Не знаю...

— Ну, тогда пока.

— До свидания, Владимир Алексеевич! — запоздало попрощался Абдулла сквозь прерывистые телефонные гудки.

Доигрались! Исчез Кузин! Недолго думая, Абдулла набрал номер Баума.

ЭКЗАМЕН ДЛЯ САИДА

По свидетельству ибн 'Умара (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): «Живи в этом мире как чужестранец или путник. Если вы доживете до вечера, не тешьте себя иллюзиями, что будете живы утром, а если доживете до утра, не будьте уверены, что останетесь живы до вечера, и берите из вашего здоровья — в счет болезни, а из вашей жизни — в счет смерти».

Приведено у аль-Бухари

Баум уже успел узнать из газет об обыске у Кузина.

— Господи! Зачем вы это сделали? — закричал профессор, не ответив на приветствие Абдуллы.

— А как, по-вашему, я мог вернуть рукопись, если бы не пошел к Кузину?! — не менее эмоционально отвечал Абдулла. — Увы, мне не удалось ее найти, и вы, Илья Александрович, по-видимому, совершили огромную ошибку, что обратились ко мне. Извините, что не оправдал ваших ожиданий.

— Да что там, — Абдулла услышал взволнованное сипение профессора. — Это вы меня простите. Вам, наверное, здорово попало?

— Может быть, не так здорово, но попало. Но речь не об этом. Хотим мы того или не хотим, — Абдулла вдруг замолчал, невольно прислушиваясь к биению своего сердца, — но рукописи больше нет. Вопрос в другом. Сейчас мне позвонили и сказали, что Кузин куда-то уехал вместе с

семьей. Какое-то внутреннее чувство подсказывает мне, что ему угрожает опасность. Поэтому, Илья Александрович, прошу вас, подскажите мне: куда мог деться ваш коллега?

Баум задумался.

— Вы же его друг, — продолжал Абдулла, — и наверняка знаете, где живут его родственники, друзья, к которым он мог обратиться за помощью.

— Родственники? — рассеянно повторил Баум. — Да, были у него родственники в Москве. Но он к ним не часто ездил. Еще у него тетя под Владимиром жила. Но она, кажется, умерла недавно... Точно, умерла! Там у Андрея еще спор с ее приемным сыном из-за дома вышел.

— И кому, в результате, этот дом достался? — в Абдулле ни на минуту не засыпал юрист, а потому он не мог не задать этого вопроса.

— Кажется, сыну, — немного подумав, ответил Баум. — Точно! Сыну.

— Значит, он вряд ли бы туда поехал, — решил вслух Абдулла. — У вас есть еще какие-нибудь предположения?

Профессор долго думал, но ничего другого так и не вспомнил.

— Ну что же, — вздохнул Абдулла, — тогда у нас остается единственный вариант — Москва. Илья Александрович, вы, случаем, не помните, где живут родственники Кузина в Москве?

— Точно не знаю... Где-то в районе Октябрьского поля.

— А фамилии их не подскажете?

— Кажется, они тоже Кузины... Да, совершенно верно, они тоже Кузины!

— Спасибо, Илья Александрович, — Абдулла с грустью подумал о своей ско-

рой поездке в столицу. — Вы мне сильно помогли. Надеюсь, что с вашим другом, иншаалла, все будет в порядке.

— Пойдите, — вдруг спохватился Баум. — Я вспомнил. У Андрея была дача. Где-то под Приозерском. Я там был всего пару раз. Как же это место называется? Дай Бог памяти... Финское слово какое-то. То ли Миллипельто, то ли Миссипельто.

— Может, Мюлльпельто? — предположил Абдулла, в прошлом — заядлый путешественник и любитель географии.

— Точно! — радостно подхватил Баум.

— И как часто Кузин там бывал? — спросил Абдулла, в душе благодаря Аллаха за то, что у него возник повод отменить или хотя бы отложить поездку в нелюбимую им Москву.

— Во всяком случае, чаще, чем в Москве, — заверил Абдулла Баум. — Вот только адреса я не знаю. Андрей меня туда на машине возил. Но если оказаться на месте, я, пожалуй, вспомню.

— Илья Александрович, какие у вас планы на сегодняшний вечер? — неожиданно заинтересовался Абдулла.

— Собирался дома посидеть, почитать, — пока ни о чем не догадываясь, ответил Баум.

— А как вы отнесетесь к моему предложению съездить прогуляться за город? — сказав это, Абдулла затаился в ожидании ответа.

Некоторое время в трубке было слышно лишь тяжелое дыхание профессора.

— Можно, конечно, — осторожно согласился Баум. — Только, надеюсь, не на дачу к Кузину?

— Вы необычайно проникательны, Илья Александрович, — засмеялся Абдулла, — именно к Кузину.

— Нет уж, спасибо, Абдулла Петрович, — возразил Баум, — я, пожалуй, дома посижу. Боюсь, что встреча с Андреем не доставит мне большого удовольствия.

— Илья Александрович! — живо среагировал Абдулла. — Вам-то он чем не угодил?

— Просто я тут кое о чем подумал, — уклончиво промычал Баум. — Мне кажется... Вы правы... Насчет Андрея.

— Отлично. Тогда нам с вами тем более надо встретиться, — воскликнул Абдулла. — Илья Александрович, вы думаете, мне доставляет удовольствие охотиться за вашим, мягко сказать, не очень культурным другом? Я же не для массовки вас беру — мне важно ваше присутствие. Поверьте, несмотря на то, что рукопись погибла, мне очень важно узнать про нее как можно больше.

— Хорошо, но я-то вам зачем? — профессор, скорее, не хотел понимать, чем не понимал Абдулла.

— Я уверен, Илья Александрович, что ваше присутствие сделает мой разговор с Кузиным более откровенным, — не теряя надежды и проявляя чудеса терпения, произнес Абдулла. — Если я появлюсь у Кузина один, он вообще не захочет со мной разговаривать.

— А вы не боитесь, что еще один визит к Кузину может окончательно подпортить вашу и без того подмоченную репутацию? — нашелся профессор.

— Это еще один довод в пользу того, что вам лучше поехать со мной, — ловко парировал Абдулла. — На вас-то он руку не поднимет.

— Послушайте, Абдулла Петрович, — вздохнул Баум, — а почему бы нам не дожидаться, пока Андрей сам не вернется в город? Тогда и сходим к нему... вместе.

— Илья Александрович! — взмолился Абдулла. — Кузин, может быть, больше никогда не вернется в город!

— Господи! Что вы такое говорите, Абдулла Петрович! — переполошился профессор.

— Возможно, ему что-то угрожает, и он не вернется до тех пор, пока не будет уверен в собственной безопасности, — понимая, что сказал лишнее, Абдулла попытался успокоить профессора.

— И теперь вы предлагаете ехать мне, чтобы я рисковал своей жизнью неизвестно ради чего?! — не скрывая своего возмущения, спросил Баум.

— Илья Александрович! — теряя самообладание, пробасил Абдулла. — Ни мне, ни вам ничего не угрожает. Возможно, ничего не угрожает и Кузину. Это только мое предположение. Однако я считаю, что медлить в такой ситуации нельзя. Нужно действовать решительно и быстро.

Но профессор оказался не менее упрямым, чем его коллега Кузин, и не собирался просто так сдаваться.

— Но ведь ни вы, ни я не уверены, что Андрей находится именно в этом... как его?

— Мюллюпельто.

— Да, Мюллюпельто. Он может быть в Москве, еще где-нибудь, — Абдулла сердцем почувствовал, что это был последний или предпоследний контраргумент профессора.

— В таком случае, мы с вами всего лишь совершим небольшую прогулку за город. Надеюсь, Илья Александрович, вы ничего не имеете против моего общества?

— Ничего себе: небольшую! — в очередной раз возмутился профессор. — Да до этого... Миссипельто...

— Мюллюпельто.

— До этого Мюллюпельто часа два добираться!

«Да-а, крепкий орешек этот Баум», — подумал Абдулла, вытирая ладонью взмокший лоб.

— Послушайте, Илья Александрович, — добавил он уже вслух. — Когда вы пришли ко мне с просьбой о помощи, я попытался помочь вам. Пусть мне это и не удалось, но, Аллах свидетель, я делал все, чтобы вернуть рукопись и чтобы при этом на ваше честное имя не упало тени. Теперь я обращаюсь к вам за помощью, за помощью в нашем теперь уже общем деле. У каждого из нас свой интерес: вас мучает совесть за совершенную ошибку. Я же хочу узнать как можно больше про рукопись и про тех, кто стоит за убийством на Московском. Если с Кузиным, не приведи Аллах, что-то случится, следующим, кто привлечет внимание преступников, будете вы, Илья Александрович. Поэтому я считаю, что вы не меньше меня должны быть заинтересованы в выяснении истины. Илья Александрович, прошу вас, помогите мне, — Абдулла ухватился за последнюю возможность убедить профессора.

— Простите, Абдулла Петрович! — сдавленным голосом отвечал Баум. — Вы действительно правы. Я еду с вами.

— Отлично, тогда без пятнадцати одиннадцать на Финляндском, — Абдулла не скрывал своей радости.

Пока Абдулла собирался в дорогу, трубка зазвенела, объявив номер Саида. Абдулла уже успел подумать о том, чтобы разбавить их с Баумом компанию исполнителем наказаний в соответствии с шариатом, но тут же отбросил эту идею: бедняга и так настрадался. Да и при общении с Кузиным, как показал опыт, Саид — не самый лучший помощник.

— Ас-салям 'алейкум ва рахмат Аллахи ва баракатух, уважаемый Абдулла Петрович!

— Ва 'алейкум ас-салям ва рахмат Аллахи ва баракатух, уважаемый Саид!

— Как у вас дела, Абдулла Петрович? — вопрос Саида не был лишь данью вежливости.

В последнее время вопрос: «Как дела?» приобрел для Абдуллы с Саидом вполне конкретное содержание, отражавшее стремительно преобразившийся вокруг них мир.

— Был сегодня у своего начальника, — невесело сообщил Абдулла. — Меня временно отстранили от работы. А у вас что?

— А меня вообще уволили, — Абдулле показалось, что Саид всхлипывает. — Вот только что позвонили и сказали, что я должен на днях зайти за своими документами. Увольняют без права восстановления.

— Не волнуйтесь, Саид, — Абдулла хотел сказать Саиду что-то ободряющее, но никак не находил подходящих слов. Тяжелый разговор с Баумом окончательно выжал из него остатки дневной энергии. — Мы говорили о вас с Владимиром Алексееви-

чем. Я объяснил ему, что вы здесь ни при чем, и он обещал мне похлопотать за вас.

— Спасибо, Абдулла Петрович, — с признательностью произнес Саид, — да хранит вас Аллах!

— И вас тоже, Саид! — благожелательно ответил Абдулла. — У вас все?

— Абдулла Петрович! Я что хочу сказать, — Саид загадочно замолчал и после достойно выдержанной паузы продолжал: — как вы думаете, куда исчез Кузин?

От неожиданности Абдулла подавился слюной.

— Саид! — вскричал он, обеими руками вцепившись в миниатюрную телефонную трубку в форме полумесяца. — Откуда вы об этом знаете?

— Только что прочел в «Ведомостях», — как бы извиняясь за свою осведомленность, ответил Саид.

— Аллаху 'азым! Что же это такое! Подождите, — с трубкой наперевес Абдулла бросился к компьютеру и меньше чем через минуту увидел подробное сообщение о ходе следствия по делу об убийстве на Московском вокзале.

Журналист сообщал, что убийца не найден, но стало известно, что последним, кто встречался с египтянами за несколько минут до их убийства, был профессор Кузин, бесследно исчезнувший со своей семьей сегодня вечером.

Абдулла в негодовании шандарахнул себя рукой по колену и тут же взвыл от нечеловеческой боли. Проклятые журналисты! Теперь все знают, что Кузин исчез. Неудивительно, если через пару часов они сообщат точное местонахождение Кузина до того, как об этом станет известно милиции. Надо срочно ехать!

— Саид, извините, я спешу, — разговаривая с Саидом, Абдулла другой рукой безуспешно пытался застегнуть верхнюю пуговицу рубашки. — Я вам потом перезвоню.

— Абдулла Петрович! — успел прокричать в трубку Саид. — Что-то случилось? Я могу помочь?

Абдулла на мгновение призадумался. Теперь одной беседой с Кузиным дело, может быть, и не обойдется, и помощь Саида может пригодиться кстати. Только Аллаху известно, что ждет их в Мюллюпельто.

— Саид, — все еще продолжая сомневаться, начал Абдулла. — Я прошу вас быть без пятнадцати одиннадцать на Финляндском вокзале у пригородных касс. Оденьтесь потеплее. Подробности при встрече.

— Понял, — отрапортовал Саид.

— До встречи.

Отлично! Теперь их уже будет трое. Если им удастся найти Кузина, они припрут его к стенке, и он уже не отвертится.

Абдулла прошел в спальню и извлек из ящика письменного стола пистолет. Рядом лежала новенькая нетронутая коробка с патронами. Абдулла достал коробку и, зарядив пистолет, бросил остальные патроны в карман пальто, висевшего в прихожей. Так всегда поступал его любимый герой Махмуд из сериала «Не стреляйте в розовых фламинго». Абдулла стрелял ничуть не хуже легендарного Махмуда и на ежегодных стрельбах, проводившихся среди работников судов города, два года подряд занимал первое место.

До Финляндского Абдулла за пятнадцать минут домчал подвыпивший таксист.

На вокзале, несмотря на пятничный вечер и праздники, было мало народу, и Абдулла без труда разглядел ушанку Баума и «петушок» Саида. Представив Саида профессору, Абдулла провел небольшое организационное собрание.

— Сейчас мы едем на дачу к Кузину. Возможно, его там нет, но выбирать не приходится. Нам необходимо как можно скорее добраться до Кузина. По крайней мере, раньше других. Информация о том, что Кузина видели с египтянами на Московском вокзале, появилась в прессе около часа назад. Где он точно находится, пока неизвестно никому. Поэтому, если он на даче, нам может повезти, и мы будем первыми, кто до него доберется.

— А зачем он теперь вам... — сказав это, Саид виновато опустил глаза. — Простите, нам нужен?

— Опять вы в своем репертуаре, — улыбнулся Абдулла. — Во-первых, Кузину угрожает опасность, иначе он не скрылся бы столь поспешно, — Абдулла хотел добавить: «Не исключено, что его могут убить», однако, увидев не по погоде бледное лицо Баума, решил быть осторожнее в выражениях, — но, самое главное, Кузин знает о рукописи больше, чем все остальные. Поэтому пока его не уби... пока его не арестовали, нам нужно поподробнее расспросить его о рукописи. Я собираюсь устроить ему очную ставку с профессором, — Абдулла уже восемьдесят тысяч раз пожалел, что не взял Баума на тот злополучный обыск у Кузина.

Слова Абдуллы оборвал голос из репродуктора, сообщавший, что электричка до Приозерска отменяется по техничес-

ким причинам. Следующую обещали только утром.

Все трое переглянулись.

— Что будем делать? — спросил Саид.

— Поедем на машине, — Абдулла решительно направился к выходу из вокзала.

Профессор с Саидом засеменили за ним.

Устроившись на заднем сиденье «Форда», Баум забился подальше в угол, излучая тревогу и негодование. Абдулла, сидевший рядом с водителем, стал думать, с чего начать разговор с Кузиным, и сам не заметил, как уснул. Вскоре его примеру последовал и Саид. Оба проснулись примерно через полчаса, когда полусонный водитель неаккуратно притормозил на повороте.

— Ну, что грустили? — спросил Абдулла своего напарника. — Вот найдем Кузину, объяснимся с ним, и все будет лучше, чем вы думаете. Вас не только восстановят, но и наградят.

— Хотелось бы, — зевая, протянул Саид. — Я тут пока в отпуске был, не вставая 'укубат учил. Выходит, зря?

— Что, правда, что ли? — воодушевился Абдулла. При упоминании о шариате у него сон как рукой сняло. — Тогда вы — вдвойне молодец. Зря, Саид, ничего не бывает! Ну, и как ваши успехи в изучении мусульманского деликтного права?

— Процентом на восемьдесят я готов, — немного подумав, ответил Саид.

— Восемьдесят процентов — это неплохо! Это очень даже хорошо. Вот мы сейчас с профессором и проверим ваши знания, — Абдулла весело подмигнул Бауму. — Итак, начинаем аттестацию Саида

Касумова по основам 'укубата. Саид, назовите цифру от одного до сорока.

— Семь, — сказал Саид.

— Семь, — повторил за ним Абдулла. — Отлично, у вас будет билет номер семь, в котором, как вы, наверное, уже догадались, два вопроса.

Баум с интересом смотрел на Абдуллу с Саидом.

— Вопрос номер один, — торжественно объявил Абдулла. — Какие преступления относятся к категории хадд*?

— Кража, разбой, зина' (или половая связь между лицами, не состоящими друг с другом в браке), а также ложное обвинение в прелюбодеянии. За эти четыре преступления установлено четкое наказание. Но есть еще ряд преступлений. Это употребление спиртного, вероотступничество и бунт. Мнения правоведов в отношении наказаний за эти преступления разделились. Так, например, наказание за употребление спиртного колеблется от 30 до 80 ударов.

— Чем? — хитро прищурившись, спросил Абдулла.

— Пальмовой ветвью, — засмеялся Саид.

Профессор смотрел то на одного, то на другого шутника, пытаясь понять причину их радости.

— Не обращайтесь внимания, профессор, — подавив смех, сказал Абдулла. — Просто одно приятное воспоминание. Саид потом расскажет вам об этом забавном случае.

* Хадд (араб. — пресечение, удержание) — категория преступлений, направленных против всей мусульманской общины и в отношении которых существует фиксированное наказание в Коране или сунне.

Саид смущенно молчал.

— Замечательно, — похвалил Абдулла. — Поехали дальше, является ли убийство при грабеже отдельным составом преступления или квалифицирующим обстоятельством?

— Квалифицирующим обстоятельством.

— Что это означает?

— Это означает, что если в ходе грабежа было совершено убийство, то санкция за грабеж ужесточается.

— И какая же это санкция? — не отставал Абдулла.

— Изначально это было распятие. Но сейчас в большинстве стран применяется расстрел, — уверенно ответил Саид.

— А если грабеж не сопровождался убийством? — Абдулла уже потерял надежду «поймать» Саида.

— Тогда виновному отсекают стопу левой ноги или кисть правой руки, или же заменяют все это дело ссылкой, — четко, почти наизусть излагал Саид.

Умело вжившись в роль экзаменатора, Абдулла на время забыл о профессоре.

— Мы вам надоели, Илья Александрович? — спросил Абдулла созерцавшего заснеженный лес Баума.

— Нет-нет, что вы, — очнулся профессор. — У меня все эта рукопись из головы не выходит. Меня смущает, что я пока не нашел про нее никаких упоминаний у наших востоковедов. Появление такого списка не могло остаться незамеченным.

— Илья Александрович, а вы не думали, что это может быть качественно выполненная подделка, созданная не так давно?

— Это исключено, — уверенно возразил Баум, — как бы далеко не зашел прогресс, создать в наше время рукопись, которую я держал в руках, под силу только огромному коллективу, включающему каллиграфов, палеографов, лингвистов, историков и многих других. Вы сами понимаете, Абдулла Петрович, что собрать столько людей для создания подделки Корана — это из области фантастики. Если это и подделка, то едва ли она намного моложе самых ранних дошедших до нас списков Корана.

— А что, если это действительно подделка, созданная в средние века? — вновь предположил Абдулла.

— Возможно, но в таком случае возникает вполне естественный вопрос: *quid prodest**? Кому это могло быть выгодно? В рукописи упоминалось о праве 'Али на верховную власть, поэтому резонно предположить, что составителями рукописи могли быть шииты. Однако, как бы далеко не заходил их радикализм, поместить в Священный Текст айата о том, что христианский монах Багира передал Пророку Мухаммаду большинство коранических откровений, они не могли.

— Значит, это были христиане!

— Получается, что — христиане, — ответил профессор, — но я не могу представить, чтобы в средневековом христианском мире смогли отыскаться специалисты, способные на столь искусную фальсификацию. И, во-вторых, даже если наша рукопись и была сострепана какими-нибудь умельцами, то уж явно не для того,

* *Quid prodest?* (латин.) — Кому выгодно?

чтобы пылиться в запасниках библиотек. Вы меня понимаете?

Абдулла молчал, обдумывая слова профессора. Только сейчас он вспомнил о водителе, который с начала до конца слышал их беседу. Абдулла затаился, тревожно разглядывая физиономию их шофера. Почувствовав взгляд Абдуллы, парень обернулся.

— Ну, вы — мудг'ецы, г'ебята! — картавя, произнес он. — У меня голова от ваших умных г'азвогов'ов г'аспухла... Да, если вы не возг'ажаете, я высажу вас где-нибудь у станции? Я к двум обещал дома быть, а сейчас уже пег'вый час пошел. Зато меньше с вас возьму.

Парень остановился около железнодорожной станции Мюллюпельто и, еще раз отдав дань уму своих пассажиров, умчался в город.

На станции не горел ни один фонарь, да и станции, как таковой, не было вообще — маленький перрончик на курьих ножках.

— Ведите, профессор, — улыбнулся Абдулла, озираясь кругом.

— Единственное, что я могу сказать с уверенностью, — то ли засмеялся, то ли закричал Баум, — так это то, что нам либо направо, либо налево... Впрочем, пойдете направо. Кажется, нам туда.

Профессор оказался прав. Следуя по тропинке, все трое вскоре оказались в поселке.

— Вот оно какое, это Мюллюпельто, — сказал Абдулла, слепив снежок из свежего новогоднего снега. — Куда дальше, профессор?

— Пойдемте к шоссе. Насколько я помню, дом находился слева, если ехать от города.

Шоссе делило поселок надвое. Судя по словам Баума, дача Кузина располагалась ближе к лесу, на самой окраине поселка. До шоссе было более трехсот метров и до дачи Кузина примерно столько же. Пока профессор, перестав надеяться на свои замерзшие очки, шурясь, разглядывал окрестности в поисках ориентиров, Абдулла заметил, как черная «Тойота» с тонированными стеклами, приехавшая со стороны города, на большой скорости свернула с шоссе в сторону леса.

— Абдулла Петрович! — зашептал Саид.

— Вижу, — отрывисто бросил Абдулла. — Быстрее туда!

Перепрыгивая через массивные снежные сугробы и проваливаясь после каждого прыжка по колено, Абдулла устремился вслед за машиной. Саид старался не отставать, с трудом попадая в оставленные Абдуллой следы. Вслед за ним, тяжело дыша, хрустел снегом Баум. Не сбавляя темпа, Абдулла выхватил из кармана пистолет и снял его с предохранителя. Когда они с Саидом пересекли шоссе, Абдулла вдруг перешел на шаг.

— Саид, — Абдулла прокашлялся, — скажите профессору, чтобы он подождал здесь и никуда не смел ходить, а потом бегите ко мне. Только...

Шариатский судья замер на полуслове.

— Слышите?!

— Нет, ничего не слышу, — вынужден был признаться Саид.

Абдулла сорвался с места. Ловко обогнув заваленную снегом избушку, он, сам

того не ожидая, вдруг очутился на небольшой поляне напротив той самой машины, которую они видели несколько минут назад. Рядом прогуливался высокий мужчина в кожаной куртке. Абдулла оказался всего в шагах тридцати от него. Увидев задыхавшегося Абдулла, длинный схватился за карман.

Присев на колени, как его учили на курсах, и прищутив глаз, Абдулла три раза нажал на курок. Он не слышал, стрелял ли длинный, но что-то быстрое и, по-видимому, тяжелое, предназначавшееся одному ему, пронеслось над его головой. Больше выстрелов не последовало. Длинный выронил пистолет, схватился за горло и некрасиво упал на бок. Подбежав к лежавшему, Абдулла поднял его «Стечкин» и бросил бившемуся в ознобе то ли от холода, то ли от страха помощнику наказаний в соответствии с шариатом. Но вместо того, чтобы поймать пистолет, Саид с разбегу плюхнулся рядом с присевшим на корточки около машины Абдуллой. В нескольких сантиметрах от его ног стремительно закопошились в снегу пули от автоматной очереди.

Аллаху та'аля! Осторожно выглянув из-за машины, Абдулла увидел устроившегося за крыльцом дома автоматчика. Неплохая позиция!

Упавший рядом с Абдуллой Саид лежал, не поднимая головы.

— Саид, я вас прикрою, возьмите пистолет, — приказал Абдулла. — Ну же!

Выпустив в сторону крыльца почти всю обойму, Абдулла дал возможность Саиду вернуться под прикрытие машины невредимым с новеньким «Стечкиным».

— А теперь вы прикройте меня таким же образом, — скомандовал Абдулла, скидывая пальто. — А я попробую обойти его с другой стороны. И будьте внимательнее. Если я погибну, вам по закону придется до конца дней своих содержать всю мою семью. Бисмилляхи рахмани рахим! Ну, давай! Раз... два... три...

И Абдулла проворным ежиком выкатился из-за машины. Героически преодолевая метры, отделявшие его от зоны безопасности за углом дома, Абдулла слышал автоматную очередь и ответную неуверенную пальбу Саида. Оказавшись за углом, Абдулла пустился вскачь, как обезумевший лось, угодив по дороге обеими ногами в здоровенный сугроб. На мгновение Абдулле показалось, что его ноги плюхнулись в таз с холодной водой. Еще крепче сжав заледеневшими руками пистолет, Абдулла ринулся в обход дома. Выстрелов не было слышно.

Вот и он, долгожданный последний угол. Абдулла сбавил скорость и осторожно приблизился к углу дома. Ух ты!.. В обойме всего один патрон! Остальные остались в пальто. Абдулла стоял, ожидая выстрелов Саида. Но Саид предательски молчал.

— Да поможет мне Аллах! — Абдулла осторожно выглянул за угол. Но вместо затаившегося автоматчика он увидел на испачканном кровью снегу скрючившееся тело.

Абдулла небрежно бросил в сторону почти пустой пистолет и, не раздумывая, поднял ставший с недавних пор бесхозным автомат.

— Саид, — крикнул Абдулла в сторону машины. Из-под капота неторопливо пророс «петушок» исполнителя наказаний в соответствии с шариатом.

— Куда вы спрятались? — Абдулла не мог сдержать грустной усмешки. — Вы же его застрелили! Прикройте меня!

Абдулла взошел на крыльцо и слегка приоткрыл входную дверь. Пока он передвигался вдоль дома, он не слышал никаких звуков. В доме действительно было тихо, если не считать едва слышного треска.

«Наверное, камин», — подумал Абдулла, пробираясь на цыпочках в прихожую.

Дверь из прихожей в комнату была открыта настежь. У самого входа на спине лежал небритый мужчина в кожаной куртке и вязаной шапочке, похожий на бандитов с Московского. У его ног валялся автомат, такой же, как и у Абдуллы. На другом конце комнаты Абдулла увидел мужчину и женщину.

В женщине он без труда узнал жену Кузина. Приглядевшись, Абдулла понял, что мужчина рядом — сам Кузин. В тот же момент профессор вдруг зашевелился и протянул руку к лежавшему рядом ружью. Абдулла, как заколдованный, глядел на заляпанное кровью лицо Кузина, пытающегося прицелиться. Прицелиться в него! Вслед за тем раздался щелчок и выстрел. Обессилевший Кузин уронил ружье и опрокинулся набок.

— Андрей Владимирович! — Абдулла мгновенно пересек комнату и склонился над Кузиным.

На Абдуллу смотрели уставшие, устремленные в себя глаза обреченного человека.

— А-а, это вы, — прохрипел Кузин. Кашель помешал ему договорить.

— Андрей Владимирович! — закричал Абдулла, доставая мобильник. — Я сейчас вызову «скорую»!

Кузин вцепился в руку Абдуллы, пытаясь что-то сказать сквозь не прекращавшийся кашель.

— Там, — наконец выдавил он из себя, — там... на улице... скорее, — изо рта у Кузина поползла тонкая струйка крови. Он опять разразился кашлем, потом вдруг разом умолк и закрыл глаза.

Абдулла аккуратно опустил голову Кузина на пол.

— Вот и поговорили, — пробурчал он и вышел из дома.

Из-за машины, как ванька-встанька, выпрыгнул Саид.

Абдулла медленно спустился с крыльца, нервно озираясь по сторонам. Что имел в виду Кузин? Там за домом, кажется, был сарай. Может быть, там? Сейчас погляжу...

Секундой позже за спиной Абдуллы раздался невыносимый треск, а еще через секунду что-то горячее и тяжелое больно толкнуло Абдуллу в спину и затылок, и он безропотно покатился лицом в мягкий загородный снег...

Первыми словами, которые Абдулла услышал, когда пришел в себя, были: «Ага, зашевелился!»

— Где я? — спросил Абдулла, не без труда открывая слипшиеся, будто намазанные чем-то сладким глаза.

— Все в порядке, Абдулла Петрович, — откуда-то сверху, не иначе, как с неба, прозвучал голос Баума.

Абдулла попытался поднять голову, лежавшую на чем-то твердом и неровном, и самому разобраться, что происходит, но голова не послушалась и беспомощно скатилась вниз. Абдулла затих и понял, что лежит на коленях у Баума. А сам профессор и Абдулла, соответственно, находятся в машине.

— Абдулла Петрович, не двигайтесь, ради Бога, — заволновался Баум, — мы скоро приедем в город. Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, — почти шепотом ответил Абдулла, — только голова кружится и спать хочется. Объясните мне, пожалуйста, где мы и что происходит?

— Вы, Абдулла Петрович, в рубашке родились, — вступил в разговор Саид, находившийся где-то спереди, по-видимому, за рулем. — Задержись вы в доме еще на полминуты, и вы бы погибли. Такой взрыв был. Я испугался за вас, но, кажется, все в порядке.

— Пошевелите руками и ногами, — приказал профессор.

Абдулла задвигал ногами и даже попытался сжать кулаки.

— Ну как? — заботливо спросил Баум.

— Вроде, целы, — без радости ответил Абдулла. — А откуда машина?

— Машина конфискована у уничтоженных вами бандитов, — с гордостью сообщил Саид. — Абдулла Петрович! Я вами восхищаюсь. Как здорово вы их перестреляли. Я так волновался, пока вы были в доме. Несколько раз собирался броситься вам на помощь.

— И что же вас остановило?

— Думал, ругаться будете, — сконфузился Саид. — А потом, если бы мы вдво-

ем погибли, кто бы тогда вашу семью содержал?

— Семейю?.. Ах, да! Это я пошутил насчет семьи, если вы до сих пор не поняли. Нет пока такого закона, по которому Саид Касумов должен содержать мою семью, — засмеялся Абдулла.

Саид молча проглотил эту шутку Абдуллы.

— Когда я услышал выстрел, у меня совсем сердце упало, — продолжал он уже не с таким пафосом. — Думаю, застрелили, гады, Абдуллу Петровича. И тут понимаю, что у меня пистолет с пустой обоймой. Пока я вас прикрывал, у меня все патроны кончились. Дай, думаю, посмотрю у этого... которого вы, Абдулла Петрович, первым пристрелили, — вдруг что-нибудь найду. И действительно — в кармане у него оказалась финка. Хватаю ее, бегу в дом, и тут появляетесь вы.

«Да, — подумал Абдулла, — слава Аллаху, их было всего трое, иначе с таким прикрытием, как Саид, мне бы не поздоровилось».

— А еще я автомат взял, — похвастался Саид.

— Абдулла Петрович, — перебил Саида Баум, — в вас стреляли в доме?

— Стреляли, Илья Александрович, — невесело подтвердил Абдулла. — И вы ни за что не угадаете кто.

— Неужели, Андрей? — предположил Баум.

— Вы меня пугаете своей осведомленностью, профессор, — Абдулла попытался в очередной раз поднять голову, но Баум остановил его.

— Абдулла Петрович, голубчик, лежите, пожалуйста! Андрей — заядлый охот-

ник и, насколько мне известно, неплохо обращается с оружием.

— Обращался, — поправил его Абдулла.

— Господи! — запричитал Баум. — Значит, они все погибли? И сын тоже?

— Сын? — переспросил Абдулла. — Ах, да, у него же был сын. Сына я не видел. Может быть, он был в другой комнате. — Абдулла стал вспоминать недавние события, казавшиеся ему теперь почему-то необычайно далекими.

Что же все-таки имел в виду Кузин, когда торопил его на улицу? Аллаху та'аля! Он знал, что дом взорвется и, послав Абдулла на улицу, спас ему жизнь! Интересно, почему он так поступил? Сначала чуть не убил, а потом спас. Может быть, перед смертью решил очистить душу и сделать доброе дело? Жаль, что эта мысль пришла к нему только в последние минуты. А ему, Абдулле, и в самом деле не стоит гневить Аллаха. За сегодняшний день он, по меньшей мере, дважды находился на волосок от гибели. Слава Аллаху, остались целыми и невредимыми Баум и Саид. Ведь и тот, и другой вполне могли погибнуть вместе с Абдуллой, окажись они в доме Кузина в тот момент, когда прогремел взрыв. При мысли об этом Абдулла вспотел.

— Илья Александрович, — взмолился Абдулла, — помогите мне, пожалуйста, подняться.

Схватив Абдулла за плечи, Баум аккуратно усадил его рядом с собой.

— Спасибо, Илья Александрович! — перед глазами Абдуллы поплыли мутные круги. — Саид, далеко еще до города?

— Минут через двадцать будем, — не отвлекаясь от дороги, ответил Саид.

— Отлично, — Абдулла удобно устроился у окна. Все мысли в голове словно перетряхнуло этим проклятым взрывом.

Итак, Кузин и его семья убиты... И все-таки, зачем бандиты приезжали к Кузину? Их интересовала рукопись. Но ведь рукописи больше нет. Или они хотели отомстить Кузину за гибель товарищей?.. Кузин исчез после появления сообщения о захвате «Волги». Они могли подумать, что это он сообщил милиции номер машины... Да нет, вряд ли. Ведь они напали на египтян, когда Кузина и след простыл... Может быть, Кузин взял с них деньги в виде предплаты, а рукопись передал другим — вот эти ребята и решили его наказать. Это более похоже на правду. Кузин знал, на что шел и с кем он связывается... Но почему он тогда не исчез сразу, а только спустя пять часов после случая на вокзале? Надеялся, что все обойдется?.. И почему они тогда не тронули Абдуллу? В прессе недвусмысленно указывалось на него, Абдуллу, как на одного из участников трагедии на Московском.

Аллаху 'азым! Абдулла стал шарить по телу в поисках мобильного. Альхамду лиЛля! Вот он. Набрав свой домашний номер, Абдулла стал с тревогой считать гудки: один, два, три...

— Зайнаб! — завопил Абдулла на всю машину, услышав голос средней жены. — Как у вас дела?.. Слава Аллаху... Никого не пускайте... Если что — сразу же звоните...

Немного успокоившись, Абдулла откинулся на спинку кресла и закрыл глаза и потому не увидел, как стоявший на обочине гаишник приказал машине остановиться.

— Уже приехали? — спросил Абдулла, возвращаясь в окружавшую действительность.

— Да нет — милиция, — сквозь зубы проговорил Саид. — Не дай Бог, багажник осмотрят — у нас там автомат и граната.

— Нашли место! Я же предупреждал вас! — ворчал насмерть перепуганный Баум. — Мало ему автомата, он еще и гранату взял.

— Абдулла Петрович! — Саид вопросительно посмотрел на Абдулла. — У вас деньги есть?

— Деньги? — удивленно спросил Абдулла. — Да, есть, — Абдулла залез в карман заботливо накинутого на него пальто и достал кошелек.

— Сколько надо? — спросил он, извлекая пачку помятых бумажек.

— Пятнадцать рублей будет многовато, а десять — в самый раз, — взяв деньги, Саид вышел навстречу постовому.

К удивлению Абдуллы, милиционер без лишних разговоров забрал взятку и, отдав под козырек, отпустил Саида.

— Аллаху 'азым! — воскликнул Абдулла, когда машина тронулась. — До чего мы докатились!

— *O tempora, o mores**! — поддакнул обрадованный удачным исходом встречи с гаишником Баум.

— Кстати, Саид, — прервал восклицания профессора Абдулла, — что будем делать с машиной? По-моему, нам лучше от нее избавиться, и как можно скорее. Мне, честно говоря, крайне нежелательно попасть в тюрьму!

* О времена, о нравы! (крылатое латинское выражение).

— Мне, кстати, тоже, — присоединился к Абдулле Баум.

— Жаль, машина славная, — с болью отозвался Саид.

— Саид, перестаньте! — возмутился Абдулла. — Вы хотите, чтобы вас посадили? Не жадничайте! Давайте выйдем сейчас у метро и оставим здесь машину. Но перед этим хорошо посмотрим, не осталось ли в ней что-нибудь от прежних хозяев.

Саид в последний раз нажал на тормоз ставшей ему почти родной «Тойоты» и ласково погладил приятный на ощупь руль.

В салоне ничего интересного не оказалось.

— Посмотрим багажник, — распорядился Абдулла, заботливо поддерживаемый под руку профессором.

Саид аккуратно извлек автомат и гранаты.

— Прячьте, прячьте их скорее! — зашикал Баум.

— Абдулла Петрович, можно я хоть их заберу? — спросил Саид.

— Аллах с вами, берите, — вздохнул Абдулла. — Да не так! В пакет, в сумку какую-нибудь положите!

Саид убрал оружие в полиэтиленовый пакет, оказавшийся в кармане хозяйственного Баума и уже собирался в последний раз прикоснуться к любимой машине, как вдруг внимание Абдуллы привлек небольшой листок бумаги, притаившийся на самом дне багажника.

— Саид, дайте-ка вон ту бумажку, пожалуйста, — теряя равновесие, Абдулла крепко вцепился в руку поддерживавшего его профессора.

ЖЕНЩИНА В ОКНЕ

По свидетельству Абдуллы бен Мас'уда (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): «Дела, которые в судный день будут рассматриваться в первую очередь, — это дела, связанные с кровопролитием».

Приведено у аль-Бухари и Муслима

Абдулла хотел направить свои утомленные стопы домой, но Баум решительно встал у него на пути, трогательно обхватив шатающегося от усталости шариатского судью обеими руками.

— В таком состоянии? Ни в коем случае! Вот наступит утро и поезжайте, ради Аллаха, куда вам заблагорассудится, а сейчас идем ко мне, благо, тут рядом. Я все равно после всего этого не засну.

— Да я бы рад, Илья Александрович, — Абдулла с признательностью посмотрел на профессора, — но я не могу оставить своих на ночь. Сами видите, что творится.

— Хорошо, — согласился Баум, — но зайдите ко мне хотя бы на десять минут. Выпейте чаю, приведите себя в порядок. Вы же дома всех перепугаете!

Оказалось, что Баум жил всего в двух кварталах от Абдуллы в старинной трехкомнатной квартире на Садовой.

Совершив намаз, Абдулла, в соответствии с недавно приобретенной привычкой, сразу же засел за компьютер в ожидании обещанного профессором чая. Ему не терпелось узнать, что скрывалось за семью цифрами телефонного номера, неуклюже нацарапанного на найденной им в багажнике «Тойоты» бумажке. Рядом с телефоном не было кода города, но Абдулла

почему-то решил, что это непременно должен быть питерский номер. Согласно базе данных по адресу, соответствовавшему телефонному номеру, проживала семья Ивановых: сорокалетние муж и жена и двое детей — мальчик двенадцати лет и девочка десяти.

«Конечно же, это липа, — подумал Абдулла, — но позвонить все равно надо. Вот только что сказать? Спрашивать Ивановых бесполезно. Даже если там действительно есть Ивановы, что я им скажу? Нет, надо позвонить по этому телефону, как будто я точно знаю, кто на самом деле скрывается за указанным номером. Наверняка, они уже в курсе насчет Мюллюпельто. Может, сказать им, что это наша работа — каких-нибудь бойцов невидимого фронта, — и пригрозить, чтобы они больше не лезли в наши дела?.. Что ж, неплохо. А если не согласятся? Раз они пошли на откровенные убийства, им уже нечего терять. Да и нам это ни к чему, — под местоимением «мы» Абдулла подразумевал их троих: его, Саида и Баума. — Мы должны поймать бандитов, а так мы их только спугнем».

А что, если... Почему бы и нет?!. Рукопись сгорела вместе с машиной, но можно блефануть, что она уцелела. Это, конечно, откровенная ложь, но поскольку никто из ныне живущих не может подтвердить факт гибели рукописи, шанс есть... Надо рискнуть...

Или, может, не ломать голову и сообщить кому следует? Приедут на эту квартиру и всех повяжут... Нет, пожалуй, не стоит. Живыми их взять очень сложно. Опять взорвутся или что-нибудь в этом роде. Нет, здесь нужно действовать осторожно. У нас есть реальный шанс узнать, кто за всем этим стоит.

Биссмиляхи рахмани рахим! Абдулла набрал номер «семьи Ивановых». Долгое время никто не отвечал. Наконец в трубке прозвучало не вполне приветливое мужское: «Слушаю!»

— Здравствуйте, — твердо, почти по слогам, выговорил Абдулла, — я по поводу рукописи.

— Да, — без особого энтузиазма откликнулся голос в трубке.

— Рукопись не погибла, — немного сконфузившись, продолжал Абдулла.

Находившиеся в комнате Баум с Саидом, задержав дыхание, глядели на бледного и не выпавшегося Абдуллу.

— Я знаю, — ответила трубка, и Абдулла мгновенно забыл все, что собирался сказать неизвестному собеседнику. Абдулла отвел трубку ото рта, чтобы тот, с кем он разговаривал, не слышал его взволнованного дыхания.

— И что дальше? — поинтересовался голос после некоторой паузы.

Абдулла покрылся потом.

— Что вы молчите? — нейтрально спросил голос.

— Я бы хотел встретиться с вами, — пробормотал Абдулла, — по поводу рукописи.

— Рукопись у вас? — иронично, как показалось Абдулле, спросил голос.

— Да, — пересилив себя, выдавил Абдулла.

— Вы хотите ее продать? — подсказывал голос.

— Да, хочу продать, — беззащитно подхватил Абдулла.

— Ваша цена.

— Десять тысяч, — Абдулла назвал первую пришедшую ему в голову сумму.

— Десять тысяч чего? Если вы решили шутить, то я вам не советую, — вяло предупредил голос.

— Нет, нет, я оговорился, — Абдулла беспомощно посмотрел на Баума. Тот уже полминуты усиленно выводил губами и руками слово «миллион».

— Моя цена — миллион.

— Вот это уже похоже на правду, — в трубке раздался неприятный смех. — Завтра, то есть уже сегодня в четыре дня у памятника Екатерине. Оплата наличными на месте. Пароль: «Я тебя сразу узнал, чертенок!» Отзыв: «Не сейчас, дорогой! Я на работе». Вас устраивают наши условия?

— Д-да, все устраивает, — Абдулла замолчал, мысленно призывая себя к спокойствию. У него возник еще один вопрос, который он не мог не задать. — Простите... А почему вы не спрашиваете, откуда у меня рукопись?

— Я догадываюсь, — ответил голос. Абдулла замолчал, не зная, что сказать.

— У вас все? — спросил голос, терпеливо прождав полминуты.

— Д-да, — промямлил Абдулла.

— Тогда до встречи...

— Э-эй, постойте, — опомнился Абдулла, — а как вы меня узнаете?

— Не волнуйтесь, Абдулла Петрович, вас узнают. До свидания.

Абдулла выронил из рук трубку.

— Абдулла Петрович, что случилось?! — одновременно, словно по сигналу, закричали Саид с профессором.

— Он назвал меня по имени-отчеству, хотя я не представлялся, — дрожа всем телом, Абдулла прислонился к стене.

— Откуда он узнал?! — воскликнул профессор.

— Но страшно даже не это, — продолжал Абдулла, обращаясь не столько к Бауму и Саиду, сколько к самому себе. — Рукопись, оказывается, и в самом деле не погибла.

Абдулла бледнел на глазах, и если бы не подоспевший Саид, то шариатский судья опрокинулся бы на пол.

— Абдулла Петрович! Что с вами? Вызвать врача? — в отчаянии заголосил Саид.

— Не надо, я сам, — Абдулла с помощью Саида уселся в кресло. — Саид, дайте воды, пожалуйста.

Саид побежал за водой, сметая по дороге стулья и обувь в прихожей.

— Абдулла Петрович, может, действительно вызвать врача? — спросил Баум, прощупывая пульс Абдуллы.

— Нет, не надо. Это усталость, — ответил Абдулла, принимая из рук переполошившегося Саида стакан с водой.

Утолив жажду, Абдулла откинулся в кресле. Баум участливо посмотрел на полуживого шариатского судью.

— Знаете что, Абдулла Петрович, поспите-ка вы немного, — посоветовал профессор, но Абдулла уже не слышал его.

Он спал. Его перегруженный организм давно требовал отдыха и, наконец, силой взял то, что принадлежало ему по праву.

Когда Абдулла проснулся, было около девяти утра. Протирая глаза, он вышел из спальни и встретил на кухне уплетавшего яичницу с беконом профессора.

— А, Абдулла Петрович, доброе утро, присоединяйтесь, — в очередной раз неудачно улыбнувшийся Баум гостеприимно указал Абдулле на стоявшую рядом табуретку.

— Илья Александрович, — шариатский судья с укоризной покосился на бекон.

— О, Господи! Простите ради Бога, — всплеснул руками Баум.

— А где Саид? — мучительно просыпаясь, пробубнил Абдулла.

— Он около вашего дома на страже стоит. Вы вчера насчет своей семьи волновались, вот Саид и решил подежурить. Я его не отговаривал.

Абдулла представил серьезное и вместе с тем детское лицо Саида, и на глазах у него впервые за последнее время выступили самые настоящие слезы. Абдулла выхватил трубку, чтобы позвонить Саиду, но не успел: мелодия «И туган тел» оповестила Абдуллу о звонке Козлова.

— Твоих рук дело? — не поздоровавшись, закричал Козлов.

— Владимир Алексеевич! — успел только вставить Абдулла.

— Молчать! — рявкнул Козлов. — Я как прочитал приметы, указанные жителями поселка, сразу понял, кто наведывался к Кузину. Ко мне немедленно! Или за тобой машину прислать и ребят с браслетами?

— Владимир Алексеевич! — Абдулле с трудом удалось вклинуться в громогласный монолог полковника. — Я сам приеду, только домой переодеться схожу.

— Какое «переодеться»?! — взревел Козлов. — Сейчас же ко мне! И не вздумай бежать! Из-под земли достану!

Козлов так громко кричал, что их беседу слышал Баум. При упоминании о ребятах с браслетами впечатлительный профессор подавился яичницей.

— Увы, — Абдулла бросил тоскливый взгляд на профессора и направился в при-

хожую, — я вынужден ехать к своему начальнику. Что касается Саида, то я сейчас перезвоню ему и, если вы, Илья Александрович, не возражаете, приглашу его к вам. Козлов догадывается насчет Мюллюпельто. У вас Саиду будет безопаснее.

— Но ведь я тоже был с вами! — перепугался профессор.

— Не беспокойтесь, Илья Александрович! Пока о том, что мы были в Мюллюпельто, никто, кроме моего начальника, не знает. Впрочем, тот тоже только догадывается. О вас, профессор, вообще речи не шло. Вы у нас как жена Цезаря — вне подозрения. Так что время пока работает на нас. Спасибо за прием, хлеб-соль! Как только освобожусь, сразу позвоню. С Саидом созвонюсь по дороге, — во избежание дальнейших объяснений с профессором, Абдулла быстро захлопнул за собой дверь...

В ожидании Абдуллы Козлов нетерпеливо расхаживал по кабинету.

— А-а, явился, — прошипел он, увидев Абдуллу. — Ну и как? Совесть не мучает? Я смотрю, даже привести себя в порядок не успел. Ничего, в тюрьме причешешься, — посчитав эту фразу остроумной, Козлов неприятнейшим образом расхохотался.

— Владимир Алексеевич!

— Да отстань ты со своим Владимиром Алексеевичем! — огрызнулся Козлов. — Ты думаешь, я тебе поверю, что это не ты семейство Кузиных на тот свет спровадил?

— А я и не прошу мне верить, я прошу выслушать, — по-мальчишески гордо ответил Абдулла и, не дожидаясь разрешения Козлова, рассказал все, что произошло ночью в Мюллюпельто.

Когда он закончил, Козлов хотел ему что-то сказать, но Абдулла поднял правую руку.

— Подождите, Владимир Алексеевич! Это еще не все. В машине, на которой приехали преступники, я нашел бумагу с номером телефона. Я позвонил по нему и назначил встречу. Сегодня в четыре часа.

Недовольно поморщившись, Козлов посмотрел на часы.

— А куда вы машину дели? — спросил он с какой-то отрешенной тоской.

— Оставили у Сенной.

— Ладно, хоть не соврал... Нашли вашу машину.

— Владимир Алексеевич! — мгновенно вспылил Абдулла. — Вы меня что, проверять решили?

— Да не кричи ты! — отмахнулся Козлов. — Самому тошно. Ты мне одно скажи: зачем тебе это все надо? Ты что, в милицию не мог сообщить, супермен?

— Учитывая предыдущий опыт, — все еще пребывая в раздражении от последней выходки Козлова, сквозь зубы ответил Абдулла, — я понял, что живыми их сложно взять.

— Да после этой встречи от тебя самого ничего живого не останется! — лицо Козлова оказалось в нескольких сантиметрах от Абдуллы. От полковника пахло какими-то приятными благовониями. — Вот что, никуда ты не пойдешь, а если будешь брыкаться, то я тебя по подозрению в убийстве Кузина арестую, — судя по тону и выражению лица, Козлов не шутил. Этого еще не хватало!

— Владимир Алексеевич! — Абдулла преданно посмотрел в глаза Козлову. — Да

поймите же вы, что если меня не будет на встрече, мы упустим, возможно, единственный шанс узнать, кто эти преступники. Увидев, что меня нет, они сразу все поймут. И еще... кажется, рукопись не погибла. Пока она не у бандитов, и мы должны сделать все, чтобы она к ним не попала.

— Хорошо, убедил, — последняя фраза Абдуллы заставила Козлова призадуматься. — Но только одного я все равно тебя не отпущу. Я сейчас позвоню ребятам из СОБРа, и мы что-нибудь придумаем. Ты пока присаживайся!

— Владимир Алексеевич! Мне надо идти.

— Куда идти?! Меньше чем через шесть часов операция, а ему надо идти, — Козлов сделал шаг в сторону Абдуллы, словно собираясь поймать его, если тот осмелится бежать.

— Да я сто раз успею вернуться, — воскликнул Абдулла. — Хочу съездить в Мюллюпельто — по горячим следам поискать рукопись.

— Псих ненормальный! — перешел на хрип Козлов. — Ты что, совсем тронулся? Во-первых, тебя там сразу опознают, и плакала вся операция.

— А во-вторых? — спросил Абдулла, хотя прекрасно понимал, что «во-первых» вполне достаточно, чтобы отложить поездку в далекий поселок со странным финским названием.

— А во-вторых, там работала группа подполковника Галкина. Это такой дотошный работник — щепки после себя не оставит. Так что о горячих следах можешь забыть. Я узнаю у него, нашел ли он что-нибудь, напоминающее рукопись, и сообщу

тебе. А ты не дергайся и дай мне позвонить кому надо.

Оперативный план, предложенный прибывшим сразу после звонка Козлова майором Кошкиным, был прост и на первый взгляд безупречен. Начиная с половины третьего дня, в Екатерининский сквер на площади Островского по одному с небольшими интервалами будут проникать соборвцы в штатском. Всего их будет десять человек, в том числе две дамы. Кроме того, с четырех сторон сквера будут размещены снайперы: один — в здании Публичной библиотеки, другой — в Елисеевском магазине, третий — на крыше Александринки, четвертый — на крыше или в верхних этажах Аничкова дворца.

Без десяти минут четыре в сквере появится Абдулла. В руках у него будет портфель с муляжом рукописи. Он должен будет дожидаться появления покупателя (операцию так и называли: «Покупатель»). Встретившись с ним, Абдулла сначала потребует показать деньги, а затем передаст портфель с рукописью. Тогда в дело вступят соборвцы под прикрытием снайперов.

— А что, если у покупателя будет бомба? — предположил Абдулла. — Они ведь ни своих, ни чужих жизней не жалеют. Взорвут и себя, и нас.

— Риск, конечно, существует, — кивнул майор. — Поэтому нас и пригласили. Но за свою жизнь вы можете не опасаться. Задача вашей охраны (это двое человек, которые будут все время находиться рядом с вами) удалить вас подальше от места встречи сразу же после передачи рукописи.

— Я не за свою жизнь опасаясь, — обиделся Абдулла. — Я уже говорил и продолжаю утверждать, что захватить их живыми практически невозможно.

— Хорошо, что вы предлагаете? — недовольно спросил Кошкин, удивленный тем, что кто-то, пусть даже косвенно, сомневается в его профессионализме.

— Я предлагаю не передавать портфель сразу, — сказал Абдулла, наблюдая за реакцией полковника и майора. — Когда они покажут деньги, я скажу, что рукопись находится в машине, припаркованной рядом. Мы направимся к выходу, и тут вы их повяжете.

— Что ж, можно и так, — снисходительно бросил Кошкин.

Козлов посмотрел на Абдуллу.

— Ну, что страдаешь? Домой хочешь? Ладно, сгоняй. Только уговор: через полтора часа будь здесь.

В кармане Абдуллы завизжал телефон. Из дома! Что случилось?!

— Алло!

— Салям, Абдулла!

— Салям, Мадина! Что случилось?.. Не слышу.

— Я не могу говорить громко, — почти шептала Мадина, — я из ванной.

— Так выйди из ванной! — Абдулла не знал, смеяться ему или нет.

— Не могу, — еще тише сказала Мадина. — У нас милиция. За тобой пришли.

Абдулла услышал шум падающей воды.

— Не волнуйся, дорогая! — нервно затараторил Абдулла. — Я перезвоню! Сейчас я все решу! Это недоразумение. Не волнуйся, пожалуйста!

— Что у тебя стряслось? — участливо спросил Козлов.

— У меня дома милиция, — Абдулла рассеянно опустил на стул. — Пришли за мной.

— Спокойствие и только спокойствие, — Козлов взял трубку. — Сейчас разберемся.

— Алло, привет! — дружелюбно поздоровался полковник с неизвестным Абдулле собеседником. — Слушай, твои ребята у Мухина?.. Да, «оборотень от шариата», он самый... Так убери их, пожалуйста... Что?! Я потом все объясню... Ты ставишь под удар всю операцию... Я не могу сейчас сказать... Он не преступник... Да... Если хочешь его поймать, приезжай ко мне. Он сейчас у меня сидит, чай пьет... Сейчас же! Спасибо... С меня причитается... Да, кстати, ты не находил там никакой рукописи?... Или следов... Ну, ладно... Спасибо... Только не шумите... Жму руку.

— Все в порядке, — обратился Козлов к Абдулле. — Тебя уже брать собрались. Знают, что ты вооружен и очень опасен.

— Аллаху 'азым! — Абдулла в отчаянии опустил голову на руки. — Откуда такая чушь?

— Чушь, говоришь? Да тебя там целая рота дожидалась. Сильно ты их, видать, перепугал, — ехидно заметил Козлов. — Галкин сказал, что одновременно с милицией в поселке появились журналисты. Они и откопали свидетелей, которые видели, как ты со своим Саидом убивал Кузина.

Абдулла тяжело вздохнул, а про себя подумал: «Слава Аллаху, хоть Баума не заметили».

— Да не плачь ты! — Козлов с умилением рассматривал испуганного им Абдуллу. — Ты же их знаешь, этих журналюг, — они напридумывают всякого, а наши олухи у них на поводу идут. Откуда они только про эти преступления узнают? Иногда раньше милиции приезжают.

— А что с рукописью? — перебил полковник Абдулла.

— Галкин говорит, что ничего не нашел, — бесстрастно сообщил Козлов. — А ты чего тут расселся? Беги — утешай своих красавиц...

Когда Абдулла буквально ворвался в свою квартиру, милиции уже не было. Кое-как успокоив свое перепуганное семейство, Абдулла заперся в ванной и просидел там почти пятьдесят минут без движения. В голову ему лезли всякие бестолковые мысли, которые ему удалось разогнать только мощной струей холодной воды.

Неужели меньше чем через три часа все наконец-то разрешится? Виновные будут наказаны, а рукопись... А рукопись... Абдулле вдруг стало по-настоящему страшно. Рукопись действительно должна была погибнуть, если не в машине, то на даче Кузина. Но зачем тогда ему назначили встречу?.. И пароль какой-то дурацкий. Что это? Розыгрыш?.. Непохоже. Такие люди шутить не любят...

Значит, если рукопись все-таки не погибла, ее рано или поздно найдут и о ней узнают десятки, сотни, тысячи людей. Кто-то захочет использовать ее в своих интересах. Вот она — обратная сторона истины, к постижению которой он так стремился. Зачем, зачем он проболтался Козлову?!

Продолжая размышлять всю дорогу, Абдулла появился в сквере в положенное время в прескверном настроении. Погода стояла неплохая, но народу почему-то было не так много — человек двадцать пять максимум. Если учесть, что десять из них были собровцы, можно считать, что ситуация практически под контролем.

Может быть, тот, с кем он встречается сегодня, уже здесь и тоже не один. Абдулла решил посмотреть на часы, но, не успев взглянуть на циферблат, нервно одернул руку. Кошкин строго-настрого запретил ему смотреть на часы и вообще совершать какие-либо движения, привлекающие внимание. Абдулла не спеша прошелся мимо памятника. Пробегая взглядом по лицам находившихся в сквере людей, Абдулла искал того самого, что пришел за рукописью. Однако вскоре эта затея оказалась ему неудачной. Все люди, на которых падал его подозрительный взгляд, казались ему профессиональными террористами и шпионами, готовыми одним незаметным движением отправить его и всех посетителей сквера на тот свет.

«Кстати, — подумал Абдулла, — а где двое человек из обещанной мне охраны, которые всегда должны находиться подле меня?»

Достигнув конца сквера, Абдулла как бы невзначай взглянул на крышу Александрийки. Ага! Кажется, есть. Только немного далеко. Но если они начнут удирать в эту сторону, то позиция идеальная. Абдулла плавно повернулся через левое плечо и направился в сторону памятника Екатерине. На Елисейском никого не было видно. Наверное, в целях конспирации они реши-

ли поместить снайпера не на крыше, а на верхних этажах. «Дворцовый» снайпер вообще не поймешь где, и его помощь вряд ли пригодится. А вот тому, кто в Публичке, даже напрягаться не придется. Тут даже и снайпером быть не нужно. Абдулла повернул голову в сторону окон библиотеки. Где же он? Как бы его не заметили бандиты, если они уже находятся в сквере.

Подняв глаза на уровень второго этажа, Абдулла вдруг увидел пожилое женское лицо. Абдулле даже показалось, что женщина в тот момент смотрела на него, потому что едва только он остановил на ней взгляд, как она тут же отошла от окна.

— Аллаху та'аля! До чего же я стал мнительный, — подумал Абдулла, переключив внимание на посетителей сквера.

Вот заходит парочка — он и она под ручку. Эти не похожи на террористов. А может быть, тот дед с усами, который весьма двусмысленно кормит голубей, как будто он делает это не по доброй воле, а по чьему-то суровому приказу?

Нет, не выйдет из меня шпиона! Абдулла хотел снова посмотреть на часы, но, вовремя вспомнив наказ Кошкина, передумал. Аллаху 'азым! Сколько же осталось до четырех?

Абдулла дошел до входа в сквер. Ладно, хватит тут вышагивать. Может быть, сесть? Нет, лучше постою на месте. Абдулла сделал несколько неуверенных шагов и замер под распростертой дланью императрицы. Мучительное, навязчивое ощущение, что за ним кто-то наблюдает, терзало Абдулла и мешало сосредоточиться на предстоявшей операции. Еще эта женщина в окне Публички!

Абдулла не выдержал и вновь посмотрел наверх, в сторону окон библиотеки. В том же самом окне он опять увидел ту же

самую женщину. В этот раз он даже успел заметить красный платок, брошенный на плечи поверх то ли черной кофты, то ли платья. Все повторилось в точности, как и в тот раз. Едва только Абдулла заметил ее, как женщина сразу же отошла от окна.

Сердце Абдуллы заметалось, трусливо взывая к разуму: «Что делать?»

— Так, надо подождать еще минуту и снова посмотреть туда, — сказал себе Абдулла и, сделав шаг в сторону, наступил на ногу неизвестно откуда появившемуся старичку.

— Я тебя сразу узнал, чертенок! — злорадно усмехнулся старичок.

Внимательно присмотревшись, Абдулла узнал в нем того самого деда, который за несколько минут до этого бросал наглым питерским голубям хлебные мякиши в другом конце сквера. В руках у него откуда-то появилась большая спортивная сумка.

— Ну, чё молчишь? Отзвй говори, сынок! — прошамкал дед.

Абдулла во все глаза глядел на непонятного беззубого субъекта с сумкой.

— Ты чё, немой? — сочувственно спросил дед.

— Н-не сейчас, дорогой... Я на работе, — наконец, пролепетал Абдулла.

— Тогда енто тебе, — дед поставил перед Абдуллой свою сумку. — Меня один мужик на Невском просил передать.

— Где он? — громко спросил Абдулла и, забыв о мерах предосторожности, грубо схватил деда за руку. — Где он?!

— Да он уехал уже, — пошевелил сросшимися седыми бровями дед. — Отдал мне енто и уехал. Ты, энтово... отпусти меня, а?

— Д-да, извините, — Абдулла отпустил руку старика.

— Ну, бывай, — попрощался дед и зашаркал к выходу из сквера.

— Эй, постойте, а рукопись? — опомнившись, закричал ему вслед Абдулла.

— Оставь ее себе, сынок, — громко заржал дед, а потом вдруг запел: «Ой вы, кони!» и ускорил шаг.

Но далеко уйти ему было не суждено. На его пути встала непреодолимая преграда в виде могучего тела собровца. Его коллега, показавшийся с другой стороны памятника, вежливо отвел Абдуллу на несколько шагов назад.

— Откройте сумку, — приказал старику милиционер.

Дед испуганно склонился над сумкой и быстро раскрыл ее с подобострастным выражением на лице.

— Неужели, бомба? — успел подумать Абдулла. — Биссмиляхи рахмани рахим!

Но взрыва не произошло. Несколько собровцев обступили сумку со всех сторон. Наконец, один из них перевернул ее вверх дном, и на снег выкатилась окровавленная человеческая голова.

Абдулла отвел в сторону взгляд и закрыл лицо руками. Простояв так некоторое время, он распахнул глаза и, стараясь не глядеть в сторону головы, уставился ввысь, пока его взгляд не остановился на небольшом черном пятне на уровне второго этажа. Он не сразу понял, что смотрит туда, где уже два раза появлялась призрак-женщина в черном. Но стоило ему прищуриться, чтобы убедиться, что это не галлюцинация, и вместо пятна он увидел пустое пространство сквозь безликое оконное стекло.

НЕЯСНОЕ И ОЧЕВИДНОЕ

По свидетельству Абу Мусы (да будет доволен им Аллах!): Один человек пришел к Пророку (да благословит его Аллах и приветствует!) и спросил: «Один человек сражается на войне ради трофеев, второй — ради славы, третий — для бравады. Кто же из них сражается на пути Аллаха?» Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) ответил: «Тот, кто воюет за торжество Слова Аллаха, сражается на пути Аллаха».

Приведено у аль-Бухари

На выходе из сквера Абдулла догнал майор. Он был в штатском и совсем непохож на себя в синей милицейской куртке, придававшей его бесформенной неуклюжей фигуре некоторую изящность.

— Абдулла Петрович, — сказал Кошкин, по-свойски коснувшись плеча Абдуллы, — я выделю вам человека и вас проведут до дома.

— Нет, нет, спасибо, я сам, — Абдулла тускло посмотрел на майора и, не прощаясь, поплелся в сторону метро.

Его мозг, измученный постоянными размышлениями, догадками и предположениями, устал работать. Абдулла понимал, что, быть может, сейчас наступил «тот самый» долгожданный момент, когда необходимо срочно принимать важное решение. Но сил думать уже не было. Да и что толку ломать голову, если все, что он придумывал в последнее время, оборачивалось против него же самого.

Абдулле захотелось упасть, подобно странствующему суфийскому дервишу, на скамью в метро и забыться первобытным

Неясное и очевидное

сном, невзирая на перекошенные брезгливостью лица пассажиров. Говорят, раньше сиденья располагались не перпендикулярно стенам вагона, а вдоль них. Чудно!

Перед глазами Абдуллы то появлялась, то исчезала тонкая фигура в черном платье с красным платком на шее. Кто это? Неужели она, Тамара Петровна? Черное платье и красный платок... Точно! Она! Как глупо, что он поверил Бауму и сразу исключил ее из списка подозреваемых... Но какое она может иметь отношение ко всем этим зверствам? Пожилая интеллигентная женщина?.. Впрочем, она наверняка должна что-то знать!

Выскочив из вагона на следующей станции, Абдулла с разбегу запрыгнул в электричку на противоположной стороне платформы. Пробравшись в Публичку по просроченному читательскому билету, наудачу оказавшемуся во внутреннем кармане пальто, Абдулла принялся по памяти разыскивать рукописный отдел. Вскоре перед ним открылся маленький, плохо освещенный зал с деревянной резной лестницей, ведущей под потолок, и балюстрадой. Он не приходил сюда почти три года, но за это время здесь ничего не изменилось. Все было, как и в прошлый раз: деревянные шкафчики со старинными книгами, карта Саксонии XVIII века на стене, бюст Екатерины Великой.

На самом верху, на узенькой площадке, опоясанной невысоким балкончиком, склонившись над книгой, стояла маленькая старушка. Она никак не отозвалась на появление Абдуллы, продолжая заниматься своим, по-видимому, очень важным делом.

— Простите, пожалуйста, — кашлянул Абдулла, — я могу видеть Тамару Петровну?

Старушка не сразу оторвалась от чтения.

— А она ушла, — сказала она на удивление четким и приятным голосом.

— Когда ушла? — забеспокоился Абдулла.

— Минут десять назад, — сообщила старушка.

Абдулла схватился за голову, закружившуюся от странных мыслей. Он стал суетливо шарить глазами по комнате, словно не веря, что Тамара Петровна действительно ушла, а не стоит где-то рядом и презрительно усмехается над его беспомощностью.

— Простите, пожалуйста, — Абдулла видел, с какой неохотой старушка вновь оторвалась от чтения, — а во что Тамара Петровна была сегодня одета?

Оставив книгу, старушка неуверенными шажками доковыляла до края балкончика и с откровенным любопытством уставилась на Абдуллу.

— Извините, не поняла, — несмотря на разделявшее их расстояние, старушка, казалось, пыталась посмотреть Абдулле в глаза, чтобы убедиться, добрые ли у него намерения.

Абдулла покраснел.

— Я хотел узнать, во что сегодня была одета Тамара Петровна? — повторил он, стараясь не глядеть на любопытную старушку.

Старушка долго молчала, продолжая недоверчиво разглядывать Абдуллу.

— А зачем вам, позвольте полюбопытствовать? — спросила она, почти сдава-

ясь, но, вместе с тем, не желая просто так расставаться с известным ей секретом.

Аллаху 'азым! Опять лгать? Но что значит сказать правду, когда он сам теперь не может отличить ложь от истины?!

— Просто по тому, как она сегодня была одета, я пойму, поехала она домой или в гости, — пыхтя от волнения, выдавил Абдулла.

Старушка немного погрустнела. По-видимому, она ожидала от Абдуллы другого, более интересного ответа.

— Она сегодня, как обычно, была одета в черное платье.

— С красным платком на шее!? — громко спросил Абдулла.

— Да, а что? — опять оживилась старушка.

— Да нет, ничего, — с непонятной для старушки дрожью в голосе пробормотал Абдулла.

Старушка продолжала загадочно смотреть на него с балкона. Книга уже не интересовала ее, по крайней мере, в тот момент. Абдулла подошел к окну и посмотрел в сторону Екатерининского сквера. Совершенно верно! Точь-в-точь на этом месте он видел женщину в черном платье и красном платке. Значит, это не галлюцинация!

Изучив панораму, открывавшуюся из окна, Абдулла вернулся к балкончику.

— Простите, еще один вопрос, — робко поглядел на старушку Абдулла, — вы не знаете, почему она так рано ушла?

— А она всегда, когда хочет, тогда и уходит, — ответила старушка, не спешившая возвращаться к своей книге. Она хотела еще что-то добавить, но Абдулла уже

не слышал ее. Выскочив в коридор, он стал искать в телефонном справочнике мобильного номера Баума, с трудом удерживая в дрожавшей руке трубку.

— Илья Александрович, скажите мне скорее адрес Тамары Петровны! — крикнул он, позабыв о царившей кругом тишине.

— Господи! — запричитал Баум. — Зачем она вам?

— Все потом, Илья Александрович. Дайте мне адрес Тамары Петровны, — приказал Абдулла. — Да, и не вздумайте ей звонить!

— Абдулла Петрович! Что случилось? — занудствовал Баум.

— Да ничего, Илья Александрович! Дайте же адрес, наконец! — за прошедшие два дня Абдулла приобрел привычку без лишних слов излагать свои мысли.

— Улица имама ан-Навави, дом 8, корпус 2, квартира 76, — испуганно продиктовал Баум. — Абдулла Петрович, что с Тамарой Петровной?!

— Пока ничего. Потом все объясню, — отрезал Абдулла и отключил телефон.

Улица имама ан-Навави — это минут двадцать на машине. Скорее! Только бы Баум не позвонил ей. С него станется!

По дороге к Тамаре Петровне Абдулла набрал свой домашний номер. Трубку взяла Мадина. Абдулла приказал ей никого не впускать и быть начеку. Он даже хотел сказать жене, где находится его пистолет, которым, в случае чего, можно воспользоваться, но вовремя вспомнил, что пистолет остался в Мюллюпельто. Если от него вообще что-нибудь осталось после взрыва кузинской дачи, он наверняка мирно

Неясное и очевидное

покоится в сейфе у дотошного подполковника Галкина в качестве неопровержимого вещдока.

В парадной Тамары Петровны сидела консьержка.

— Вам кого? — спросила она, изучая Абдулла сквозь затемненные стекла очков.

— Тамару Петровну, — с этими словами Абдулла почему-то поглядел на часы.

— А она еще не приехала, — ответила консьержка.

— Не приехала, — машинально повторил Абдулла. — Может быть, очень может быть!

Чтобы не привлекать к себе внимания, Абдулла присел на скамейку, стоящую у дома напротив, откуда открывался хороший вид на парадную Тамары Петровны. Фасад дома, напоминавшего с виду старинный мавританский замок в Гранаде, украшала надпись «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного», выполненная черными красками на белом фоне в виде изящной лодки с веслами. Такие дома стали строить лет двадцать назад, и теперь почти в каждом районе любого города можно было найти здания, выстроенные в так называемом новоисламском архитектурном стиле.

«Если она едет на метро, — размышлял Абдулла, — то минут через двадцать-двадцать пять она должна быть дома. Стоп! А почему я решил, что она едет домой?»

У Абдуллы зазвонила трубка. Козлов. Что ему нужно?

— Ну, как у тебя дела? Ты где? — поинтересовался Козлов.

— Все в порядке, Владимир Алексеевич! Прогуливаюсь.

— Прогуливаешься? — злорадно, как показалось Абдулле, переспросил Козлов. — Это хорошо. Как тебе эта выходка с головой?!

— Теперь я уже ничему не удивляюсь, — Абдулле не хотелось вспоминать о случившемся.

— Говоришь, ничему не удивляешься? — как всегда невпопад обрадовался Козлов. — Сейчас проверим. Знаешь, чья это голова? Ни за что не догадаешься!

Абдулла остановил дыхание.

— Ну, что молчишь? — тянул Козлов. — Ладно, не мучайся! Эта голова принадлежит сыну Кузина.

— Кузина? — недоверчиво переспросил Абдулла. — А рукопись? Что с рукописью?!

— Да не кричи ты! — прикрикнул на Абдулла Козлов. — Слышу. Ты разве не видел? Там, в сумке, где была голова, лежала рукопись.

— Какая еще рукопись? Что же вы сразу не сказали?! — в совершенном ужасе вскричал Абдулла.

— А-а, оживился-то как! Не переживай! Тебе ее сейчас все равно посмотреть не удастся. Ее вместе с головой Кошкин увез. Но это уже неважно. Главное: рукопись у нас. Конец — делу венец...

Абдулла вскочил со скамейки и быстрым шагом пошел к метро. Он уже прошел через турникет и спустился к поездам и только тогда спросил себя: куда? зачем?.. Рукопись ему все равно не отдадут, а лишней раз напоминать о ней ни к чему. Такие вопросы наобум лучше не решать. Пожа-

луй, самое лучшее в такой ситуации — поговорить с Козловым, объяснить ему все, как есть. Мужик он добрый, должен понять...

В очередной раз разум в Абдулле победил эмоции. Абдулла загнал тревожившую его мысль о рукописи в самые потаенные уголки своего сознания. «Не сейчас! Подожди!» — говорил он себе. Однако рукопись продолжала периодически всплывать в его памяти, не желая никуда исчезать и мешая сосредоточиться на предстоявшей беседе с таинственной Тamarой Петровной. Вернувшись на свой наблюдательный пункт, Абдулла откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза. Вот и все! Впрочем, как все? А кто стоит за всеми этими убийствами? Он ведь так и не найден. Абдулла уже давно понял, что его участие в этом деле закончится только тогда, когда будут пойманы все виновные в преступлениях на Московском, в Мюллюпельто и теперь еще в Екатерининском сквере.

— Ладно, — подытожил Абдулла, — надо зайти посмотреть, — может быть, пока я тут бегал, она уже пришла.

Неугомонная трубка высветила номер Козлова. Что на этот раз? Прежде чем нажать на значок с нарисованной трубкой, Абдулла помедлил несколько секунд.

— Слушаю, Владимир Алексеевич!

— Что за человек твой Касумов? — спросил Козлов без своих обычных шуточных предисловий.

— Что вы имеете в виду? — испугался Абдулла.

— Полчаса назад твоего Саида со стволом взяли на квартире Баума, — быстро проговорил Козлов. — Короче, все улики, что он грохнул профессора.

— Кто грохнул?! Какого профессора?! — вырвалось у Абдуллы. — Владимир Алексеевич, мне не до шуток!

— Я не шучу! — спокойно ответил Козлов.

— Что случилось?! — закричал на всю улицу Абдулла.

— Я же говорю тебе: твой Саид прикончил Баума, — терпеливо повторил Козлов. — Его повязали.

— Но этого не может быть! — с надрывом крикнул Абдулла. — Вы же понимаете...

— Дело не в понимании, а в уликах, — недовольно оборвал Абдуллу Козлов. — Мне все равно, убивал твой Касумов или нет. Но отмазаться ему в такой ситуации практически невозможно.

— А что с Ильей Александровичем? — со слабой надеждой спросил Абдулла.

— Как что? — удивился Козлов. — Умер, конечно. Две пули в голову — это, брат, не шутка! Но я не сказал самого главного: тебя тоже ищут. Соседи сказали, что сегодня ночью вы с Касумовым приехали на квартиру к Бауму. Консьержка видела, как ты выходил около половины девятого утра.

— Это я к вам шел, — комкая слова, пояснил Абдулла.

— Понял. Так вот, мой тебе совет — бери машину и дуй ко мне. Ты сейчас где?

— Владимир Алексеевич! — взмолился Абдулла. — Я вам потом скажу.

— Что у тебя там опять за секреты? — проворчал Козлов. — С ума сошел?

— Может быть...

— Смотри, как бы поздно не было, — бросил напоследок Козлов.

— Хорошо...

Абдулла не стал останавливать подступившие к глазам слезы. Закрыв лицо варежкой, он не сразу заметил, что перед ним уже не одну минуту стоит какая-то женщина в норковой шубе.

— Абдулла Петрович, если мне не изменяет память? — обратилась к нему женщина.

Абдулла быстро вытер слезы и молча кивнул.

— Вы меня искали? — спросила женщина.

Абдулла непонимающе смотрел на незнакомку.

— Разве вы не узнаете меня? — добродушно улыбнулась женщина. — Я — Тамара Петровна.

— Да-да, — пробормотал Абдулла. — Я искал вас...

— Ну что ж, тогда пойдете ко мне! — Тамара Петровна произнесла эти слова столь обыденно и безразлично, без всякого удивления и тем более волнения, что у Абдуллы мгновенно возникло предчувствие, что он ошибается в своих безумных подозрениях. Абдулла только кивнул головой, забыв об обычных для подобных ситуаций извинениях за причиненные неудобства.

Обрушившиеся одно за другим известия о найденной рукописи, убийстве Баума и аресте Саида окончательно перемешали взбудораженные сомнениями и неопределенностью мысли Абдуллы, и он не знал, как начинать разговор. Ему не хотелось ни о чем говорить. Ни о чем и ни с кем. Но отступить было поздно, и он должен либо подтвердить свои догадки, либо в очередной раз удостовериться в собственной беспомощности.

Не желая попадать в идиотскую ситуацию со своими умозрительными предположениями, Абдулла всю дорогу в лифте судорожно пытался придумать повод для своего визита к Тамаре Петровне. Наверняка она знает о том, что он занимается поиском рукописи. (Об этом теперь весь город знает!) Тогда можно будет расспросить ее о Бауме, Кузине и о самой рукописи.

Еще в прихожей Абдулла почувствовал запах каких-то благовоний, показавшийся ему знакомым. Но он был в таком состоянии, что не придавал этому значения. Не снимая пальто, Абдулла замер, в упор глядя на Тамару Петровну. Он ждал, когда она снимет шубу, чтобы увидеть черное платье.

— Ну, что же вы стоите, молодой человек? — кокетливо улыбнулась Тамара Петровна. — Помогли бы даме раздеться!

Абдулла пробормотал какие-то нелепые оправдания и подхватил довольно тяжелую шубу. На Тамаре Петровне было черное шерстяное платье, а на шее — красный платок. Шуба выпала из рук Абдуллы.

— Ах, как вы неловки, — вновь улыбнулась Тамара Петровна.

Абдулла неуклюже извинился и, пристроив шубу, последовал за хозяйкой в гостиную.

В гостиной Абдулла увидел огромное количество стекла: помимо большого, во всю стену зеркала, у другой стены располагался стеклянный сервант, все содержимое которого составляли величественной красоты сервизы. Абдулла насчитал их, по меньшей мере, три. На изящном

столике стояла голубая ваза, украшенная арабской вязью. В вазе были свежие, казалось, только что срезанные розы.

Абдулла уже почти минуту сидел в мягком кресле, уставившись на свои костлявые ладони. Что и говорить, не самый удачный момент для такого разговора — попавший в беду Саид и убитый Баум стояли у него перед глазами. Тамара Петровна сидела напротив и тоже молчала.

Наконец Абдулла осмелился взглянуть на Тамару Петровну.

— Итак, Абдулла Петрович, я вас слушаю, — сказала Тамара Петровна, поймав взгляд Абдуллы, — что же вас побудило прийти ко мне? — в вопросе Тамары Петровны не чувствовалось любопытства, скорее, это был формальный вопрос, заданный исключительно с целью поддержать не клеившуюся беседу.

— Неужели вы не догадываетесь? — Абдулла начал осторожно прощупывать почву для будущего разговора.

— А что, если я скажу «нет»? — игриво спросила Тамара Петровна. — Вы же мне все равно не поверите?

Абдулла молчал. Первый же его вопрос обернулся для него ловушкой.

— Тамара Петровна, — Абдулла замолчал, не находя нужных слов, — Аллах свидетель, я не хочу играть с вами в «угадайку».

— Пожалуй, вы правы, Абдулла Петрович, — охотно согласилась Тамара Петровна, — у меня тоже не так много времени для игрушек. Я вижу ваше смущение. Что ж, я позволю себе смелость начать нашу беседу и, если я неправильно вас поняла, прошу меня поправить. Вы пришли ко

мне, потому что я — единственный оставшийся в живых человек, который, по-вашему, что-то знает о рукописи?

Единственный, оставшийся в живых человек? Абдулла почувствовал себя неуютно в мягком, вызывающем сонливость у всякого оказавшегося в его объятиях, кресле. Откуда ей известно о смерти Баума? Или, может, она оговорилась?

— Что вас смущает, Абдулла Петрович? — спросила Тамара Петровна, вдоволь насладившись замешательством Абдуллы.

— Вы только что сказали, что вы — единственный оставшийся в живых человек, который что-то знает о рукописи, — неуверенно проговорил Абдулла.

— Ах, извините! — спохватилась Тамара Петровна. — Я совсем забыла про вас, уважаемый Абдулла Петрович! Вы тоже, альхамду лиЛля, живы.

— Вы сказали: «Альхамду лиЛля»?! — еще больше изумился Абдулла. — Вы — мусульманка?!

— Да, и причем давно, — неторопливо ответила Тамара Петровна.

— Аллаху 'азым! — не скрывая удивления, продолжал Абдулла. — Никогда бы не подумал.

— Как видите, внешность обманчива, — философски заметила Тамара Петровна.

— Да... Но когда вы сказали, что я... что я единственный... выживший... Вы забыли еще про одного человека — Илью Александровича Баума.

— Как?! Разве вы не знаете, что он убит? — на этот раз удивилась Тамара Петровна.

— Я-то знаю, но меня удивляет, откуда вы об этом знаете? — Абдулла внимательно

но смотрел на Тамару Петровну, но как ни вглядывался он в ее умные карие глаза, он не обнаружил в них никаких признаков смятения.

— Судя по вашему выражению лица, вы хотите узнать откуда? Не буду вас томить. Илья Александрович был убит по моему приказу, — Тамара Петровна произнесла эти слова спокойно, без пафоса и эпатажа. Лишь небольшая крупца жалости — то ли к покойному профессору, который был ее другом, то ли к самой себе, что ей пришлось пойти на убийство, то ли к Абдулле, что ему приходится выслушивать подобные вещи, — промелькнула в ее безупречно бесстрастном и от того еще более ужасном заявлении.

— Пр-простите, Тамара Петровна! Что вы сказали?! — пролепетал Абдулла, подавшись вперед всем телом. Тревога и острое предчувствие очередного и, как всегда, неприятного пинка судьбы вытеснили в Абдулле чувства скорби и безысходности.

— Я сказала, что Баум был убит по моему приказу, — хладнокровно повторила Тамара Петровна.

— Но это... это неправдоподобно! — воскликнул Абдулла, буквально подпрыгнув в кресле.

— Я и не заставляю вас верить, — ответила Тамара Петровна. — Мы с Ильей действительно когда-то дружили. Но есть вещи, ради которых можно пожертвовать даже дружбой. Вы не смотрите, что я практически не проявляю эмоций. Те сорок минут, которые вы меня ждали, я провела в борьбе с собой. С Ильей нас связывали долгие годы дружбы, и мне было нелегко принять решение о его ликвидации.

Я несколько раз под разными предлогами откладывала его устранение. Более того, его вообще не понадобилось бы трогать, если бы в дело не вмешались вы, Абдулла Петрович. И если бы опять не вы, не понадобилось бы ликвидировать Кузина.

— И его семью, — бездумно пробормотал Абдулла, расширенными глазами глядя на Тамару Петровну. Он не мог поверить, что все, что он слышит, следует воспринимать всерьез. Всего за какие-то несколько минут он узнал совершенно невероятные вещи, в реальность которых отказывались верить его сердце и разум.

— Да, и его семью, — цинично подтвердила Тамара Петровна. — Но вы, Абдулла Петрович, тоже в долгу не остались. Благодаря вам погибли шестеро наших людей. Так что будем считать, мы квиты.

— Что вы такое говорите... Мне не до шуток! Я вам не верю! — мотая головой, прокричал Абдулла.

— Знаете, Абдулла Петрович, мне бы тоже очень хотелось, чтобы это был всего лишь сон или неудачный розыгрыш, но, увы, это правда, — с грустью ответила Тамара Петровна.

— Я вам не верю! — размахивая руками, Абдулла вскочил с кресла. — Это просто... невозможно... Н-не может быть... Откуда вы вообще узнали про рукопись? Илья Александрович утверждал, что ни слова не говорил вам о ней.

— Да, Илья Александрович действительно ничего не говорил мне о рукописи.

— Значит, вы подслушивали! — воскликнул Абдулла.

— В определенной степени — да, — небрежно согласилась Тамара Петровна. —

Я видела, в каком возбужденном состоянии ушел Илья в тот день, когда наткнулся на рукопись. Я спросила его, что случилось, но он мне ничего не сказал. Я хорошо его знала и поняла, что он должен появиться еще. Так оно и произошло. На следующий день они пришли вместе с Андреем. У них был такой заговорщицкий вид, что я сразу поняла: дело серьезное. Они провозились с рукописью около двух часов, а я тем временем преспокойно наблюдала за каждым их действием из соседней комнаты с помощью скрытой видеокамеры и ноутбука. Заметьте, наблюдать за тем, чтобы читатели бережно обращались с рукописями, входит в мои служебные обязанности. Андрей с Ильей меня сильно удивили, когда решили похитить рукопись. Вот этого я от них действительно не ожидала, особенно от Баума. Я не стала препятствовать им. Я лишь приказала нашим людям отобрать у них рукопись в тихом месте, но было уже слишком поздно — нас опередили.

— То есть вы хотите сказать, что это не ваши люди напали на Кузина с Баумом?

— Нападение организовал сам Кузин и участвовали в нем дружки его сына.

— Я вам не верю, — пробормотал Абдулла.

— Это ваше личное дело, — Тамара Петровна жалостливо посмотрела на Абдуллу. — С вашего позволения, я продолжу. Кузин не посвящал меня в свои планы, но мне не составило особого труда узнать о них. Он собирался продать рукопись одному египетскому миллионеру, принявшему христианство. Тот задумал написать книжонку под названием «Опровержение ислама».

— Откуда вы это знаете? — недоверчиво спросил Абдулла.

— Мы установили прослушку всех телефонов Кузина: домашнего, рабочего, мобильного, — с готовностью пояснила Тамара Петровна. — Кроме того, с помощью специального и очень дорогого устройства в виде тараканчиков со встроенной техникой нам удалось прослушивать и наблюдать все, что происходило в квартире Кузина, включая туалет и душ. Таким образом, Кузин был у нас практически под полным контролем. То же самое мы сделали и с Баумом, но благодаря вашей, Абдулла Петрович, нерасторопности, он долгое время оставался не у дел. Честно говоря, я думала, что вы возьмете его на обыск к Кузину. К сожалению, нам не сразу удалось установить наблюдение за вами, это позволило бы избежать лишней крови...

— Наблюдение за мной?! — с негодованием перебил Тамару Петровну Абдулла.

— Ну да, — продолжала Тамара Петровна, словно говорила о чем-то обыденном и само собой разумеющемся. — Мы прослушивали ваши телефоны и просматривали электронную почту. То, что вы делали в туалете, нас не интересовало.

— Негодяи! — бросил ей в лицо Абдулла.

— У нас не было другого выхода, — не обращая внимания на эмоции Абдуллы, произнесла Тамара Петровна. — Мы должны были предпринять это хотя бы в целях собственной безопасности, а также во избежание лишних жертв. Поверьте, Абдулла Петрович, нам не нужны лишние жертвы.

Неясное и очевидное

— Лишние жертвы? — закричал Абдулла. — Сколько лицемерия в ваших словах, Тамара Петровна!

— Вы можете не верить, но это так, — казалось, чем более выходил из себя Абдулла, тем спокойнее становилась Тамара Петровна. — Возьмем того же Кузина. До того, как он отправился на вокзал, мы несколько раз связывались с ним, предлагая за рукопись гораздо больше, чем его египетский миллионер. Но он упорно отказывался. Мне кажется, он уже сам был не рад, что связался с этой рукописью и старался скорее ее сбыть. А тут еще вы со своим обыском. Кстати, хотите посмотреть на себя со стороны?

Абдулла в изумлении уставился на Тамару Петровну. Тамара Петровна, тем временем, нажала на пульт, и через несколько секунд Абдулла увидел Кузина, надевающего белую рубашку. Он что-то говорит жене (что именно — Абдулла не расслышал), но их разговор прерывается звонком в дверь. Вслед за тем Абдулла увидел подробную хронику своего пребывания в квартире Кузина с обыском. На пленке оказался зафиксированным даже мучительный разговор в кабинете Кузина.

Абдулла сидел пригвожденный к креслу, беззащитно вцепившись в подлокотники. Наконец он пришел в себя и, вскочив с места, бросился к Тамаре Петровне.

— Сядьте на место, Абдулла Петрович, и не валяйте ваньку! — Абдулла увидел неизвестно откуда взявшийся дамский браунинг, направленный ему в грудь. — Успокойтесь, иначе вы не узнаете самого интересного!

— Интересного?! — вскричал Абдулла. — Куда уж интересней! Лучше б вы меня сразу застрелили, чем рассказывали свои отвратительные истории!

— Не спешите умирать, Абдулла Петрович! — немного наигранно проговорила Тамара Петровна. — У вас еще вся жизнь впереди. Вы еще столько хорошего успеете сделать. Итак, вы позволите мне продолжить? — сказала Тамара Петровна, не опуская браунинга.

Абдулла сделал шаг назад и молча погрузился в кресло.

— На чем я остановилась? — Тамара Петровна извлекла из лежавшей подле нее на столике пачки сигарету и закурила. — Так вот, Кузин отказался продать нам рукопись, и нам ничего не оставалось делать, как отобрать ее. Первоначально никто не собирался убивать тех египтян на вокзале. Мы планировали дождаться, когда Кузин передаст им рукопись, а потом отобрать ее у них. Но наши люди сообщили мне, что за ними следят. Тогда мне ничего не оставалось, как разрешить им действовать по обстоятельствам. Мы не хотели, чтобы хотя бы часть рукописи попала в чужие руки, и ребята вынуждены были погибнуть. О том, что Кузин хранил рукопись в машине и перед встречей с египтянами разделил ее на три примерно равные части, мы узнали не сразу — он до самого конца был неслишком откровенен с домашними. Поэтому первое время мы были абсолютно уверены, что рукопись погибла. Я распорядилась снять наблюдение у дома Кузина, и вдруг посреди ночи мы узнаем, что Кузин куда-то собирается. С нашей техникой что-то случилось, и нам не

Неясное и очевидное

удалось получить более подробной информации. Ваша беседа с Баумом нам очень помогла. Я отправила группу в Мюллюпельто и на всякий случай связалась с московскими коллегами, чтобы они разыскали родственников Кузина в столице. Однако вы, Абдулла Петрович, оказались шустрее, чем я думала, и появились в Мюллюпельто слишком рано. По моим сведениям, вы собирились ехать на электричке.

— Электричку отменили, — пробурчал Абдулла.

— К сожалению, я об этом не знала, — со вздохом произнесла Тамара Петровна. — Поэтому наши люди не успели вовремя уехать.

— И вынуждены были принять неравный бой, — попытался съязвить Абдулла.

— А что касается сына Кузина, — продолжала, не замечая иронии Абдуллы, Тамара Петровна, — то мы здесь вообще ни при чем. Наши друзья отобрали у него рукопись в Москве, куда он прибыл сегодня утром, и больше он нас не интересовал. У него была треть рукописи. Другая треть погибла вместе с Кузиным в Мюллюпельто. И еще одна треть...

— Тогда кто же его убил?! — в недоумении воскликнул Абдулла.

— Аллах знает, — Тамара Петровна указала ладонью на потолок.

— А кто подкинул голову вместе с рукописью?! — не унимался Абдулла. — Я видел, с каким хищническим интересом вы наблюдали из окна за эффектом, который произведет ваша выходка. Вы даже забыли о конспирации.

— Зрелище и впрямь было незабываемое, — согласилась Тамара Петровна. —

Видели бы вы себя со стороны, Абдулла Петрович.

— Насчет головы — это была моя идея, — неожиданно прозвучал за спиной Абдуллы знакомый голос.

Абдулла резко обернулся и увидел стоявшего у входа в гостиную Козлова.

— Владимир Алексеевич?! — Абдулла буквально выпрыгнул из своего кресла. — Что вы здесь делаете?!

— Не поверишь — зашел за тобой, — смеясь, ответил Козлов.

— А., — Абдулла на несколько секунд потерял дар речи, — а... откуда вы узнали, что я здесь?

Вместо ответа Козлов весело переглянулся с Тамарой Петровной.

— Вы знакомы? — в ужасе протирая глаза, закричал Абдулла.

— Абдулла Петрович! — с укоризной, словно обращаясь к младенцу, произнесла Тамара Петровна. — Сядьте, пожалуйста, а то ваша нетерпеливость помешает вам узнать самое интересное. Как вы сами часто любите говорить, уберите ковер своего нетерпения в сундук ожидания, — Тамара Петровна извлекла очередную сигарету.

Абдулла машинально сел в кресло. Несмотря на приятную прохладу в комнате, он весь вспотел.

— Так вы что, заодно? — пробормотал он чуть ли не плачущим голосом.

— Можно сказать, что и так, — продолжал улыбаться Козлов.

— Но вы же... Вы же...

— Нет, уважаемый друг, — сказал Козлов, дотронувшись до плеча Абдуллы, — я разочарую тебя. Я — мусульманин, и так

же, как и вы с Тамарой Петровной, считаю, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — его Пророк.

Абдулла со злостью смахнул руку полковника со своего плеча.

— Но почему вы тогда скрывали это?!

— Это было в интересах нашей работы, — пояснил Козлов. — Моя вера от этого не только не пострадала, но и укрепилась.

— Особенно после убийства сына Кузина! — гневно заметил Абдулла.

— Мне нисколько не жалко неверного, поднявшего руку на ислам, — ни на секунду не сомневаясь в собственной правоте, ответил Козлов.

— Интересно, что плохого сын Кузина сделал исламу? — воскликнул Абдулла. — А профессор Баум тоже поднял руку на ислам?

— Во-первых, — вступила в разговор Тамара Петровна, — Илья начал о чем-то догадываться. За пару часов до вашей поездки в Мюллюпельто он позвонил мне и долго расспрашивал об Андрее. Судя по его вопросам, я поняла, что он меня подозревает.

— А что касается сына Кузина, то я посчитал, что он слишком много знает о рукописи, чтобы отпустить его живым, — добавил Козлов. — Пришлось даже в Москву ночью слетать.

Тамара Петровна удивленно и, вместе с тем, восторженно посмотрела на Козлова. По-видимому, она впервые услышала о ночном путешествии полковника.

— Вы — чудовища! — заревел Абдулла. — Какие вы мусульмане?! Да вас... вас прежде всего нужно уничтожить как главных врагов ислама!

— Не кипятись, Абдулла! — перебил его Козлов. — Праведного из себя пытаешься изобразить? А ведь у самого, признайся, не раз мыслишка появлялась поскорее найти эту рукопись, да и запрятать куда подальше.

— Вам не должно быть дела до моих мыслей, — возмутился Абдулла. — Я хотел узнать правду!

— Правду? — громко повторил Козлов. — А если бы эта правда поколебала твоё представление о Боге? Твою веру во Всемогущего Аллаха? Тебе лучше меня известно, что сомнение во всемогуществе Аллаха — страшнейшее преступление в исламе.

— Но Аллах не запрещает нам искать истину, — совсем упавшим голосом пролепетал Абдулла. Последние слова, произнесенные Козловым, больно полоснули его по сердцу. Разве не об этом думал он перед злополучной операцией в Екатерининском сквере?

— А что есть твоя истина, как не отрицание самого Аллаха? — перешел в контрнаступление Козлов. — Если следовать твоей логике, научно доказать факт существования Аллаха невозможно, а, стало быть, Его нет и все дозволено? Так, что ли? Или ты хочешь сказать, что одно дело — рукопись, другое дело — вера во Всевышнего?! Но разве ты забыл, к чему привели споры о «сотворенности» Корана? Если верить Бауму с Кузиным, согласно тексту рукописи Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует!) выступает всего лишь передатчиком слов христианского еретика Багиры. Это означает, что ставится под сомнение главный столп

Неясное и очевидное

ислама — шахада*. Шахада — это формула, которая неверна, если неверна хотя бы одна ее составляющая. Если неверно, что Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует!) — Посланник Аллаха, значит, ставится под сомнение и другая часть формулы, что нет Бога, кроме Аллаха. Ты это понимаешь?

— Что значит, если верить Бауму с Кузиным, — изумленно пробормотал Абдулла. — Вы что, даже не читали рукопись?!

— К сожалению, мы не очень сведущи в изучении древних рукописей, поэтому мы целиком доверились мнению таких авторитетных ученых, как профессора Баум и Кузин. К тому же, благодаря твоим стараниям, у нас не было времени на ее изучение.

— Что?! — в бешенстве воскликнул Абдулла. — Вы... Да вы — преступники! Где рукопись?!

— Рукописи больше нет, — сухо сообщил Козлов.

— Как нет?! — не поверил своим ушам Абдулла.

— Она уничтожена, — тоном, не терпящим сомнений, уточнил Козлов. — Сlišком много несчастий она принесла, и только Аллаху ведомо, сколько еще принесла бы.

— Несчастья приносят не рукописи, а те, кто использует их в своих интересах! — с раздражением бросил Абдулла. — Вы лжете! Где рукопись? Покажите мне ее!

— Если бы мы захотели использовать рукопись в своих интересах, то мы бы ее

* Шахада — первое и самое важное положение исламского символа веры. Выражается в формуле: «Нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммад — Посланник Аллаха».

давно продали, — неторопливо ответил Козлов. — Но мы действовали в интересах мусульман.

— В интересах мусульман?! — взорвался Абдулла. — Кто вас уполномочил действовать от имени всех мусульман? Кто вам дал право совершать свои преступления, прикрываясь интересами верующих?

— Абдулла Петрович, — опять вмешалась в разговор Тамара Петровна. — Скажите, пожалуйста, а кто уполномочил вас заниматься поиском рукописи? Насколько я знаю, это не входит в ваши служебные обязанности. Ведь это вы постоянно нарушали закон, начиная с обыска у Кузина и заканчивая откровенно бандитской разборкой в Мюллюпельто. Единственное, что придавало вам уверенности в собственной правоте, — это убежденность в том, что вы действуете в интересах мусульман. К сожалению, мне неизвестно, чтобы кто-то уполномочивал вас на совершение подобных действий. Ваши деяния тянут на многотомное уголовное дело. Сами понимаете, если у следствия не хватит улик, мы всегда сможем ему помочь.

— Вы меня шантажируете! — с презрением воскликнул Абдулла. — Как это мерзко!

— Шантажируем? — засмеялся Козлов. — Дурак! Да мы хотим, чтобы ты поскорее выбрался из того дерьма, в которое попал.

— Не смейте со мной так разговаривать! — закричал Абдулла. — Вы — сами дерьмо!

В ответ Абдулла услышал дружный смех Козлова и Тамары Петровны.

— Может быть, мне еще в ножки вам поклониться, что вы не отрезали мне голову и не подкинули моей семье? — с надрывом спросил разгоряченный Абдулла.

— Ты, как всегда, преувеличиваешь! — со знанием дела прокомментировал Козлов. — Мы бы такого никогда не сделали. Несмотря на то, что мы по-разному понимаем интересы ислама, мы с тобой — братья по вере, а кровь мусульманина, согласно словам Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), неприкосновенна. Аллах свидетель, мы всячески пытались показать тебе, что ты заблуждаешься, но ты не замечал наших намеков.

— Намеков в виде трупов и отрубленных голов?!

— Не только, — заметил Козлов. — Мы и через прессу пробовали тебя образумить, но, судя по твоим возгласам, голова в сумке впечатлила тебя больше всего.

— Подонки! — заорал Абдулла.

— Не кричи! — рявкнул Козлов. — Но ты остался глух к любым нашим намекам, и мы с Тamarой Петровной решили, что лучше всего будет откровенно с тобой поговорить. Я рассчитывал, что ты раньше догадаешься появиться здесь. А Баума не жалеет. Ради своего тщеславия он готов был пойти на любые сделки с совестью.

— Об этом вы будете говорить на суде. Клянусь Аллахом, вы ответите за все свои преступления! — угроза Абдуллы звучала жалко и неубедительно.

— Зря клянешься, — переглянувшись с Тamarой Петровной, усмехнулся Козлов. — Посуди сам, что ты можешь выдвинуть против нас? Ничего, кроме голословных утверждений о том, что мы тебе толь-

ко что рассказали. У тебя нет ни фактов, ни свидетелей. Зато у следствия против тебя столько улик, что тебя можно хоть сейчас отправить за решетку. Я даже не говорю о таких мелочах, как обыск у Кузина, сопровождавшийся угрозами и оскорблениями. Кроме того, ты пришел к Кузину с поддельными документами — статья 143 (подделка документов). За все это можно смело получить два года. Идем дальше: соучастие в убийстве (это я про Московский вокзал). Статья 111 пункт 2: до десяти лет с конфискацией. Смотрим дальше: Мюллюпельто. Помимо убийства трех наших тебе можно вполне впаять срок за убийство Кузина и его жены. Это вообще на двадцать лет тянет. Ну, и, наконец, кульминация всего — убийство профессора Баума, по которому вы с Саидом — единственные подозреваемые. Статья 111 пункт 1 — до пятнадцати лет. Тут, брат, уже вышка. Просто серийный убийца-маньяк. Таких у нас сейчас не милуют.

— Так вот зачем вы убили Баума! — крикнул Абдулла.

— Баум мертв, поэтому не будем говорить о том, кого уже не вернуть, — закурив еще одну сигарету, сказала Тамара Петровна. — А вот своего друга Касумова вы еще можете спасти. Одно ваше слово, и он будет на свободе.

— Я не собираюсь принимать ваших условий! — неумолимо бросил Абдулла.

— Мы не ставим тебе никаких условий, — устало протянул Козлов. — Успокойся и иди домой. Все кончено. Единственное, что ты можешь сделать, это — застрелить меня и Тамару Петровну, но я со-

мневаюсь, что тебе захочется оставить свою семью без кормильца. Иди домой, Абдулла!

Абдулла сидел, не шелохнувшись, в кресле.

— Вы действительно уничтожили рукопись? — спросил он после почти минутного молчания.

— Да, клянусь Аллахом, — подтвердил Козлов и подошел к стилизованному под старину камину. — Вот здесь она нашла свое последнее пристанище. Абдулла, помнишь хадис о том, что «дозволенное — очевидно и запрещенное — очевидно, а между ними находится неочевидное»? «Тот, кто остерегается неочевидного, сохраняет в чистоте свою веру и честь. Тот же, кто впадает в смутное и сомнительное, подобен пастырю, пасущему скот вблизи заповедного места, куда он того и гляди вступит». Мой тебе совет, Абдулла, избегай неясностей, и тебе самому будет легче. Сегодня же твой Саид будет на свободе. В газетах появятся опровержения и извинения за недостоверные публикации и обвинения в ваш адрес. И насчет рукописи не беспокойся. Та, что лежала вместе с головой сына Кузина, — шестнадцатого века. Я за нее три миллиона выложил. На днях Кошкин торжественно передаст ее в библиотеку. Ему — слава, а нам, наконец, — заслуженный покой...

Домой Абдулла шел пешком. Началась метель. Крупные снежинки падали на разгоряченное лицо Абдуллы, мгновенно превращаясь в маленькие капельки.

Оказавшись на набережной, Абдулла спустился к реке по мокрым гранитным ступеням. Он сразу узнал это место. Не

сдав свой первый экзамен в университете, он пришел сюда, чтобы разделить свою печаль с замерзшей рекой. Тогда ему было стыдно и неприятно, что он не смог достойно пройти первое серьезное испытание в жизни. И он решил, что непременно докажет себе и всем, что он способен исправить свои промахи. Но тогда все зависело только от него самого...

Абдулла долго сидел на холодных ступеньках, пока не понял, что окончательно промок и продрог. Благо до дома оставалось совсем немного. Елочного базарчика уже не было, от него остались лишь неубранные ветки и стволы. Завидев собственную парадную, Абдулла ускорил шаг. Остановиться его заставило лишь появление на его пути странного вида мужчины в надвинутой на лоб ушанке и поднятым воротником старомодной лисьей шубы. Лица его почти не было видно.

— Здравствуйте, Абдулла Петрович! — почтительно произнес незнакомец.

Услышав свое имя, Абдулла вздрогнул.

— Извините, что беспокою вас в нерабочее время, — незнакомец заломил шапку, обнажив абсолютно лысый череп, — но у меня очень срочное дело. Только вы можете мне помочь.

Абдулла продолжал стоять, устало щурясь и напрасно пытаясь разглядеть лицо незнакомца сквозь сотни проносившихся мимо снежинок.

— Простите, но я сейчас временно не работаю, поэтому ничем не могу вам помочь, — раздраженно ответил Абдулла и пошел дальше.

Неясное и очевидное

— Но это неважно, — не отставая от Абдуллы, вежливо возразил незнакомец. — Я вам сейчас все объясню...

— Не надо мне ничего объяснять! — резко оборвал его Абдулла. — Я же сказал вам, что уже не работаю! Меня, может, вообще завтра в тюрьму посадят.

— Вас?! — удивился незнакомец. — Вы шутите!

— Нет, — недовольно буркнул Абдулла. — Извините, мне сейчас не до этого.

Абдулла быстро зашагал к парадной. У входа он обернулся. Незнакомец продолжал топтаться на том же месте, где он его оставил с шапкой в руках. Простояв несколько секунд в нерешительности, Абдулла отпустил дверную ручку и сделал несколько неуверенных шагов в обратном направлении. Незнакомец, не скрывая своей радости, поспешил ему навстречу.

Порывшись в карманах промокшего пальто, Абдулла, наконец, извлек помятую мокрую визитку.

— Вот, возьмите, — сказал он, глядя куда-то в сторону, — позвоните завтра... Может быть, мы с вами что-нибудь придумаем, иншаалла...

Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву.

Екклесиаст, 9: 4

Прохладная просторная зала скриптория* позволяла забыть об обжигающем полуденном солнце. Но человека, склонившегося за столом над ветхой, на вид необычайно древней рукописью, мало беспокоило, какое время года заглядывало к нему сквозь узкие ушные раковины монастырских окон. Вот уже второе лето он не выходил из этих отуманенных грустью стен, занятый своей каждодневной кропотливой работой.

По правую руку от него расположился другой человек, также погруженный в изучение какой-то рукописи. Специальным распоряжением аббата оба монаха были освобождены от повседневных монастырских обязанностей, в том числе физических трудов, предписанных каждому члену братства уставом обители. Кроме самих монахов, о содержании их работы было известно еще трем людям: аббату их монастыря, архиепископу Толедскому и самому папе.

Молчаливый брат, имени которого ни Себастьян, ни Диего не знали, приносивший им каждое утро из соседствовавшей со скрипторием библиотеки пергамен, бумагу, кисти и краски, едва ли догадывался о том, чем сутки напролет занимаются эти два трудолюбивых монаха. Впрочем, судя по выражению его слегка надменного, со следами не столь уж далекой мирской

* Скрипторий (от лат. *scriptorius* — писчий) — помещение для переписки рукописей в монастырях Западной Европы.

жизни лица, сердце молчаливого брата занимали куда более приземленные материи.

Брат Диего и брат Себастьян представляли собой слаженный и гармоничный коллектив. Про таких в народе говорят: живут и работают ноздря в ноздю, душа в душу.

Что бы ни происходило в монастыре или за его стенами, работа не прерывалась ни на один день. Только недомогание какого-нибудь из двух монахов способно было на некоторое время приостановить казавшийся вечным, как душа, и тяжелым, как бремя человеческих грехов, трудовой процесс.

Брат Диего неторопливо выводил взлохматившиеся, а порой даже оцетинившиеся змейки букв на пустом листе повидавшего виды пергамента. Подле него неизменно находился образец, — занимавший сорок листов пергамена, скрепленных в кодекс, фрагмент текста, представлявший собой неплохо сохранившуюся часть рукописи Корана VIII века от Рождества Христова.

Другая рукопись — на все еще редкой в те времена бумаге, была создана совсем недавно — лет десять назад. Это также был Коран, но Коран необычный. Его главы отличались от общепринятого среди сарацин текста не только своим количеством, порядком расположения, но и содержанием.

Оба монаха, трудившиеся над рукописью, долгое время жили в мавританских* землях и в совершенстве овладели искусством переписки главной книги сарацин на

* В средние века христиане на территории Пиренейского полуострова называли мусульман «маврами» и «сарацинами», зачастую используя оба эти слова в качестве синонимов.

арабском языке. Там же они освоили премудрости сарацинской веры, изучив многочисленные книги по истории ислама, фикху, каламу* и другим наукам, необходимым для глубокого знания магометанского учения. Когда же они вернулись в Сарагосу, своей ученостью и познаниями в сарацинской вере они могли заткнуть за пояс местных мавританских улемов и факихов. Но не ради состязания с сарагосскими богословами Себастьян и Диего совершили долгий и опасный путь через неведомые земли, продлившийся без малого пять лет.

Отдохнув два дня после дальних странствий, братья явились по вызову к аббату и в тот же день приступили к работе. Ежедневно монахи трудились над рукописью с половины четвертого утра — после заутрени — до двенадцати часов дня. Затем, позавтракав в трапезной черным хлебом с водой, братья возвращались в скрипторий и работали до пяти часов пополудни. Отведав около пяти вечера горячей чечевичной похлебки, монахи продолжали работу до самых сумерек. В летнее время к их трапезе прибавлялись яблоки и иные съедобные плоды. Зимой и в пост Диего и Себастьян питались один раз в день — в два-три часа дня или на закате солнца.

Всякий раз, когда брату Диего требовался новый лист пергамена, он вызывал дежурившего у входа в залу безымянного монаха и тот, незамедлительно явившись, со всеми предосторожностями уносил исписанный лист и приносил новый, чистый.

P. S.

* Калам (‘ильм аль-калам) — наука, дающая догмам ислама толкование, основанное на разуме, а не на следовании религиозным авторитетам (таклид).

Так продолжалось почти два года. Написание каждой буквы, каждого значка требовало огромного труда. Иногда при всей витиеватой идеальности выводимых братом Диего букв, брат Себастьян, молчаливо склонившись над свеженаписанным текстом, недовольно качал головой. По его мнению, характер написания элементов некоторых букв отражал более позднюю традицию письма, незнакомую в первые века распространения магометанской веры. И брат Диего, тяжело вздохнув, смиренно и еще более скрупулезно переписывал забракованный фрагмент.

Около семи лет назад их вызвал к себе аббат и объявил, что им поручается ответственная миссия. Братьям предстояло освоить сарацинское богословие и премудрости арабского письма, чтобы, вернувшись домой, взяться за составление рукописи Корана по образцу, одобренному Его Святейшеством папой. Данная мистификация преследовала, по мнению архиепископа и аббата, великую и благородную цель — дискредитацию нечестивой сарацинской веры и представление ее в качестве лживой компиляции христианской религии. Зачем это было нужно, братьям было понятно и без туманных объяснений аббата. Победить сарацин одной силой оружия пока невозможно. Их много и они сильны. Сильны во многом благодаря уверенности в правоте своей веры. Немногочисленные полемические сочинения, созданные в Европе, неспособны пошатнуть эту непоколебимую уверенность. К сожалению, приходится признать, что в подобной полемике последнее слово все равно остается за сарацинами — они зачастую лучше знают христианскую веру, чем христиане — сарацинскую.

Значит, — решили в Риме, — увесистое дерево можно свалить, основательно повредив его корни. Необходимо нанести удар по основам сарацинской веры.

Благословив братьев в дальний путь, аббат велел выдать им целое состояние — 1000 солидов. Для пущей убедительности монахи отправились на Восток под видом сарацинских купцов из Сарагосы, занимающихся собиранием старинных рукописей. Брат Диего, сам в прошлом исповедовавший сарацинскую веру и долгое время служивший писцом у кади в мудехарской* альхаме** Уэски, после добровольного крещения не забыл особенности и тонкости магометанского вероучения, знания которых требовала не столько его прежняя должность, сколько его любознательность. Брат Себастьян, свободно владевший языком Магомета, неплохо разбирался в особенностях письма мавров. Сам он был родом из мосарабской*** семьи Валенсии и о мавританской вере знал не понаслышке.

Поэтому двум цистерцианцам было не так сложно превратиться в странствующих купцов-библиофилов. В те времена в христианских королевствах было немало авантюристов, свободно владевших арабским и романсе**** и постоянно курсиро-

* Мудехары — мусульманское население, оставшееся на завоеванных христианами в ходе реконкисты землях и продолжавшее исповедовать ислам.

** Альхама — мусульманская община на территориях, находившихся под властью христианских королей в средневековой Испании.

*** Мосарабы — христианское население Пиренейского полуострова, жившее под властью мусульманских правителей и воспринявшее арабский язык и арабскую культуру. В ходе реконкисты долгое время сохраняли особый статус в христианских королевствах.

**** Романсе — совокупность диалектов на территории современной Испании, возникших в первые пять столетий реконкисты на основе латыни с примесью иностранных слов.

вавших под видом купцов или кого-нибудь еще из христианских земель в мавританские и обратно. Иногда короли поручали этим бродягам важные щекотливые поручения, справедливо полагая, что лучше этих каналов с подобными делами никто бы не справился.

Невероятные странствия Диего и Себастьяна по мавританским землям поистине были достойны того, чтобы занять место рядом с путешествиями знаменитого Синдбада, случись они на несколько веков раньше: на них нападали пираты, дважды они были проданы в рабство, дважды бежали из плена, правитель Томбукту — ревностный магометанин — приговорил их к смертной казни, и только поручительство одного купца-еврея, обратившегося в сарацинскую веру, ошибочно заподозрившего в монахах своих бывших единоверцев, спасло им жизнь.

Но с возвращением в монастырь приключения монахов не закончились. Теперь им предстояло другое, не менее интересное путешествие — в мир букв, каждая из которых отличалась от других если не именем, то своим внешним обликом. Так, например, буква «ба», в начале слова походившая на рыболовный крючок, в середине напоминала наконечник стрелы, а в конце слова уподоблялась массивной челюсти их престарелого аббата...

К концу второго года после возвращения братьев работа над рукописью подходила к завершению. Предпоследняя по порядку, предложенному в образце, присланном из Ватикана, сура, аккуратно, с философской неспешностью выводимая братом Диего, обреченно напоминала о

предстоящем окончании почти двухлетней работы.

В этот день брат Диего написал гораздо меньше обычного, а днем ранее — меньше, чем накануне. Но как ни медли, как ни отодвигай час безутешного прощания с трудным и от того еще более любимым детищем, а рукопись надо заканчивать. За эту неделю аббат два раза наведывался к нему поинтересоваться ходом работы. Еще день-два, и все будет кончено.

Брат Диего отложил кисть, потер уставшие глаза и позвал безымянного монаха, дежурившего у входа в скрипторий. Тот не замедлил явиться, и это означало, что Диего и Себастьян могут быть свободны. До утра.

Отправляясь спать после изнурительной работы над рукописью, брат Себастьян всякий раз старался хорошо выспаться, чтобы со свежими силами продолжить труд на следующий день. Обычно он сразу засыпал, едва только его тело касалось жесткого ложа. Но в эту ночь сон отказывался соединяться с изнуренным телом брата Себастьяна.

Не спал и брат Диего. Беспokoйно ворочаясь с боку на бок, он столь же отчаянно пытался предать себя сну, как когда-то десять лет назад отчаянно и бесповоротно предал себя христианской церкви.

Семья Дауда (так тогда звался Диего) не стала покидать Уэски после ее завоевания Арагоном, поверив в привилегии, дарованные короной. Маврам разрешалось исповедовать свою религию. Особой грамотой короля мавры города были взяты под его личную защиту.

Но однажды все вдруг переменилось, и прежняя жизнь, размеренная и спокой-

ная, неторопливо проходившая под благословенным небом Уэски, перестала радовать Дауда. Он влюбился. Казалось бы, что в этом плохого? И дело даже не в том, что у него уже была жена. Сарацинская вера не запрещала иметь несколько жен. Но его возлюбленная была христианкой, и ее родственники ни за что не согласились бы отдать дочь за мавра. Однако любовь есть любовь, и Дауд с Марией продолжали тайно встречаться — до тех пор, пока их не заметили вместе соседи Дауда по альхаме. По законам мавров ему грозила смертная казнь или, в лучшем случае, продажа в рабство.

Но юноша был молод и хотел любить, а не умирать. У него было два выхода: или бросить все и бежать с возлюбленной в дальние края — по большому счету — в никуда, подвергая опасностям себя и Марию, или же остаться на родине и сохранить жизнь и любовь, приняв новую веру. Обратившиеся в христианство мавры — неважно, добровольно или принудительно — освобождались из-под юрисдикции мудехарской альхамы. Для Дауда это был единственный шанс избежать смерти.

Через несколько дней после крещения новообращенный католик Диего обвенчался с Марией в церкви Святой Марии де Салес в многолюдной Сарагосе, куда молодожены перебрались подальше от неодобрительных взглядов уэских мудехаров.

Дела их, можно сказать, шли успешно. Диего устроился писцом и переводчиком с арабского в канцелярию королевского прокуратора, а Мария занималась рукоделием и продавала свой товар на городском рынке. Но, как известно, счастья никогда не бы-

вает много. Беда внезапно поразила их, как укус ядовитого животного.

Однажды, вернувшись с работы, Диего не застал дома Марии. Может быть, на рынке или у соседок, — подумал Диего и, не обнаружив на столе всегда поджидавшего его вкусного ужина, съел то, что попало под руку. Но и к концу ужина Мария не появилась. Просидев в бесполезном ожидании весь вечер, Диего отправился на поиски любимой. Никто из соседей не видел ее. Диего исходил весь город, был на рынке, но так и не встретил Марии. Навстречу ему попадались лишь подгулявшие весельчаки да стаи бездомных и вечно голодных собак.

Когда Диего, тяжело передвигаясь, вернулся под утро домой, его кто-то окликнул. Диего встрепенулся. Ему показалось, что он ослышался. Но его вновь окликнули. Оглянувшись, Диего увидел старуху, которая жила в соседнем доме.

— Не ищи ее, сынок, — прошамкала она, тяжело вздохнув. — Мария у герцога.

— Что?! — Диего схватил старуху за ветхие плечи. — Где?!

— У герцога. Я сама видела. Ее похитили его люди.

Через час запыхавшийся Диего уже стучался в ворота герцогского замка, возвышавшегося невдалеке от города на левом берегу Эбро. На удивление, ворота открылись почти сразу и вслед за тем два крепких стражника повалили Диего на землю и стали избивать его увесистыми башмаками. Протащив обмякшее беспомощное тело Диего по путаным лабиринтам замка, охранники швырнули его на каменный пол в забытом Богом сыром подвале.

P. S.

Возможно, Диего так и сгинул бы в катакомбах герцогского замка, но его спасло вмешательство королевского прокуратора, при котором состоялся крестившийся мавр. Диего освободили, и только тогда он узнал, что случилось с его несчастной возлюбленной. Герцог, молодой прожигатель жизни, любитель охоты и женщин, заметил ее, когда направлялся к одной из своих любовниц, проживавшей на той же улице, что и Диего с Марией. Выждав, когда Диего не будет дома, приближенные герцога похитили Марию и привезли ее в замок. Герцог надругался над ней. Чтобы отомстить за свою честь, Марии пришлось изобразить смирение. Она упросила герцога остаться ночью подле нее, чтобы ей было не так страшно. Дождавшись, когда утомленный сопротивлением Марии и выпитыми бокалами вина герцог уснет, Мария заколола его кинжалом (герцог был страстным любителем оружия и все стены замка были увешаны всевозможными мечами и кинжалами). На крик умирающего герцога в спальню ворвались стражники, но прежде, чем они успели схватить Марию, она нанесла себе смертельный удар в сердце...

Собрав все, что мог унести его безропотный, давно ничему не удивлявшийся мул Аделантадо, и он сам, Диего в тот же вечер покинул город. В таких случаях в сказках говорится: шел куда глаза глядят. Диего не знал, куда он идет, потому что ему просто некуда было идти. К вечеру он добрался до какого-то постоянного двора, где и решил провести эту ночь, возможно, последнюю в его жизни. Мысль о самоубийстве возникла у него еще в подвале

герцогского замка и продолжала, время от времени, пощипывать его натянутые нервы.

Хозяин двора с трудом отыскал для Диего убогую комнатенку рядом с кухней, пропитанную запахом пищи. Мула пристроили в хлеву за отдельную плату.

Запершись в комнате, Диего обратился к размышлениям. Разговор с повстречавшимся ему нынче по дороге цистерцианцем занимал его голову не один час. Монастырь! Шутка ли. Сказал бы ему кто о том, что он захочет в монастырь всего каких-нибудь пару дней назад — он рассмеялся бы в лицо этому человеку! Но теперь все изменилось, и слова монаха заставили Диего задуматься. Может быть, сам Господь послал ему этого человека, несколькими своими фразами заставившего его отбросить прочь мысль о самоубийстве?

Неизвестно, то ли монах производил приятное впечатление, то ли Диего был в таком состоянии, что ему непременно надо было высказаться, но едва только у них завязался обычный для случайных попутчиков разговор, как бывший писец рассказал монаху свою печальную историю, не скрывая своего желания поскорее расстаться с этим миром.

Монах внимательно выслушал Диего.

— Странно ты рассуждаешь, сын мой, — произнес он столь же размеренно, сколь размеренными были его шаги, преодолевавшие полный неудобств путь. — Твое состояние мне понятно. Но ты сейчас не можешь принимать здравые решения. Не спеши погибать — это ты всегда успеешь в наше беспокойное время. Своим поступ-

P. S.

ком ты приблизишь конец твоего пребывания в этом мире и освободишься от гнетущих тебя забот, но ты сделаешь невозможным встречу на том свете с той, что тебе так дорога. Твоя Мария, наверняка, уже в Раю и с нетерпением ждет тебя там. А ты своим безумным поступком хочешь лишиться ее радости встречи с тобой. Твои слова подтверждают, что ты еще не заслужил того, чтобы попасть в Рай. Мой тебе совет: если сможешь, смирись и продолжай жить так, как жил раньше, а если не можешь — удались от тягот и соблазнов этого мира в обитель добродетели и благонаравия...

Прошло почти десять лет. Брат Диего быстро завоевал авторитет и уважение братства своим трудолюбием и усердием в служении Господу. Но пытливый ум Диего не мог долго оставаться без знаний — самой сытной пищи в умиротворенных стенах монастыря. Диего стал проводить много времени в богатой монастырской библиотеке, изучая христианскую догматику. Благодаря хорошей памяти и трудолюбию, он быстро освоил труды христианских богословов. Сам аббат стал обращаться к нему за консультациями. Слава об учености Диего вскоре выпорхнула за пределы монастыря. Поэтому, когда возник вопрос, кому следует поручить работу над рукописью, первым, о ком вспомнил архиепископ, был Диего.

Диего молча выслушал слова архиепископа и аббата и беспрекословно подчинился — не спрашивая и не задумываясь. Он уже давно привык к тому, что кто-то принимал решения, а он их бездумно и беспрекословно выполнял. Так было лучше. Так было легче. Это позволяло за-

быться, не думать о том, что делаешь, будешь делать или когда-либо делал. Но на этот раз поручение, данное Диего, отличалось от тех, что ему приходилось выполнять раньше. Не думать о том, что делаешь, было невозможно. Слишком о многом напоминала ему разложенная перед ним рукопись...

Тогда, почти двадцать лет назад, Диего недолго мучили угрызения совести из-за того, что ради любимой женщины он оставил веру своих предков, жену. Он был молод и вряд ли понимал, что совершает. Прошедшие годы не прибавили Диего религиозности, но дали возможность по-иному посмотреть на свою жизнь. С недавних пор — после возвращения с Востока — Диего не оставляло чувство, что его уход в монастырь десять лет назад — это не шаг навстречу Богу и праведной жизни, а то, что Иоанн Кассиан называл обращением в монастырь *ex necessitate* (в силу необходимости). Необходимость заставила его принять христианство, та же необходимость заставила его пойти в монастырь.

Раньше он убеждал себя, что принял христианство, чтобы получить законную возможность быть рядом с Марией. Он ушел в монастырь так же для того, чтобы быть с ней, но уже на том свете. И все, что он делал в монастыре, производилось с одной только целью — своими поступками сделать их встречу в Раю максимально возможной. Но ведь когда он был мусульманином, он тоже стремился поступать так, чтобы попасть в Рай, и до встречи с Марией старался совершать те действия, которые считались дозволенными, и стремился избегать тех, которые именовались

запретными. Однако если бы он продолжал вести такой же образ жизни после крещения, дорога в Рай ему была бы заказана, равно, как и наоборот: если бы он до принятия христианства жил, как живет сейчас, едва ли его жизнь можно было назвать правильной с точки зрения магометанства.

Ислам запрещает пить вино, но разрешает многоженство. Христианство же, наоборот, преследует многоженцев, но дозволяет вино. Что же это означает? У мавров — свой Рай, а у христиан свой? Или, может быть, дело в нем самом? И он не узрит Рая, потому что он не ищет его? Разве любовь спасал он, когда обратился в христианство? Он спасал свою жизнь, ибо если бы ему ничего не угрожало, он так и продолжал бы жить на две семьи, мирясь с тем обстоятельством, что родственники Марии не хотели выдавать дочь за мавра. Нет, не ради Марии он поверил монаху и ушел в монастырь. Просто ему, ставшему чужим и для своих, и для чужих, не хотелось накладывать на себя руки. Не ради спасения своей души он стал христианином и монахом, а ради спасения своего тела. И все, что он делал в последнее время, он делал не для Бога, не для Марии, а для себя. Умерщвляя свою плоть, он только и думал о ее благополучии и сохранении. Стараясь забыть и не думать о своем горе, он, сам того не заметив, стал забывать о той, ради которой, как он ошибочно думал, пошел в монастырь.

Ему быстро понравилось, что за свои познания он получил уважение братства, и он стал стремиться узнать еще больше, чтобы его еще больше уважали. Когда аббат отлучался из монастыря, своим заме-

стителем он назначал Диего — в обход устава обители. Архиепископ сообщил ему, что папа уже наслышан о двух даровитых цистерцианцах, и по окончании работы над рукописью их с Себастьяном непременно призовут в Рим. И он покорно согласится и поедет в Вечный город, готовый к выполнению новых заданий...

В три утра брат Себастьян проснулся и увидел, что ложе Диего рядом с его скамьей пусто (келий у цистерцианцев не было и все монахи спали в общей комнате). Может, в скриптории, — решил брат Себастьян, но брата Диего в скриптории не оказалось. Перепугавшись, брат Себастьян поспешил в библиотеку, но та также была безлюдна. Куда-то исчез и молчаливый монах.

Чтобы побороть волнение, брат Себастьян стал медленно вышагивать по зале, считая свои неуверенные шаги. Он насчитал их более ста, прежде чем появился аббат. Он был хмур и молчалив, хотя еще вчера не скрывал своей радости по поводу грядущего окончания работы над рукописью. Брата Себастьяна больно кольнуло под сердце. Нет, неспроста всю ночь его терзали какие-то отвратительные видения. А тут еще зуб разболелся. Так и есть: что-то случилось.

Аббат молча прошествовал в центр залы и остановился напротив вросшего в пол брата Себастьяна. Некоторое время он пристально смотрел в глаза монаху. В этом взгляде были и гнев, и испуг, и безысходность, и жажда возмездия. И брат Себастьян все понял. Он сделал шаг назад, смиренно потупил взор и едва слышно произнес: «На все воля Божья!» «Аминь!» — не своим голосом ответил аббат...

P. S.

Престарелый аббат уже довольно давно тешил себя мыслью, что он научился неплохо разбираться в людях и предугадывать все то, что они могли натворить, ведомые коварными бесовскими силами. В случае с братом Диего прозорливость Его Высокопреподобия оказалась не на высоте.

Но не это печалило аббата. Его Высокопреподобие отлично понимал, что если он не отыщет Диего, не вытащит его, если потребуется, даже из глубин Преисподней, новый папа с ним церемониться не будет. Хорошо известно, как он поступает с провинившимися. Оказаться на старости лет в объятиях Святой инквизиции — не самый лучший исход для человека, всю жизнь отдавшего служению Господу.

Ладно бы еще только рукопись пропала, так ведь еще человек из Рима, которого не понаслышке знает новый папа — уроженец Валенсии, погиб. Насилу сундук вскрыли. И двух часов там не пролежал, а запашище такой — хоть святых вон выноси!

Собравшись с духом, аббат вышел к братии, среди которой уже успели расползтись невероятные слухи об исчезновении Диего и гибели безымянного монаха, и, старясь казаться невозмутимым, призвал всех молиться за похищенную бесами душу их брата. Презирая подробности, аббат поведал монахам, что брат Диего, наущаемый Дьяволом, совершил смертоубийство, похитил ценную рукопись и бежал с нею из стен монастыря.

— Нам нужно как можно скорее вернуть его, пока он не впал в еще большие прегрешения! Об одном молю: держите

язык за зубами и не распространяйтесь о постигшем нас несчастье более, чем этого потребует нахождение рукописи, — закончил свое выступление аббат. Что-то подсказывало ему, что брат Диего не уничтожил рукопись.

В тот же день большое число монахов, облаченных в дорожные серые плащи вместо более привычных белых, покинуло обитель, растекаясь в разные стороны света в поисках полоненного бесовским отродьем брата Диего.

Истоптавшие своими ботинками из бычьей кожи весь Пиренейский полуостров, цистерцианцы так и не обнаружили ни рукописи, ни брата Диего. Трудолюбивые братья добрались даже до андалусского Палоса, успев помахать вслед каравеллам будущего адмирала Колумба, направлявшимся в поисках западного морского пути в Индию.

Проводив мореходов, утомленные долгими пешими переходами братья вернулись на постоянный двор, не подозревая, что на одной из каравелл плыл одержимый бесами брат Диего вместе с помещенной за пазуху таинственной рукописью...

В ту ночь брату Диего действительно не спалось: решение, к которому он шел последние два-три месяца, наконец, созрело. Оставался еще один день... Задремал Диего уже под утро.

Ночные размышления не прошли даром, и ему привиделся странный сон. Диего казалось, будто он блуждает по гигантскому лесу, из которого тщетно пытается найти выход. Ему становится холодно, и, чтобы согреться, он собирается растопить костер рукописью Корана, ко-

торую держит в руках. Но прежде, чем он успевает сделать это, перед ним объявляется странного вида фигура в истлевшем, пахнущем могилой монашеском одеянии.

— Кто ты?! — кричит перепугавшийся Диего.

— Монах Багира, — загробным голосом отвечает незнакомец и без лишних церемоний принимается душить Диего неизвестно откуда взявшейся веревкой.

Диего понимает, что уже близок к смерти. Монах тотчас же перестает его душить и стремительно удаляется прочь.

— Что же мне теперь делать? — хрипит Диего.

Монах, не оборачиваясь, что-то отвечает ему, но Диего не слышит и разбирает всего одно слово: то ли «паллос», то ли «фаллос»...

Пробудившись, Диего опять впал в беспокойные размышления. Что может значить этот таинственный сон? Почему монах Багира душил его? Не за то ли, что он возвел на него напраслину в поддельной рукописи? Значит, не зря задавался он в последнее время одним и тем же вопросом: зачем? Зачем он позволил втянуть себя в эту отвратительную комедию с рукописью?

Старясь не делать шума, Диего поднялся с ложа. Безымянный монах лежал в другом конце залы между братом Бонифацием и братом Иларием и, кажется, спал. Ключ от сундука, где хранилась рукопись, находился у него на поясе. Осталось протянуть руку и... В тот момент, когда Диего уже почти отсоединил связку ключей от тела безымянного монаха, тот зашевелился и приоткрыл глаза. Нисколько не смутившись, Диего ловко стукнул монаха по-

ниже шеи, как его учил один суфийский дервиш в Каире... и монах перестал шевелиться.

Диего без труда отыскал в библиотеке, примыкавшей к скриптории, сундук, скорее похожий на средних размеров шкаф, чем собственно на сундук. После того, как он два дня подряд следил за безымянным монахом, сделать это было не так сложно.

Замок не поддавался. Увлеченный борьбой с упрямым замком, Диего не заметил, как в залу ворвался пришедший в себя безымянный монах.

— Что ты здесь делаешь, собачье семя!? — закричал он отвратительным голосом и вцепился Диего в горло. Не выпуская из правой руки ключей, Диего со всей силы ткнул тщедушного монаха кулаком в грудь и тот, отлетев в сторону, ударился головой о сундук — тот самый, в котором хранилась рукопись и который тщетно пытался отворить Диего.

Диего в ужасе замер, ожидая, когда упавший монах поднимется на ноги. Но тот и не думал. Бормоча что-то неопределенное, Диего склонился над монахом и только тогда понял, что тот безо всякого сомнения отходит.

— Господи, Господи! — испуганно зашептал Диего. — Прости меня, Господи!

Несмотря на всю свою досаду на молчаливого брата за то, что тот хотел придумать его, Диего понимал, что ни в коем случае нельзя отпускать душу монаха без напутственного причастия.

— Тебя как зовут, раб Божий? — спросил Диего, опустившись перед умирающим на колени.

— Гуго...

— Прости меня, Гуго, если можешь, —
Диего приготовился сотворить молитву.

— Да будь ты проклят, гад! Ты всех нас
продал, — прошипел монах и испустил
дух...

Диего еще некоторое время без всякого
движения стоял на коленях перед ново-
преставленным рабом Божьим. Поводов
для печали было предостаточно: мало то-
го, что брат Гуго ушел непричастным, так
он еще напоследок и проклял его, Диего.

Господи, неужели сон в руку? Но во сне
он никого не убивал! Наоборот, его самого
чуть не убили. Диего с остервенением Ка-
ина, только что лишившего жизни брата,
набросился на замок и тот, наконец, под-
дался. Вот она!

Господи! А дальше что? Надо бежать!
Теперь, после убийства приставленного
Святым Престолом монаха, ему не сдоб-
ровать. Запрятав рукопись за пазуху, Дие-
го уже собирался покинуть библиотеку,
но, вспомнив о брате Гуго, остановился.
Схватив в охапку расползшееся по полу
тело, он, не долго думая, опустил его в
сундук, откуда только что извлек руко-
пись. На этот раз замок легко поддался.
Сжав в охапку ключи, чтобы они не греме-
ли, Диего проворно оставил библиотеку.

Теперь он уже больше ни мгновения не
сомневался, что приснившийся ему этой
ночью сон — вещий. Он не должен был уби-
вать Гуго, а дожждаться, когда тот сам его от-
пустит. Что же теперь делать? Багира гово-
рил о каком-то фаллосе. Что это значит?
При чем здесь фаллос? Может быть, он на-
мекал, что фаллос явился первопричиной
всех несчастий Диего?.. Или, может, это
все-таки был не фаллос?.. Вряд ли бы мо-

нах стал говорить в такой момент о столь приземленных вещах. Ну, конечно! Палос! Багира говорил о Палосе! Значит, ему надо бежать в Палос...

— Ну, вот он, Палос. А что же дальше? — спросил себя Диего поздним летним вечером сидя в портовой таверне андалусского Палоса. — Может, все-таки фаллос?

— Не грусти о своем фаллосе, монах! Давай лучше выпьем, — нетрезвый голос прервал философствования Диего. — Кончились деньги? Я угощаю!

Диего вздрогнул. Этого еще не хватало! Он уже дошел до того, что размышляет вслух.

Соседом Диего по столу оказался какой-то пьяный субъект, — судя по виду, моряк. Увидев испуганно хлопавшего глазами цистерцианца, моряк бескомпромиссно рубанул кулаком по столу: «Пить будешь?!»

Посмотрев в лицо моряку, Диего понял, что отказаться в такой ситуации равносильно смерти.

Новый знакомый Диего представился боцманом одной из каравелл Христофора Колумба.

Увидев, как загорелись глаза цистерцианца при упоминании Индии, боцман хлопнул монаха по плечу и воскликнул:

— Слушай, монах, нам как раз нужен священник на «Нинью» — наш-то сегодня утром помер. Вот, пью за упокой его души... Не хочешь к нам на корабль?

И вновь, посмотрев в глаза боцману, Диего понял, что отказаться в такой ситуации равносильно смерти.

В самом деле, почему бы и не отправиться в путь? Быть может, в далекой, похожей на чудо, Индии ему удастся отрешиться от тревожных мыслей, в очередной раз

попробовать начать жизнь по-новому. Значит, Багира все-таки говорил о Палосе, иначе как объяснить эту случайную встречу в таверне со старым морским волком? Несмотря на свой уже солидный по тем временам возраст, Диего с завидным упрямством хотел жить и потому предпочел пуститься в опасное путешествие, чем бестолково болтаться на виселице или гореть в костре Святой инквизиции.

Однако Диего взяли на борт не затем, чтобы он лежал под пальмой и предавался богоискательству. В обязанности бывшего монаха входила помощь прибывшим с экспедицией Колумба священникам в деле приобщения к учению Христа обитателей острова Хуана, получившего впоследствии другое имя: Куба. Работа эта сразу не пришлась Диего по вкусу. Разве за тем бежал он из монастыря, чтобы рассказывать несчастным туземцам то, в чем он сам уже не был уверен? Раздираемый сомнениями, он часами расхаживал в одиночестве по острову, пока, наконец, не был ужален змеей. Умирая, Диего попытался уничтожить рукопись, которая всегда находилась при нем, но у него не хватило сил...

Обнаружившие Диего индейцы, ранее никогда не видевшие европейцев, с трудом вырвали из его омертвевших рук диковинную штуку с какими-то закорючками. Рядом лежала змея, миролюбиво гревшаяся на солнце. Несколько лет рукопись хранилась у индейцев, не знавших письменности, как реликвия, явленная священной змеей — тотемом их племени.

Католический миссионер, с небольшим отрядом добравшийся до хижин туземцев, обретших рукопись, был полон решимости

объяснить им особенности христианского вероучения сначала посредством доброго слова и увещания, а если не поможет, — то и с помощью меча. Индейцы не хотели показывать чужакам свою реликвию, однако бесцеремонные испанцы вытащили ее из хижины вождя, предварительно расправившись с ним самим.

Пока разбуженные посреди ночи индейцы пугливо жались друг к другу под прицелом кастильских мушкетов, священник внимательно разглядывал рукопись. Долгое время живший среди мудехаров и съевший собаку на их обращении в христианство, миссионер умел сносно читать по-арабски.

Подумать только: Коран! Не может быть! Как он сюда попал? Неужели мавры уже были здесь до христиан? (В то время европейцам уже стало ясно, что открытые Колумбом земли — не Индия.)

Пробежав под светом факела глазами рукопись, священник с помощью переводчика обратился к старейшинам племени. Судя по их ответу, ни о каких маврах местные жители слыхом не слыхивали, а указанную рукопись им принесла священная змея.

«Интересно было бы посмотреть на эту змею», — подумал священник...

В ту же ночь небольшой отряд испанцев, прибывший вместе со священником, был полностью перебит, а вновь обретшее свободу племя во главе с новым вождем, избравшим себе имя Абу Джихад, скрылось в горах Сьерра-Маэстра.

Абу Джихадом был не кто иной, как католический священник, пораженный обнаруженным в горах благословенного острова Хуана Кораном. Уверовав в Слово Аллаха, служитель культа разъяснил ин-

дейцам смысл Писания, принесенного им священной змеей.

Иноземным поработителям был объявлен беспощадный джихад. В течение нескольких лет племя успешно сопротивлялось захватчикам в горах Сьерра-Маэстра, пока не было уничтожено благодаря предательству одного из индейцев — сына убитого испанцами вождя, недовольного возвышением чужака.

Захваченную рукопись наряду с другими диковинками испанцы отправили в подарок Его Величеству. Однако недалеко от берегов Гранады судьба подарила им встречу с алжирскими пиратами.

Алжирский бей был очень удивлен, когда ему принесли захваченную у неверных рукопись Корана, обнаруженную, по словам пленников, у индейцев острова Хуана.

— Из Вест-Индии, говоришь,плыли? — недоверчиво переспросил он своего помощника — одноглазого нубийца Джамилья.

— Так точно! — подтвердил Джамиль.

В тот вечер бей не пошел в свой гарем. Уж больно любопытной показалась ему рукопись. Всю ночь провел он в чтении, а наутро... наутро у бея больше не было гарема. Он велел отпустить всех жен и наложниц, освободить рабов, раздать бедным все свое имущество. Собрав своих людей, бей объявил им, что больше не будет заниматься богопротивным разбойным ремеслом, а посвятит себя служению Богу в соответствии с христовыми заповедями.

Не все были готовы к такому сюрпризу со стороны бывшего душегуба. Особенно возмущались евнухи, в одночасье лишившиеся работы. Не успело жаркое мавританское солнце захлебнуться на западе в водах беспокойного океана, как бей, занятый изу-

чением рукописи, был смертельно ранен у себя в спальне. Виновников, среди которых оказался одноглазый Джамиль, схватили и предали жестокой казни. Сам же новообращенный христианин скончался на следующий день в муках, так и не успев вкусить радость обретения новой веры. Перед смертью он упросил одного из освобожденных им рабов отнести рукопись в христианские земли и передать епископу или кардиналу.

К несчастью для бея, освобожденный им раб не был столь же ревностным христианином, как он сам. Добираясь до христианских земель и остро нуждаясь в деньгах, бывший невольник заложил рукопись раввину Тунисской синагоги, но так никогда за ней и не пришел, решив наполовину — добровольно, наполовину — принудительно сделать карьеру евнуха в гареме одного янычарского аги* из Каира.

Когда на досуге, отчаявшись увидеть залогодателя, раввин стал пролистывать рукопись, он покрылся красными пятнами. Уж не специально ли ему подбросили ее? Теперь ему точно не сносить головы! Монах Багира! Откуда ты взялся на мою старую бестолковую голову? Господи! Ай-яй! Зачем я взял эту проклятую рукопись? Ай-яй! Мама! — стенал ребе Шмуэль, но не настолько громко, чтобы его могли услышать соседи. — Ай-яй! Что теперь со мной будет?

Надо ее скорее уничтожить! Ай-яй! Ребе Шмуэль сотворил молитву и, бросив рукопись вместе с другими скопившимися в генизе** манускриптами в старую, специально предназначенную для священных текс-

5
P
P

* Ага — военный титул в Османской империи. Здесь: командир янычарского корпуса.

** Гениза (*древнеевр.* — сокрытие, тайник) — хранилище в древних синагогах, а также размещенные там книги.

тов сумку, отправился на древнее еврейское кладбище*. Он уже успел вырыть своими мягкими, не знавшими физического труда руками подобающую яму, когда к нему пришла мысль: а что, если залогодатель вдруг возьмет да и вернется за своим залогом? Схватив сумку с непогребенными рукописями и лопату, ребе Шмуэль, тяжело дыша, поспешил в синагогу. Запрятав подальше злополучную рукопись в глубинах генизы, несчастный раввин с тех пор не находил себе места, ожидая то прихода янычар, то возвращения залогодателя.

Так он и умер два месяца спустя, глотая слезы и то и дело повторяя приводившее его семью в замешательство имя «Багира».

Прошло почти четыре столетия... Рукопись все это время пролежала в генизе, пока, наконец, само здание синагоги не пришло в такую ветхость, что вот-вот готово было обвалиться. Легкомысленные преемники ребе Шмуэля и не думали соблюдать заветы отцов. Рукописи из переполненной генизы не обрели заслуженный покой на кладбище, а ждали своего часа, чтобы в один прекрасный день быть распроданными заезжим искателям древностей. Одним из таких искателей оказался русский мичман, высаженный на берег за аморальное поведение с проходившего мимо Туниса крейсера. Слоняясь без дела по городу в ожидании возвращения своего корабля из Танжера, мичман набрел на синагогу. Ему разрешили взять с собой столько рукописей, сколько мог вместить старый мешок из-под Торы.

* По существовавшей традиции, у евреев было принято избавляться от старых, пришедших в негодность или вышедших из употребления священных книг, закапывая их на кладбище. Просто так выбрасывать книги было запрещено, поскольку в них содержалось имя Бога, и существовал риск осквернения текстов с Его именем.

Бестолково поковырявшись в старинных текстах, мичман выбрал те из них, которые, на его взгляд, были самыми симпатичными. Ни бельмеса не понимая в восточных языках, он приобрел рукописи для одного своего старинного друга — библиофила-дилетанта и по совместительству мужа его сестры.

Но друг слишком рано ушел из жизни, будучи призван на русско-японскую войну и так и не успев до конца оценить полученный подарок и вкусить славу первооткрывателя, к которой он стремился всю свою жизнь. Голодной зимой 1918 года вдова библиофила продала все приобретения покойного мужа в бывшую Императорскую публичную библиотеку. В то неспокойное время много квалифицированных сотрудников покинуло стены, в которых трудились Крылов, Стасов и другие выдающиеся люди, и на работу стали принимать не всегда самых достойных представителей человеческого племени.

— Ладно, — решил новоиспеченный библиотекар, принявший из рук вдовы рукопись, — сейчас выпью рюмашку, а завтра с Богом, не спеша, составлю опись... — и убрал новые приобретения в шкаф, где в неизвестности томилось много других текстов, до которых также не доходили его вечно плясавшие руки.

На улице библиотекар почувствовал необычайный холод в членах и, на ходу расстегнув портфель, постановил, что самое время употребить вторую рюмку, но не обнаружив оной, махнул рукой и выпил из горла... Больше никто не видел горе-библиотекаря.

Поговаривали, что он воровал рукописи, а потом безбожно пропивал их. Может, оно и так, — только к нашей рукописи это не имеет никакого отношения...

СОДЕРЖАНИЕ

День Мадины	5
Нежданный гость	20
Допрос и обыск	43
Погоня	65
Первое дело Абдуллы	86
Визит к полковнику	110
Экзамен для Саида	134
Женщина в окне	160
Неясное и очевидное	177
P. S.	207
P. P. S.	222

издательский дом
КИСЛОРОД

2

**Наши книги можно приобрести:
В Москве**

Московский дом книги — ст. м. "Арбатская",
ул. Новый Арбат 8, тел.: 291-78-32

Книжный магазин "Москва" — ст. м. "Твер-
ская", ул. Тверская 8, тел.: 229-64-83

Дом книги "Молодая гвардия" — ст. м. "По-
лянка", ул. Б. Полянка 28 тел.: 238-00-32

"Библио-Глобус" — ст. м. "Лубянка",
тел.: 928-86-28

"Путь к себе" — ст.м. Новослободская ул,
Краспролетарская, 16

"Белые облака" — ст. м. "Китай - город",
ул. Покровка 3 тел.: 921-61-25

"Помоги себе сам" — ст. м. "Текстильщики"
проспект Волгоградский, 46/15, 3-ий эт.,
тел.: 179-10-20

В С-Петербурге

"Роза Мира" — ст. м. "Технологический
институт" 6-ая Красноармейская ул. 25,
тел.: (812) 146-87-36, 310-51-35

В Киеве

ТЦ "Квадрат" — Площ. Славы, тел.: 531-99-68

Интернет - магазины:

www.ozon.ru

www.bolero.ru

**По вопросам оптовой покупки книг
издательства "Кислород" обращайтесь в
ООО "Фирма "Столица-Сервис"**

Москва, тел.: 375-32-11

издательский дом
КИСЛОРОД

**ПРИГЛАШАЕТ
АВТОРОВ**

**художественных и
публицистических
произведений**

г а р а н т и р у е м :

объективное рассмотрение;

выпуск достойных книг в достойном
оформлении;

распространение Ваших произведений
по всей территории России, СНГ
и зарубежных стран (пропорционально
талантливости произведений)

защиту Ваших авторских прав;

приличные гонорары

ВСЕМИРНУЮ СЛАВУ
*(разумеется, не гарантируем, но
приложим все усилия...)*

*Принимаем книги по Интернету
по адресу: e-mail: kislorod@rol.ru
www.O2-kislorod.ru*

тел.: (495) 768-02-56

Ренат Беккин
ИСЛАМ ОТ МОНАХА БАГИРЫ

Оформление и дизайн обложки
Петр Папихин

Корректор
Н.А. Кива

Верстка
А.В.Севостьянов

Издательский дом «Кислород»
Москва, проезд Добролюбова, д. 3, стр. 3
тел. 768-02-56
e-mail: kislorod@rol.ru

Формат 84*90/32. Тираж 3000 экз.
Отпечатано в ОАО Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
г. Москва, ул. Краснопролетарская, 16